

Иоанн Златоуст Толкование на Евангелие от Матфея. В двух книгах. Книга II

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=436485

Толкование на Евангелие от Матфея. В двух книгах. Книга вторая: Сибирская Благовонница; М.;

2010

ISBN 978-5-91362-316-4

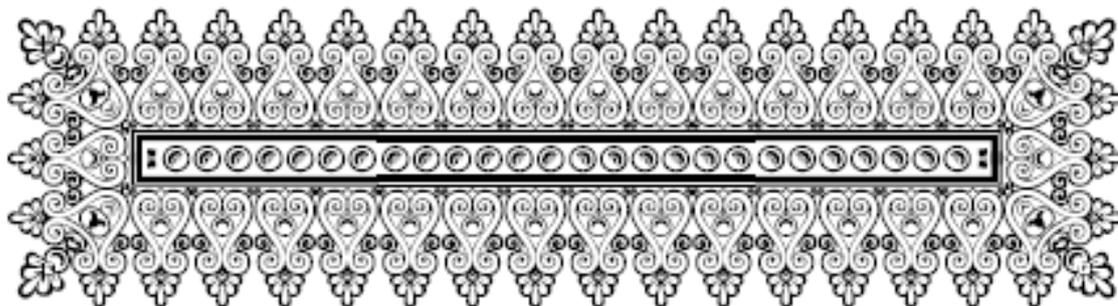
Аннотация

Святитель Иоанн Златоуст – один из величайших отцов Вселенской Церкви. Он оставил нам огромное литературное наследие и литургическое. В своем изъяснении Священного Писания Святитель показывал, как Библия может стать подлинной наставницей человека. Объясняя священные книги, он часто делал отступления на современные ему общественные и моральные темы, постоянно подчеркивая связь сказанного в Ветхом и Новом Завете с духовной жизнью и поступками христианина. Именно это сделало его библейские толкования столь привлекательными как для его современников, так и для всех последующих поколений. Во второй книге собраны его 46 бесед-толкований на Евангелие от Матфея.

Содержание

Беседа XLV	5
Беседа XLVI	9
Беседа XLVII	14
Беседа XLVIII	19
Беседа XLIX	27
Беседа L	34
Беседа LI	39
Беседа LII	46
Беседа LIII	52
Беседа LIV	58
Беседа LV	65
Беседа LVI	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Святитель Иоанн Златоуст Толкование на Евангелие от Матфея. В двух книгах. Книга вторая

Беседа XLV

И приступивше ученицы Его рекоша Ему: почто притчами глаголеши им? Он же отвечава рече им: яко вам дано есть разумети тайны Царствия Небеснаго, онем же не дано есть (Мф. 13, 10–11)

Изъяснение 13, 10–23. Благоразумие учеников. – Благодать не уничтожает свободы. – Иудеи сами были причиною того, что не понимали учения Христова. – Христос хотел их обращения и спасения. – Грех не есть дело природы или необходимости. – Многообразие путей спасения. – Увещание к милостыне и сострадательности к бедным.

1. Достоин удивления, что ученики, несмотря на сильное желание узнать, почему Иисус Христос говорит народу в притчах, разбирают время, когда предложить этот вопрос. Они делают это не при всех, как показал Матфей, говоря: *и приступивше*. А что объяснение мое не есть догадка, это открывает яснее Марк, когда говорит, что ученики приступили к Нему, когда Он был один (см.: Мк. 4, 10). Так надлежало поступить и братьям, и Матери Его: не вызывать Его из дома и не выставлять себя. Заметь также и великую любовь учеников, – как много они заботятся о других и сперва ищут их пользы, а потом уже своей. *Почто*, говорят они, *притчами глаголеши им?* Они не сказали: для чего Ты нам в притчах говоришь? И в других случаях они часто обнаруживают любовь свою ко всем, – например, когда говорят: *отпусти народ* (Лк. 9, 12), и также: *весили, яко соблазнишася?* (Мф. 15, 12). Что же отвечает им Христос? Вам, говорит Он, *дано есть ведати тайны Царствия Небеснаго, он ем же не дано есть*. Он это сказал, не указывая на какую-либо необходимость или на простое и случайное некоторых избрание, но показывая, что слушающие сами причиною всех зол, и вместе желая открыть, что разумение тайн Царствия есть дар благодати, ниспосылаемой свыше. Впрочем, хотя это и дар, однако этим не уничтожается свобода, как видно из последующих слов. А чтобы одни не предались отчаянию, а другие беспечности, слыша, что им дано разуметь тайны Царствия, смотри, как Он показывает и тем и другим, что это первоначально зависит от нас: *Иже бо имать*, говорит Он, *дастся ему, и преизбудет; а Иже не имать, и еже мнится имея возмется от него* (см.: Мф. 13, 12; 25, 29). Хотя эти слова довольно неясны, но они заключают в себе непререкаемую правду. Они означают то, что кто сам желает и старается приобрести дары благодати, тому и Бог дарует все; а в ком нет этого желания и старания, тому не принесет пользы и то, что он имеет, и Бог не сообщит ему даров Своих. *И еже мнится имея*, говорит, *возмется от него*. Это не то значит, что Бог отнимает у него, но что не достаивает его даров Своих. Так поступаем и мы. Когда видим, что кто-нибудь слушает нас рассеянно и при всех убеждениях наших остается невнимательным, – наконец перестаем говорить, потому что если мы будем настаивать, то беспечность его еще более усилится. Напротив, кто с ревностью слушает учение наше, того мы увлекаем в разговор и многое ему сообщаем. И справедливо сказано: *и еже мнится имея*, – потому что такой человек и этого не имеет. Далее Он объясняет слова Свои, показывая, что значит: *имущему дано будет*, говоря таким образом: *от неимущаго же, и еже мнится имея, возмется от него*. *Сего ради*, продолжает Он, *в притчах глаголю им, яко видяще не видят* (Мф. 13, 13). Но если они не видали, скажешь, то надлежало им открыть глаза. Да, если бы ослепление это было от природы, то надлежало открыть; но так как ослепление это было произвольное и зависело от свободы, то Он не сказал просто: *не видят*, но: *видяще не видят*, то есть что слепота их происходит от собственного их развращения. Они видели, что Он изгонял бесов,

и говорили: *о веельзевуле князе бесовстем изгонит бесы* (Лк. 11, 15). Слышали, что Он приводит их к Богу и поступает во всем согласно с волею Божественною, – и говорили: *несть Сей от Бога* (Ин. 9, 16). Таким образом, сами они поступали вопреки тому, что видели и что слышали. За это-то, говорит Христос, *Я и зрение и слух отниму у них*. Они не только не получают от этого никакой пользы, но, напротив, подвергаются еще большему осуждению, – потому что они не только не веровали в Него, но и поносили, и обвиняли, и злоумышляли против Него. Об этом последнем Он, впрочем, умалчивает, потому что не хочет быть строгим в обвинении. Сначала Он не притчами говорил им, но просто и ясно. Но так как они стали неохотно слушать Его, то Он наконец стал говорить им притчами. Далее: чтобы кто-либо слова Его не почел одним только упреком и не сказал, что Он укоряет и клеветает на них по вражде, Христос приводит слова пророка, подтверждающие то же самое: *сбывается бое них, говорит Он, пророчество Исаиино, глаголющее: слухом услышите, и не иматеразумети; и зрящеузрите, и не имате видети* (Мф. 13, 14). Замечаешь ли, что и пророк обличает их с такою же точностью в выражениях? И он не сказал: *не узрите*, но: *узрите, и не имате видети*; не сказал: *не услышите*, но: *услышите, и не имате разумети*. Итак, они сами были причиною того, что не понимали, заградив слух, закрыв глаза и ожесточив сердце. Они не только не слышали, но и *тяжко слышаша* (Мф. 13, 15). И делали это, говорит Господь, для того, *да не когда обратятся, и исцелю их*, – показывая тем их закоснение во зле и намеренное отвращение от Него.

2. Он говорит это с тем, чтобы привлечь их, возбудить и показать им, что, если они обратятся, Он исцелит их. Подобно тому как у нас говорят: он не хотел видеть меня, и отлично; а если бы он удостоил меня своим посещением, я тотчас оказал бы ему милость, показывая этим средство к примирению, – так точно и здесь говорит Господь: *да не когда обратятся, и исцелю их*, показывая, что они могут и обратиться, и спастись, если раскаются, и что Он делает все не для собственной славы, но для их спасения. Если бы Он не желал, чтобы они слушали Его и спасались, то надлежало бы Ему молчать, а не поучать их в притчах. Но теперь тем самым, что говорит им притчами, возбуждает их. *Бог, говорит, не желает смерти грешника, но еже обратится и живу быти ему* (см.: Иез. 18, 23). Что грех происходит не от природы, не по необходимости и принуждению, послушай, что говорит Христос апостолам: *ваша же блаженна очеса, яко видят, и уши ваши, яко слышат* (Мф. 13, 16), – разумея под этим зрение и слух не чувственные, но умственные. И апостолы были иудеи и воспитаны в том же законе, и, однако, пророчество нимало не повредило им, потому что хорошо был укреплен в них корень добра, то есть разум и воля. Теперь, видишь ли, что слова: *вам дано есть* не означают необходимости? Иначе за что бы называть их блаженными, если бы это доброе дело не зависело от них самих? Не говори того, будто Он учил невразумительно. И иудеи ведь, подобно ученикам, могли приходиться и спрашивать Его. Но они не хотели делать этого по своему нерадению и беспечности. И что я говорю: не хотели? Они даже поступали вопреки Ему: не только не веровали, не только не слушали, но и враждовали против Него, и отвращались от Его учения, в чем Господь и обвиняет их словами пророка: *тяжко слышаша*. Но не таковы были ученики; потому-то и удостоились названия блаженных. Христос и другим образом укрепляет учеников Своих, говоря: *аминь бо глаголю вам, мнози пророцы и праведницы вождедеша видети, яже видите, и не видеша: и слышати, яже слышите, и не слышаша* (Мф. 13, 17), – то есть Мое явление, чудеса, глас и учение. Здесь Он ставит учеников Своих выше не только развращенных иудеев, но и самих праведников, – они и этих последних, говорит, блаженнее. Почему же? Потому, что ученики видят не только то, чего не видали иудеи, но и то, что желали видеть праведники. Последние созерцали только верою, а ученики лицом к лицу, и гораздо яснее. Видишь ли, как Христос опять соединяет Ветхий Завет с Новым, показывая, что ветхозаветные праведники не только знали будущее, но и сильно его желали? А они не могли бы желать, если бы почитали

какого-либо бога, чуждого и противного истинному. *Вы же услышите*, говорит Он, *притчу сеющаго*; и говорит затем то, что мы сказали раньше, о беспечности и тщании, о боязни и мужестве, о богатстве и нелюбостыжании, показывая, какой проистекает вред от первых и какая польза от последних. Потом показывает различные роды добродетели. По милосердию Своему, Он не один только указал путь и не сказал, что тот будет отчужден, кто не принесет сторичного плода; спасется, говорит Он, и тот, кто принесет плод в шестьдесят крат, и даже кто в тридцать. Это для того Он сказал, чтобы облегчить нам путь к спасению. Итак, не можешь переносить трудного состояния девства? вступи в брак и живи целомудренно. Не можешь совершенно расстаться с богатством? Уделяй часть от имущества твоего. Для тебя трудно и это бремя? Разделяй с Христом имение твое. Не хочешь отдать Ему всего? Отдай, по крайней мере половину или третью часть. Если Он твой брат и сонаследник на Небесах, то сделай Его сонаследником и здесь. Ему давать – значит себе давать. Не слышишь ли, что говорит пророк: *свойственных племени твоего не презри* (Ис. 58, 7)? Если же не должно презирать сродников, то тем более не должно презирать Господа, Который вместе с правом власти имеет еще право родства с тобою и многие другие права. Он соделал тебя участником Своих благ, не только не получив ничего Сам от тебя, но еще предупредив тебя этим неизреченным благодеянием. Итак, не великое ли безумие получать такие дары и, между тем, самому быть нечувствительным и не воздавать взаимно за благодеяние, и притом меньшим за большее? Он соделал тебя наследником Неба, а ты не хочешь пожертвовать для Него и земным. Он примирил тебя с Богом, несмотря на то, что ты не только не сделал ничего доброго, но даже был врагом, а ты не хочешь воздать другу и благодетелю, тогда как, не говоря о царствии и о всем прочем, ты обязан воздать Ему благодарность за то самое, что можешь дать. Когда рабы приглашают господ на пир, делают это не с тем, чтобы доставить им удовольствие, но чтобы самим получить от них. Между тем здесь напротив, не слуга пригласил своего господина, но Господь призвал слугу к трапезе Своей. А ты не хочешь пригласить Его и после этого? Он Сам первый ввел тебя в дом Свой, а ты не хочешь сделать этого и теперь? Он прикрыл твою наготу, а ты и после этого не хочешь дать Ему приюта, как страннику? Он прежде утолил жажду твою из Своего сосуда, а ты не хочешь дать Ему и капли холодной воды? Он тебя напоил дарами Духа Святого, а ты не хочешь утолить и телесной Его жажды? Он тебя напоил Духом тогда, как ты был достоин наказания, а ты презираешь Его, когда Он жаждет, и это несмотря на то, что ты должен употребить Его же дары?

3. Ужели ты считаешь мало важным держать ту чашу, которую будет подносить к устам и из которой будет пить Христос? Ужели ты не знаешь, что один только священник имеет право предлагать Чашу Крови? Но я на это не смотрю строго, говорит Христос, а принимаю и у тебя. Хотя бы ты был мирянин, Я не отвергну тебя и не требую того, что Я Сам тебе дал. Я требую не крови, но студеной воды. Представь, Кому ты предлагаешь питье; представь – и трепещи. Помысли, что ты сам делаешься священником Христа, когда руками своими подаешь не Тело, не Хлеб, не Кровь, но чашу холодной воды. Он облек тебя одеждою спасения, и облек Сам; и ты сделай то же, хотя чрез раба. Он прославил тебя на Небесах; а ты, по крайней мере, защити Его от страха, наготы и бесславия. Он удостоил тебя сожителства с Ангелами; а ты прими Его только под кров твой, – по крайней мере, дай Ему приют, как бы рабу своему. Я не пренебрегаю приютом этим, говорит Христос, хотя Сам Я отверз для тебя целое Небо. Я освободил тебя от тягчайшего плена, но не требую того же от тебя и не говорю: освободи Меня; для Моего утешения довольно, если ты только обратишь на Меня внимание, когда Я нахожусь в узах. Я воскресил тебя из мертвых-и не требую, чтоб и ты сделал то же; но говорю: посети Меня только во время Моей болезни. Итак, каких адских мучений не достойны мы, ежели при столь великих благодеяниях, изливаемых на нас, и при столь легких требованиях от нас не исполняем и последних? Будучи бесчувственнее камня, мы по всей справедливости пойдем в огонь, уготованный диаволу и Ангелам его. Скажи мне:

какая бесчувственность с нашей стороны, когда мы, получая столь великие дары и столь великие имея в виду, остаемся рабами богатства, с которым скоро, может быть, против воли своей должны будем расстаться? Тогда как другие пожертвовали жизнью и пролили кровь свою, ты для Небесного Царствия и столь великой славы не хочешь пожертвовать даже своими избытками. Какое ты заслужишь прощение, какое получишь оправдание, если ты при засеве поля охотно вверяешь земле все семена и, давая взаем людям, ничего не жалеешь, а к бедным остаешься так жесток и бесчеловечен, к бедным, в лице коих ты питаешь Самого Господа? Итак, зная, что мы получили, что надеемся получить, и то, что требуется с нашей стороны, и размышляя о всем этом, покажем всякое рвение к делам духовным. Будем снисходительны и милосерды, чтобы нам не подвергнуться тяжкому наказанию. Если мы пользуемся столь многими и великими дарами, если так немного требуется с нашей стороны, и притом если требуется то, с чем мы должны расстаться здесь невольно, если так сильно привязаны к вещам временным, – то не послужит ли все это к нашему обвинению? Каждое из этих обстоятельств уже само по себе может осудить нас. Где же надежда спасения, если все это соединится вместе? Итак, чтобы не подпасть совершенному осуждению, будем сострадательны к бедным. Через это мы сделаемся достойными благ как здесь, так и там, коих и да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа XLVI

Ину притчу предложи им, глаголя: уподобися Царствие Небесное человеку, сеявшу доброе семя на селе своем. Спящим же человеком, прииде враг его, и вся плевелы посреде пшеницы, и отъиде. Егда же прозябе трава, и плод сотвори, тогда явишася и плевелы. Пришедше же раби господина, реша ему: господи, не доброе ли семя сеял еси на селе твоём? Откуда убо имать плевелы? Он же рече им: враг человек сие сотвори. Раби же реша ему: хощеш ли убо, да шедше исплевем я? Он же рече (им): ни; да не когда восторгающе плевелы, восторгаете купно с ними (и) пшеницу. Оставьте расти обое купно до жатвы (Мф. 13, 24–30)

Изъяснение 13, 24–33. Отличие притчи от предыдущей. – Дьявол придает заблуждению подобие истины. – Необходимость постоянного бодрствования. – Не должно убивать еретиков; не запрещается их обуздывать. Действие и сила апостольской проповеди. – Не чудотворения, а добродетели соделали великими апостолов и других святых. – Благодать чудотворений и привлекается добродетельною жизнью, и дается для исправления других. – В чем состоит истинно добрая жизнь.

1. Какая разность между этой притчею и предыдущею? Там Спаситель говорил о людях, которые без внимания Его слушали, а отойдя, и самое семя бросили; здесь же разумеет еретические сонмища.

Чтобы ученики не смущались и этим, Христос, после того как объяснил им, для чего говорит притчами, предсказывает и об еретиках. Первая притча показывала, что слово Его не принято; а второю дается знать, что вместе со словом приняты и вредящие слову. Таково одно из ухищрений диавола, что он к самой истине всегда примешивает заблуждение, прикрашая его разными подобиями истины, чтобы тем легче обмануть легковверных. Вот почему и Господь называет посеянное врагом не другим каким семенем, а плевелами, которые с виду походят несколько на пшеницу. Далее объясняет способ злоумышления: *спящим*, говорит, *человеком*. Не малою опасностью угрожает Он здесь начальникам, которым преимущественно вверено хранение нивы, – впрочем, не одним начальникам, но и подначальным. Данными словами Он показывает и то, что заблуждение приходит после истины, как о том свидетельствует и действительный опыт. В самом деле, после пророков – лжепророки, после апостолов – лжеапостолы, после Христа – антихрист. Да и диавол, пока не видит, к чему можно подделаться или над кем ухитриться, ничего не начинает, даже не знает, как приступить к делу. Так и теперь, приметив уже, что *ов сотвори сто, ов шестьдесят, ов тридцать*, он избирает для себя новый путь. Так как он не мог ни похитить укоренившегося, ни заглушить, ни пожечь, то вымышляет другого рода обман, именно – всевает собственные семена. Но чем же, скажешь, спящие отличаются от уподобленных пути? Тем, что там диавол похитил посеянное мгновенно, не дал ему даже и укорениться; а здесь ему потребовалось для обольщения больше хитрости. Указывая на это, Христос научает нас непрестанно бодрствовать. Пусть, говорит Он, ты избег прежних бед; но тебе предстоит новая. Как там бывает гибель от пути, камней и терний, так здесь – от сна. Нужно, следовательно, постоянно быть на страже. Потому-то и сказал Он: *претерпевый же до конца, той спасен будет* (Мф. 10,

22). Нечто подобное случилось в начале христианства. Многие предстоятели Церквей, вводя в них людей лукавых, скрытных ересеначальников, тем самым открыли диаволу легкий путь для совершения своих козней. После того как он всеял такие плевелы, ему нечего было уже и трудиться. Но как, скажешь, возможно пробыть без сна? Без сна естественного – невозможно, а без сна произвольного – возможно. Потому и Павел сказал: *бодрствуйте, стойте в вере* (1 Кор. 16, 13). Далее Господь показывает, что дело диавола есть не только вредное, но и излишнее, потому что он сеет после того, как нива уже возделана и все работы кончены. Так поступают и еретики, которые единственно только по тщеславию впускают свой яд. И не в этих только, но и в последующих словах Господь продолжает с точностью описывать поведение еретиков. *Егда же прозябе трава*, говорит Он, *и плод сотвори, тогдавшиися и плевелие*. Так действуют и еретики. Сначала они себя прикрывают; когда же приобретут смелость и получают полную свободу слова, тогда и изливают яд. А для чего Господь вводит рабов, рассказывающих о случившемся? Чтобы иметь случай сказать, что не должно убивать еретиков. Диавола же именует *враг человек* потому, что он вредит людям. Он желает вредить нам, хотя это желание произошло не от вражды на нас, а от вражды на Бога. Отсюда ясно, что Бог любит нас больше, нежели мы сами себя. Посмотри и с другой стороны, какова злоба диавола. Он не сеял прежде, потому что нечего было погубить. Но когда уже все засеяно, сеет и он, чтобы испортить стоившее многих трудов земледельцу. Столь сильную вражду обнаружил во всем против Него диавол! Заметь также усердие слуг: они сейчас же готовы выдергать плевелы, хотя поступают не совсем осмотрительно. Это показывает их заботливость о посеянном; они имеют в виду не то, чтобы был наказан всеявший плевелы, а единственно то, чтобы не погибло посеянное господином; в первом не было нужды, а потому и придумывают средство, как бы только истребить болезнь. Впрочем, избравши средство, они не осмеливаются сами собою привести его в исполнение; но ожидают приговора от господина, спрашивая его: *хощеши ли?* Что же отвечает им господин? Запрещает, говоря: *да не когда восторгнете с ними купно пшеницу*. Этими словами Христос запрещает войны, кровопролития и убийства. И еретика убивать не должно, иначе это даст повод к непримиримой войне во вселенной.

2. Итак, Он останавливает их в исполнении предпринятого намерения, по следующим двум причинам: во-первых, для того, чтобы не повредить пшеницу; а во вторых, потому что все неисцельно зараженные сами по себе подвергнутся наказанию. Поэтому, если хочешь, чтоб они были наказаны, и притом без повреждения пшеницы, то ожидай определенного к тому времени. Но что разумел Господь, сказав: *да не восторгнете с ними купно пшеницу?* Или то, что принявшись за оружие и убивая еретиков, неминуемо истребите с ними многих святых; или то, что многие из этих самых плевел могут перемениться и сделаться пшеницею. Следовательно, если вы, говорит Он, искорените их преждевременного, лишив жизни людей, которым было еще время перемениться и исправиться, истребите то, что могло бы стать пшеницею. Итак, Господь не запрещает обуздывать еретиков, заграждать им уста, сдерживать их дерзость, нарушать их сходбища и заговоры; но запрещает их истреблять и убивать. И замечай, какова кротость Господа: Он не просто объявляет приговор Свой, не просто повелевает, но излагает вместе и причины. Что же будет, если плевелы соблюдутся до конца? Тогда *реку жителем: соберите первее плевелы, и свяжиши их в снопы, яко сожешия*. Опять приводит на память ученикам слова Иоанновы, в которых Он изображен Судиею, и вразумляет, что должно щадить плевелы, доколе они растут подле пшеницы, потому что для них возможно еще стать пшеницею. Если же еретику случится умереть без всякого плода, то необходимо постигнет его неизбежное наказание. *Реку жителем*, говорит Господь, *соберите первее плевелы*. Для чего же *первее*? Чтобы ученикам не подать случая к опасению, что вместе с плевелами выдергана будет пшеница. *И свяжите их в снопы, яко сожеши я; а пшеницу соберите в житницу*. *Ину причту предложи им, глаголя: подобно есть Царствие*

Небесное зерну горчишнику (Мф. 13, 30–31)). Так как Господь сказал, что три части посеянного погибает, а одна спасается, да и в самой спасаемой бывает великое повреждение, то, предупреждая вопрос учеников: кто же и в каком числе будут верные, уничтожает их страх, обращая их к вере притчею о зерне горчичном, в которой показывает, что проповедь распространится повсюду. Поэтому-то и предлагает весьма подходящий к предмету речи образ горчичного зерна. *Еже малейше убо есть от всех семян, говорит Он, егда же возрастет, более всех зелий есть, и бывает древо, яко приити птицам небесным и витати на ветвех его* (Мф.13, 32). Этим Господь хотел показать образ распространения проповеди. Точно то же самое, говорит Он, будет и с проповедью. Хотя ученики Его были всех бессильнее, всех униженнее, но так как сила, в них сокровенная, была велика, то она распростерлась по всей вселенной. Далее к этому образу Господь присовокупил еще подобие закваски, говоря: *подобно есть Царствие Небесное квасу, егже взяли жена скры в сатех трех муки, дондеже вскисоша вся* (Мф. 13, 33). Как закваска над большим количеством муки производит то, что муке усваивается сила закваски, так и вы преобразуете целый мир. Обрати внимание на смысл: Господь избирает для образа то, что бывает в природе, чтобы показать, что слово Его так же непреложно, как и видимое в природе происходит по необходимым законам. Не говори мне: что сможем сделать мы, двенадцать человек, вступив в среду такого множества людей? В том самом и обнаружится яснее ваша сила, что вы, вмешанные во множество, не предадитесь бегству. Как закваска тогда только заквашивает тесто, когда бывает в соприкосновении с мукою, и не только прикасается, но даже смешивается с нею (потому и не сказано: положи, но: *скры*), так и вы, когда вступите в неразрывную связь и единение со врагами своими, тогда их и преодолеее. И как закваска, будучи засыпана мукою, в ней не теряется, но в скором времени всему смешению сообщает собственное свойство, так точно произойдет и с проповедью. Итак, не страшитесь, что *Я* сказал о многих напастях: и при них вы просияете и всех преодолеее. Под тремя же *сатами* Господь понимает здесь многие саты, так как число это обыкновенно употребляет для означения множества. Не дивись также и тому, что, беседуя о Царстве, Он упоминает о зерне и закваске. Он беседовал с людьми неискусными и малоучеными, которых к высокому надлежало возводить посредством низких предметов и которые были так просты, что при всем том имели еще нужду во многих пояснениях. Итак, где сыны эллинские? Да уразумеют силу Христову, имея пред очами истину событий! Да поклонятся Господу, и как предрекшему такое дело, и как совершившему его! Он один вложил силу в закваску. Для того Он и верующих в Него вмешал во множество, чтобы мы передавали другим свое разумение. Итак, пусть никто не жалуется на скудость: велика сила проповеди; однажды вскиснувшее само делается закваскою для прочего. Как искра, когда коснется дров, зажженное ею делает новым источником огня и таким образом простирается дальше и дальше, – так и проповедь. Но Господь сказал не об огне, а о закваске. Почему же? Потому что там не все зависит от огня, но многое и от зажженных дров; здесь же закваска все производит сама собою. Если же двенадцать человек заквасили целую вселенную, то размысли, как мы худы, когда, несмотря на всю свою многочисленность, не может исправить оставшихся, мы, которых по-надлежащему было бы довольно стать закваскою для тысячи миров!

3. Но то, скажешь, были апостолы. Что же из того? Не находились ли они в одинаковых с тобою обстоятельствах? Не в обществах ли жили? Нету же ли несли участь, не занимались ли ремеслами? Разве Ангелы они были? Разве с Неба сошли? Но, скажешь, они имели дар чудотворения. Но не по чудо-творениям они сделались сами чудными. И долго ли эти чудеса будут служить для нас прикрытием нашего нерадения? Посмотри на целый сонм святых, просиявших не чудесами. Многие изгоняли даже бесов, но потому, что творили беззаконие, не только не сделались чудными, но еще подверглись и наказанию. Что же такое, спросишь, соделало апостолов великими? Пренебрежение богатства, презрение славы, свобода

от житейских попечений. Если бы не имели они этого, но оставались рабами страстей, то хотя бы и тьмы мертвецов воскресили, не только бы не принесли никакой пользы, но сочтены были бы еще и обманщиками. Итак, одна жизнь блистает всюду; ею только привлекается и благодать Духа. Какое знамение сотворил Иоанн, привлечший к себе многие города? Что он не чудодействовал, о том послушай Евангелиста, говорящего: *яко Иоанн убо знамения не сотвори ни единого* (Ин. 10, 41). Отчего и Илия соделался чудным? Не от дерзновения ли пред царем? Не от ревности ли по Боге? Не от нищеты ли, не от милоти ли, пещеры и гор? Чудеса сотворены им уже после всех этих подвигов. Чудом ли каким Иов изумил диавола? Никаких чудес не творил он, а показал блистательную жизнь и терпение, тверже адаманта. Какое знамение сотворил Давид, находясь еще в юности, когда Бог сказал о нем: *обретох Давида, сына Иессеева, мужа по сердцу Моему* (Деян. 13, 22)? И Авраам, Исаак, Иаков воскресили ли кого из мертвых? Очистили ли кого от проказы? Знаешь ли, что дар чудотворения, при нашей беспечности, может часто даже вредить? Так многие из коринфян впали в расколы; многие из римлян возгордились; Симон извержен, и пожелавший идти за Христом оказался недостойным, услышав, что *лиси язвыны имут, и птицы небесныя гнезда* (Лк. 9, 58). Все они, желая себе от чудотворения или денег, или славы, отпали и погибли. Но ревностная жизнь и любовь к добродетели не только не рождают такого желания, но, если бы оно и было, истребляют его. И что говорил Христос, когда изрекал законы ученикам Своим? Сказал ли: творите чудеса, чтобы видели человеки? Совсем нет! Так что же? Да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела, и прославят Отца вашего, Иже на небесех (Мф. 5, 16). И Петру не сказал: если любишь Меня, то твори чудеса; но: *наси овцы Моя* (Ин. 21, 17). И если его с Иаковом и Иоанном Господь всегда предпочитал прочим апостолам, то, скажи мне, за что такое предпочтение? За чудеса ли? Но все они одинаково очищали прокаженных, воскрешали мертвых; всем равно Господь дал всякую власть. В чем же было их преимущество? В душевной доблести. Итак, видишь, везде потребна жизнь и явление дел. *От плод бо их*, говорит Господь, *познаете их* (Мф. 7, 16).

4. Что же составляет жизнь нашу? Явление ли чудес или заботливость о благоустройстве поведения? Очевидно, что последнее. Чудотворения же и начало отсюда заимствуют, и конец свой здесь же имеют. Кто ведет превосходную жизнь, тот привлекает к себе и благодать чудотворения. А приемлющий благодать приемлет для того, чтобы исправлять жизнь других. И Христос творил чудеса Свои для того, чтобы, чрез них явясь достойным веры и привлекая к Себе людей, ввести в мир добродетель.

Об этом-то преимущественно Он и заботится. Вот почему Он и не довольствуется одними чудесами, но то угрожает геенною, то обещает Царствие, то предписывает чудные Свои законы и употребляет все способы к тому, чтобы соделать нас равными Ангелам. Но что говорить о Христе? Он ли один все творит с такою целью? Скажи мне сам ты: если бы дали тебе на выбор – или воскрешать мертвых во имя Его, или умереть за имя Его, что бы ты охотнее избрал? Не последнее ли без всякого сомнения? Но первое было бы чудо, а последнее есть дело. И если бы предложили тебе – или траву превращать в золото, или иметь такую силу воли, чтобы всякое богатство попирать, как траву, не избрал ли бы ты скорее последнее? И весьма справедливо. Таким выбором ты больше привлечешь к себе людей. Увидев траву, превращаемую в золото, они сами пожелают иметь такую же силу, подобно Симону; а чрез то увеличится их любостыжательность. Напротив, если бы видели, что все попирают и презирают золото, как траву, то давно бы избавились от этой болезни.

Итак, видишь ли, что жизнь может приносить больше пользы? Жизнью же называю не то, когда ты постишься, когда подстилаешь вретиче и пепел, но то, когда ты пренебрегаешь богатством, как пренебрегать им должно, когда избыточествуешь в любви, даешь хлеб свой алчущему, сдерживаешь гнев, отвергаешь тщеславие, истребляешь в себе зависть. Такой урок преподан нам от Христа. *Научитесь*, говорит Он, *от Мене, яко кроток есмь и смирен*

сердцем (Мф. 11, 29). Не говорит: *Я* постился, – хотя бы мог упомянуть о сорокадневном посте; но, умалчивая об этом, указывает только, *яко кроток есмь* и смирен сердцем. И опять, посылая учеников, не сказал: поститесь; но: *ядите предлагаемое вам* (Лк. 10, 8). Между тем требует, чтобы они всячески береглись любостыжания, говоря: *не стяжите злата, ни сребра, ни меди при поясах ваших* (Мф. 10, 9). Говорю это не в оуждение поста: да не будет того! Напротив, весьма одобряю пост. Скорблю только, когда вы, презрев все прочие добродетели, достаточно для вашего спасения почитаете ту, которая занимает последнее место в лике добродетелей. Важнейшие же из них: любовь, кротость и милостыня, превосходящая даже девство. Итак, если хочешь сделаться равным апостолам, – ничто не препятствует. Довольно для тебя выполнить одну только добродетель милостыни, чтобы ни в чем не быть скуднее апостолов. Никто поэтому не должен откладывать подвигов в добродетели до получения дара чудотворения. Если демон мучится, когда его изгонят из тела, то гораздо больше мучится, когда видит душу, освобожденную от греха. Подлинно, грех есть главная сила демонская; по причине греха умер Христос, чтобы разрушить его; грехом введена смерть; чрез грех все превращено. Если ты истребил в себе грех, ты подрезал жилы диаволу, стер главу его, разрушил всю его силу, рассыпал воинство, сотворил чудо, всех чудес большее. Не мое это слово, но блаженного Павла, который, сказав: *ревнуйте дарований больших, и еще по превосхождению путь вам показую* (1 Кор. 12, 31), представляет не дар чудотворений, но любовь – корень всякого добра. Итак, если мы будем упражняться в любви и в прочем любомудрии, на ней основанном, то не будем иметь никакой нужды в чудотворениях; напротив, если не будем упражняться в любви, то не получим никакой пользы от чудотворений. Помышляя о всем этом, поревнуем тому, чрез что апостолы соделались великими. А хочешь ли знать, чрез что они соделались великими? Послушай Петра, говорящего: *се, мы оставихом вся, и вслед Тебе идехом; что убо будет нам?* (Мф. 19, 27) Послушай также и Христа, отвечающего ученикам: *сядете на двоианадесяти престолах. И всяк, Иже оставит дом, или братию, или отца, или мать, сторицею приимет в веще сем, и живот вечный наследит* (Мф. 19, 28–29). Итак, удалив от себя все житейские попечения, посвятим себя Христу, чтобы нам и соделаться равными апостолам по определению Его, и сподобиться вечной жизни, которую да получим все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа XLVII

Сия вся глагола Иисус в притчах народом, и без притчи ничесоже глаголаше к ним. Яко да сбудется реченное пророком, глаголющим: отверзу в притчах уста Моя, отрыгну сокровенная от сложения мира (Мф. 13, 34–35)

Изъяснение 13, 34–52. Для чего Христос учил в притчах. – Не должно понимать притчей буквально. – Важность и многоценность проповеди. – Отречение от всего житейского есть не потеря, а приобретение. – Одной веры не довольно для спасения. – Вред нерадения о чтении Писания. – Глава и члены добродетели. – Евангелист Матфей как пример добродетели. – Без милости невозможно спасение. – Превосходство души произвольно-убогого над душою богатого.

1. Евангелист Марк говорит, что Христос проповедовал им слово в притчах, *якоже можяху слышати* (Мк. 4, 33). Но Евангелист Матфей, чтобы показать, что проповедовать в притчах не есть что-либо новое, приводит пророка, которым предсказан этот способ учения, и вместе, чтобы открыть нам намерение Христова, с каким Он беседовал в притчах, именно – не то, чтобы оставить слушателей в неведении, но то, чтобы возбудить их к вопросам, – присовокупляет: *и без притчи ничесоже глаголаше к ним*. Хотя Христос о многом говорил без притчи, но в настоящем случае без притчи Он ничего не говорил. И однако же, никто не вопрошал Его, – хотя часто вопрошали пророков, как то: Иезекииля и многих других. Теперь не предложили Ему ни одного вопроса, хотя сказанного достаточно было к тому, чтобы озаботить слушателей и побудить к вопросам. Даже угроза величайшим наказанием, высказанная в притчах, не произвела на слушателей никакого впечатления. Вот почему Господь оставил их и ушел. *Тогда*, говорит Евангелист, *оставь народы, прииде в дом свой Иисус* (Мф. 13, 36). И ни один из книжников не следует за Ним. Отсюда видно, что они следовали за Христом единственно с намерением уловить Его в слове. Но так как теперь они не понимали того, что было говорено, то Господь оставил их. И приступают ученики Его с вопросом о притче плевел (см.: Мф. 13, 36). Доселе хотя они и желали узнать, но боялись спрашивать. Откуда же теперь явилась у них смелость? Они слышали: *яко вам дано есть разумети тайны Царствия Небеснаго* (Мф. 13, 11), и осмелились. Потому и спрашивают наедине, не из зависти к народу, но исполняя закон Владыки, Который сказал: *он ем же не дано есть*. Но почему, оставив притчу о закваске и о горчичном семени, они спрашивают именно о притче плевел? Те притчи оставлены ими, как вразумительнейшие. Изъяснение же этой притчи желают слышать потому, что она имеет близкое отношение к сказанной перед нею, причем намекает на нечто большее, чем прежняя (Христос не сказал бы одной и той же притчи дважды). Они видели уже, что в последней притче заключается великая угроза. Потому и Господь не только не укоряет их, но и пополняет сказанное прежде. И о чем неоднократно замечал я, что притчей не должно принимать буквально, – иначе можно прийти ко многим несообразностям, – тому же самому и Господь научает теперь нас, в изъяснении притчи отступая от буквы. Он не говорит, кто таковы пришедшие к господину рабы. Но, давая разуметь, что они введены только для сообразности и полноты изображения, опускает эту часть притчи и изъясняет только нужнейшее и самое существенное – то самое, для чего притча произнесена, – дабы показать, именно, что Он есть Судия и Господь вселенной. *И*

отвещав, говорит Евангелист, рече им: сеявый доброе семя, есть Сын Человеческий. А село, есть мир; доброе же семя, сии суть сынове Царствия; а плевелы, сынове неприязненнии. А враг всеявый их, есть диавол; а жатва, кончина века есть; а жатели, Ангели суть. Яко убо собирают плевелы, и огнем сожигают, тако будет в скончание века сего. Послет Сын Человеческий Ангелы Своя, и соберут от Царствия Его вся соблазны, и творящих беззаконие. И ввергут их в пещь огненну; ту будет плач и скрежет зубом. Тогда праведницы просветятся яко солнце, в Царствии Отца их (Мф. 13, 37–43). Итак, если Сам Он есть Сеятель, сеет на собственном поле и с Своего Царства собирает, то ясно, что настоящий мир Ему принадлежит. Размысли же, как неизреченно Его человеколюбие, как Он готов благотворить и как далек от того, чтобы наказывать! Когда сеет, то сеет Сам; когда же наказывает, то наказывает чрез других, именно чрез Ангелов. *Тогда праведницы просветятся яко солнце, в Царствии Отца их*. Это не значит, что они будут светиться, точно как солнце. Но так как мы не знаем другого светила, которое было бы блистательнее солнца, то Господь употребляет образы для нас известные. В других местах Христос говорит, что жатва уже наступила; так, например, когда говорит о самарянах: *возведите очи ваши и видите нивы, яко плавы суть к жатве уже* (Ин. 4, 35). И еще: *жатва убо многа, делателей же мало* (Лк. 10, 2). Итак, почему же сказал Он там, что жатва уже наступила, а здесь говорит, что жатва еще будет? Потому, что слово *жатва* берет в разных значениях. Почему также, сказавши в другом месте: *ин есть сеяй, и ин есть жняй* (Ин. 4, 37), здесь говорит, что сеющий есть Сам Он? Потому, что там, говоря пред иудеями и самарянами, противопоставляет апостолов не Себе, но пророкам, так как Он сеял и чрез пророков. Точно так же иногда одно и то же Он называет и жатвою и сеянием, принимая эти слова в разных отношениях.

2. Когда Он разумеет благопокорность и послушливость слушателей, тогда, как окончивший свое дело, называет это жатвою. Когда же ожидает еще только плода от слышания, тогда именуется это сеянием, а кончину – жатвою. А как в другом месте сказано, что праведники восхищены будут первые (1 Фес. 4, 16)? Точно, они первые восхищены будут в пришествие Христово. Но сперва грешные преданы будут наказанию, а потом уже праведные внидут в Царство Небесное. Праведникам точно надлежит быть на Небе, и Господь придет на землю, будет судить всех людей, произнесет над ними приговор; потом, подобно некоему царю, восставши с Своими друзьями, поведет их в блаженное наследие. Видишь ли, что наказание будет сугубое: должны будут гореть – и видеть себя отчужденными от славы? Но для чего же наконец, когда народ разошелся, и с апостолами Христос беседует в притчах? Для того, что они, будучи вразумлены сказанным прежде, могли уже понимать притчи. Потому-то, когда по произнесении притчей Он спрашивает их: *разумеете ли сия вся?* – они отвечают: *ей, Господи!* (Мф. 13, 51) Таким образом, притча, кроме прочего, произвела и то, что апостолов соделала проницательными. Что же Господь говорит далее? Подобно есть Царствие Небесное сокровищу сокровену на селе, еже обрет человек скры: и от радости его вся, елика имать, продает, и купует село то. Паки подобно есть Царствие Небесное человеку купцу, ищущу добрых бисерей, Иже обрет един многоценен бисер, шед продаде вся, елика имяше и купи его (Мф. 13, 44–46). Как выше горчичное зерно и закваска имеют малую разность между собою, так и здесь сходны две притчи о сокровище и о бисере. Обеими этими притчами показывается то, что проповедь должно всему предпочитать. В притчах о закваске и о горчичном зерне говорится о могуществе проповеди и о том, что она совершенно побеждает вселенную. Настоящие же притчи показывают важность и многоценность проповеди. Подлинно, она расширяется, подобно горчичному дереву, превозмогает, подобно закваске, многоценна как бисер и доставляет бесчисленные удобства, подобно сокровищу.

Отсюда мы научаемся тому, что надобно не только прилежать к проповеди, отрешившись от всего прочего, но что даже должно это делать с радостью. И отрекающийся от своего имения должен знать, что это есть приобретение, а не потеря. Видишь ли, и как пропо-

ведь сокрыта в мире, и сколько в проповеди сокрыто благ? Если не продашь всего, то не купишь; и если не имеешь ищущей и заботливой души, то не найдешь. Итак, для тебя необходимо, во-первых, отказаться от житейских попечений и, во-вторых, быть весьма бдительным. Сказано: *ищущу добрых бы – серей, Иже обрет един многоценен бисер, продаде вся и купи его*. Одна есть истина, – и она не многосложна. Как обладающий бисером сам знает, что он богат, но для других часто бывает неизвестно, что у него в руках бисер, потому что он не велик, – так можно сказать и о проповеди: обладающие ею знают, что они богаты, но неверующие, не понимая цены этого сокровища, не знают о нашем богатстве. Но чтобы мы не слишком полагались на одну проповедь и чтобы не подумали, что одной веры достаточно нам ко спасению, Господь произносит новую грозную притчу. Какую же именно? Притчу о неводе. *Подобно есть Царствие Небесное неводу, ввержену в море, и от всякого рода собравшу. Иже егда исполнися, извлекоша и на край, и седше избраша добрыя в сосуды, а злыя извергоша вон* (Мф. 13, 47–48). Чем различается эта притча от притчи о плевелах? И там одни спасаются, а другие погибают. Но там одни погибают от принятия вредных учений, а другие, о которых сказано выше, от невнимания к слову (Божию); здесь же причину гибели бывает порочная жизнь. Так погибающие всех несчастнее: они и познание приобрели, и уловлены были, но при всем том не могли спастись. В других местах говорится, что отделяет Сам Пастырь; здесь же приписывается это Ангелам, как и в притче о плевелах. Что же это значит? То, что Господь беседует с учениками иногда менее, а иногда более возвышенно. И эту притчу изъясняет Он не по просьбе учеников, а по собственному изволению; притом истолковал одну часть ее и тем увеличил страх. Чтобы ты, слыша, что злых извергли только вон, не почел такой гибели еще не опасною, Христос в изъяснении указывает образ наказания, говоря, что *ввергнут в пещь*, где будет скрежет зубов и несказанное мучение. Видишь ли, сколько путей к гибели? Камень, терния, путь, плевелы, невод. Итак, не напрасно сказано, что *широкий есть путь вводяй в пагубу, и мнози суть входящии им* (Мф. 7, 13). После того Господь, заключив речь Свою угрозою и присовокупив многое тому подобное (потому что Он особенно занялся этим предметом), спрашивает апостолов: *разумеете ли сия вся?* Глаголаша Ему: ей Господи! (ст. 51). И за такую понятливость снова восхваляет их, говоря: *сега ради всяк книжник, научився Царствию Небесному, подобен есть человеку домовиту, Иже износит от сокровища своего новая и ветхая* (Мф. 13, 52). Подобно этому сказал Он и в другом месте: *пшлю к вам премудры и книжники* (Мф. 23, 34).

3. Видишь ли, что Христос не исключает Ветхий Завет, но хвалит и превозносит, называя его сокровищем? Итак, несведующие в Божественных Писаниях не могут быть названы людьми домовитыми: они и сами у себя ничего не имеют, и от других не заимствуются, но, томясь голодом, нерадят о себе. Впрочем, не они только, но и еретики лишены этого блаженства, потому что из сокровища своего не выносят ни старого, ни нового. У них даже нет старого, а потому нет и нового. Равно не имеющие нового не имеют и старого, но лишены и того и другого, потому что новое и старое соединено и связано между собою. Итак, все мы, нерадящие о чтении Писаний, послушаем, какой терпим от этого вред и какую скудность. В самом деле, когда мы приведем в благоустройство дела свои, если не знаем тех самых законов, по которым должно приводить их в благоустройство? Богачи, влюбленные до безумия в богатство, часто выколачивают свои одежды, чтобы их не подъела моль. А ты, видя в себе забвение, губительнее моли, повреждающее твою душу, не прибегаешь к Писанию, не истребляешь в себе язвы, не украшаешь своей души, не вглядываешься пристально в образ добродетели, не рассматриваешь членов и ее главы. И действительно, добродетель имеет и главу и члены, благолепнейшие всякого стройного и красивого тела. Что такое, спросишь, глава добродетели? Смиренномудрие. Потому и Христос начинает со смиренномудрия, говоря: *блаженнишии* (Мф. 5, 3). Вот глава добродетели! Она не имеет ни волос, ни кудрей, но так прекрасна, что привлекает Самого Бога. *На кого воззрю*, говорит Он, *только на*

кроткого и смиренного и трепещущаго словес Моих (Ис. 66, 2)? И еще: *они Мои на кроткия земли* (см.: Пс. 75, 10; 100, 6). И еще: *близ Господь сокрушенных сердцем* (Пс. 33, 19). Глава эта, вместо волос и косы, приносит жертвы, благоприятные Богу: Она – золотой жертвенник и духовный алтарь. *Жертва Богу дух сокрушен* (Пс. 50, 19). Она – мать премудрости. Кто ее имеет, тот и все прочее иметь будет. Итак, видишь ли главу, какой ты никогда еще не видывал? Хочешь ли видеть или, лучше, узнать и лицо добродетели? Всмотрись же сперва в его румяный, красивый и весьма приятный цвет, а потом узнай, от чего последний происходит. От чего же именно? От того, что добродетель стыда ива и всегда краснеет. Потому и сказал некто: *прежде стыдливаго предваряет благодать* (Сир. 32, 12). Это сообщает большую красоту и всем прочим членам. И хотя бы ты смешал тысячи цветов, все не произведешь такой лепоты. Если хочешь видеть и глаза добродетели, то посмотри: они тщательно очертаны скромностью и целомудрием. Оттого-то они так прекрасны и проницательны, что видят Самого Господа. *Блажени чистии сердцем*, говорит Он, *яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8). Уста же добродетели суть премудрость, и разум, и знание духовных песнопений. Сердце ее есть глубокое ведение Писаний, соблюдение истинных догматов, человеколюбие и добродушие. И как без сердца невозможно жить, так без исчисленного теперь невозможно спастись. Отсюда рождается все доброе. У добродетели есть также свои руки и ноги – явление добрых дел. Есть у нее и душа – благочестие. Есть у нее золотая и тверже адаманта грудь – мужество. Легче все одолеть, чем сокрушить эту грудь. Наконец, дух, пребывающий в мозгу и в сердце, – любовь.

4. Хочешь ли, покажу тебе образ добродетели и в самых делах? Представь этого самого Евангелиста (Матфея). Хотя мы и не имеем полного описания жизни его, однако и в немногом можно видеть блистательное его изображение. Что он был смирен и сокрушен сердцем, о том слышишь от него самого, когда он в Евангелии называет себя мытарем. Что он был милостив, заключай из того, что отвергся всего и последовал за Иисусом. Что он был благочестив, это явно из учений его. И по написанному им Евангелию не трудно также судить о разуме его и о любви, потому что трудился для целого мира. Доказательством добрых дел его служит престол, на котором он имеет воссесть. Мужество же видно из того, что от лица синедриона он возвратился радуясь. Итак, поревнуем такой добродетели, особенно же смирномудрию и милостыне, без которых невозможно спастись. Доказательство тому-пять дев, равно как и фарисей. Без девства можно видеть Царствие; а без милостыни никакой нет к тому возможности. Милостыня всего нужнее, в ней все заключается. Потому-то мы не без причины назвали ее сердцем добродетели. Но и самое сердце скоро умирает, если не сообщает всему духа; подобно как гнивает источник, если нет из него постоянного стока. То же случается и с богатыми, когда они удерживают у себя свое имущество. Потому-то вошло и в общую поговорку: много добра гниет у такого-то; напротив, не говорим, что у него большее изобилие, несметное сокровище. И обладающие богатством, и самое богатство подвержены гниению. Одежды лежат ветшают, золото ржавеет, пшеницу изъедают черви. Душа же обладающего всем этим больше всего ржавеет и сгнивает от забот. И если хочешь вывести на позор еще душу сребролюбца, то найдешь, что она, подобно одежде, которая изъедена тысячами червей и на которой не осталось целого места, вся также источена заботами, сгнила и проржавела от грехов. Не такова душа убогого, убогого произвольно. Она сияет как золото, блестит как жемчужина, цветет как роза. К ней не прикасается ни моль, ни вор, ни попечение житейское. Точно как Ангелы живут убогие. Хочешь ли видеть красоту такой души? Хочешь ли узнать богатство нищеты? Душа убогого не повелевает мужами, но повелевает демонами; не предстоит царю, но предстала Богу; не воинствует с человеками, но воинствует с Ангелами; не имеет одного, двух, трех, двадцати сундуков, но имеет такое изобилие, что целый мир вменяет ни во что. Она не имеет сокровища, но имеет Небо; не нуждается в рабах, – напротив, ей раболепствуют помыслы, обладающие царями. Помысл, владеющий облечен-

ным в багряницу, до такой степени боится бедняка, что не смеет поднять и глаз своих. Произвольно убогий и над царским венцем, и над золотом, и над всем тому подобным смеется, как над детскими игрушками. Все это кажется ему столь же презренным, как и колесца, и кости, и камешки, и мячи. Он имеет такое украшение, которого не могут даже видеть забавляющиеся этими игрушками. Итак, что же лучше этого убогого? Ему подножием служит небо; а если таково подножие, то сам рассуди, что ему служит покровом. Скажешь, что нет у него коней и колесниц? Но ему какая в том нужда, когда он имеет шествовать на облаках и быть со Христом? Итак, размысливши об этом, и мужи и жены, взыщем этого богатства, этого неизживаемого имущества, да сподобимся получить Царствие Небесное, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа XLVIII

И бысть, егда сконча Иисус причти сия, преjde оттуду (Мф. 13, 53)

Изъяснение 13, 53–14, 12. Незнатность происхождения Христа должна была вызывать большее удивление к Его учению. – Почему в отечестве Своем Христос сотворил немногие чудеса. Мнение Ирода о Христе. – Преступление Иродиады и Ирода. – В чем состоял закон, нарушенный Иродом. – Вред пляски и пиршеств. – Страдания, причиняемые праведнику, увеличивают его награду. – Распутство бывает причиною многих преступлений. – Грех покрывается не присовокуплением греха, а покаянием. – Должно не осмеивать, а прикрывать грехи ближних. – Преступность пиршеств, устрояемых для тунеядцев. – Должно исправлять тунеядцев, употребляя их на служение добрым делам.

1. Для чего присовокуплено: *сия*? Для того, что Господь намеревался сказать еще другие притчи. А для чего переходит Он на другое место? Для того, что хочет сеять слово повсюду. *Ипришед в отечествие Свое, учаще их на сонмищи их* (Мф. 13, 54). Какое же отечество Христа понимает здесь Евангелист? Думаю, что Назарет, – потому что сказано: *не сотвори ту сил многих* (Мф. 13, 58). В Капернауме же Господь творил чудеса, почему и сказал: *и ты, Капернауме, Иже до небес вознесыйся, до ада снидеши; зане аще в Содомех быша силы были бывшия в тебе, пребыли убо быша до днешняго дне* (Мф. 11, 23). Но, пришедши в Назарет, Христос оставляет чудеса, чтобы не возжечь в иудеях большей зависти и чтобы не осудить строже за умножившееся неверие, и взамен того предлагает учение, не менее чудес чудное. Но люди, до крайности бессмысленные, когда надлежало дивиться и изумляться силе слов Христовых, вместо того унижают Христа по мнимом отце Его, – хотя в прежние времена много имели тому примеров, что у незнатных родителей бывали знаменитые дети. Так Давид был сын одного незначительного земледельца – Иессея; а Амос, родившись от пастуха коз, и сам был также пастухом коз; и у Моисея-законодателя отец был гораздо его ниже. Следовательно, и пред Христом должно было благоговеть и прийти в изумление потому наиболее, что, имея таких родителей, говорил необычайное. Это ясно показывало в Нем не человеческое обучение, но Божественную благодать. Но за что надлежало удивляться, за то презирают. Между тем Господь постоянно ходит в синагоги, чтобы за всегдашнее пребывание в пустыне не стали еще расславлять о Нем, как о раскольнике и враге общества. Итак, дивясь и недоумевая, иудеи говорили: *откуда Сему премудрость сия и силы?* (Мф. 13, 54) – называя силами или чудеса, или самую премудрость. *Не Сей ли есть тектонов сын?* (Мф. 13, 55) В этом-то и величие чуда; это-то особенно и изумительно. *Не Мати ли Его нарицается Мария?* И братья Его Иаков и Иосий, и Симон и Иуда? И сестры Его не вся ли в нас суть? Откуда Сему сия? И блажняхуся о Нем (Мф. 13, 55–57).

Примечаешь ли, что Господь беседовал в Назарете? Не братья ли Ему тот и тот? – говорили там. Так что же? Это-то самое и должно было особенно обратить вас к вере. Но зависть лукава и часто противоречит сама себе. Что было и странно, и чудно, и достаточно к тому, чтобы привлечь их, – то самое их соблазняло. Что же сказал им Христос? *Несть, говорит Он, пророк без чести, токмо во отечествии своем, и в дому своем* (Мф. 13, 57). *И не сотвори, присовокупляет Евангелист, сил многих за неверствие их* (Мф. 13, 58). Евангелист же Лука сказал: и не сотворил там многих знамений, хотя следовало сотворить. В самом деле, если удивление к Нему возрастало (даже и тогда дивились уже), то почему бы

не сотворить чудес? Но целью Его было не Себя показать, а им доставить пользу. А так как в последнем не было успеха, то Спаситель пренебрег и то, что касалось до Него Самого, чтобы не увеличить их наказания. Смотри же: хотя Он пришел к ним после долговременного отсутствия и показавши множество знамений, но они и теперь не потерпели Его, а снова распалились ненавистью. Но для чего же Он сотворил немногие чудеса? Для того, чтоб не сказали: *врачу, исцелися Сам* (Лк. 4, 23); не сказали: Он наш противник и враг, презирает Своих; не сказали: если бы чудеса были, и мы бы уверовали. Вот почему Он и сотворил чудеса, и удержался от чудес: сотворил, чтоб исполнить Свое дело; удержался, чтоб не подвергнуть их большому осуждению. Вникни же в силу сказанного: обладаемые ненавистью вместе и дивились. Но как, судя о делах Христовых, не оуждают самых дел, но вымышляют небывалые вины, говоря: *о веельзевуле изгонит бесы* (см.: Мф. 12, 24; Лк. 11, 15), так и здесь, судя обучении, не осуждают его, но прибегают к низости рода. А ты заметь снисходительность Учителя, как Он не упрекает их, но с большою кротостью сказал: *несть пророк без чести, токмо во отечествии своем*; и даже на этом не остановился, но присовокупил: *и в даму своем*. Присовокупил же это, как думаю, разумея братьев Своих.

2. У Евангелиста Луки Господь представляет тому и примеры, говоря, что Илия приходил не к своим, но к иноземной вдовице, и что Елисеем исцелен от проказы не другой кто, а иноземец Нееман (см.: Лк. 4, 25–27). Израильтяне и благодеяний не получили, и сами добра не делали; а благодетельствованы и благодетельствовали чужие. Говорит же это Христос, чтобы показать злой их нрав и то, что обращение с Ним не есть что-либо новое. *В то время услыша Ирод четвертовластник слух Иисусов* (Мф. 14, 1). Царь Ирод, отец упоминаемого и избивший младенцев, тогда уже умер. Евангелист не без намерения означает время, но чтобы ты увидел суетность и небрежность государя, который о делах Христовых узнает не вначале, но по прошествии немалого времени. Так-то люди, облеченные властью и величием, мало уважая такие вещи, поздно узнают о них. Но ты познай могущество добродетели: Ирод боится и умершего Иоанна; даже от страха любомудрствует о Воскресении. *И рече*, говорит Евангелист, *отроком своим: сей есть Иоанн*, которого я умертвил; он воскрес из мертвых, *и сего ради силы действуют о нем* (Мф. 14, 2). Видишь ли, как силен у него страх? Он не смеет и теперь сказать это всенародно, а говорит только своим придворным. Впрочем, самая догадка груба и нелепа. Хотя многие воскресали из мертвых, но ни один не творил таких чудес. Мне кажется, что сказанное Иродом внушено и честолюбием, и страхом. Действительно, душа, не управляемая разумом, часто вмещает в себе смесь противоположных страстей. Так, по сказанию Евангелиста Луки, в народе о Христе говорили: это Илия, или: Иеремия, или: один из древних пророков (см.: Лк. 9, 8); а Ирод, как бы говоря рассудительнее прочих, называл Его Иоанном. Вероятно же, когда прежде другие признавали Его Иоанном, – так как и это говорили многие, – тогда с самохвальством и кичливостью Ирод отвергал такую молву, говоря: я умертвил Иоанна. Марк и Лука приписывают Ироду слова: *Иоанна азусекнух* (Мк. 6, 16; Лк. 9, 9). Но когда слухи усилились, то Ирод уже начинает говорить одно с народом. Далее Евангелист рассказывает нам самое происшествие. Почему же не описал его прежде? Потому что единственным намерением Евангелистов было говорить о делах Христовых, и они ничего не говорили лишнего и постороннего, кроме того, что могло содействовать их главной цели. Потому и теперь они не упомянули бы о происшествии, если бы оно не касалось Христа и Ирод не сказал, что Иоанн воскрес. Евангелист Марк замечает, что Ирод весьма уважал Иоанна, хотя и был им обличаем (см.: Мк. 6, 20). Таково могущество добродетели! Евангелист же Матфей так продолжает повествование: *Ирод бо емь Иоанна*, связал его и всади в темницу, *Иродиады ради, жены Филиппа брата своего. Глагола – ше бо ему Иоанн: не достоин ти имети ея. И хотяць его убити, убояся народа, занеяко пророка его имеяху* (Мф. 14, 3–5). Почему же Иоанн говорит не с Иродиадою, а с Иродом? Потому что Ирод имел больше власти. Заметь же, как легко Еван-

гелист обвиняет Ирода, пересказывая дело, как простой повествователь, а не как обвинитель. *Дню же бывшу рождества Иродова, пляса дщи Иродиадина посреде, и угоди Иродови* (Мф. 14, 6). О, дьявольское пиршество! О, сатанинское позорище! О, беззаконная пляска и награда самой пляски беззаконнейшая! Дерзнули на убийство, все убийства злодеянием превосходящее! Достойный венца и величаний пред глазами всех заклан, и победное знамение бесов на трапезе поставлено! Самый образ победы достоин события. *Пляса*, говорит Евангелист, *дщи Иродиадина посреде, и угоди Иродови. Темже и с клятвою изрече ей дати, егоже аще воспросит. Она же, наваждена материю своею, даждь ми, рече, zde на блюде главу Иоанна Крестителя* (Мф. 14, 6–8). Двойное преступление, – и потому что плясала, и потому что угодила, и угодила так, что в награду совершается убийство. Видишь ли, как бесчеловечен, как нечувствителен, как бессмыслен Ирод? Себя связывает клятвою и девице дает полную власть просить. Когда же увидел зло, какое из того вышло, *печален бысть* (Мф. 14, 9), говорит Евангелист, – хотя сначала сам связал Иоанна. Почему же печалится? Такова добродетель! И у порочных людей она достойна удивления и похвал. Каково же неистовство Иродиады! Ей надлежало удивляться Иоанну, надлежало благоговеть пред ним, потому что защищал ее от позора; а она замышляет о смерти его, расставляет сети, просит сатанинского дара. Ирод же убоился, говорит Евангелист, *клятвы ради и за возлежащих с ним* (Мф. 14, 9). Но как же ты не убоился поступка бесчеловечнейшего? Если ты боялся иметь свидетелей клятвопреступления, то гораздо больше надлежало тебе страшиться иметь столько свидетелей такого беззаконного убийства.

3. Но так как, думаю, многие не знают силы того обвинения, из-за которого произошло убийство, то считаю нужным объяснить это, чтобы вы ясно увидели мудрость Законодателя. Какой же это был древний закон, нарушенный Иродом и сильно поддерживаемый Иоанном? Тот, что жена умирающего бездетным должна была выходить за брата его (см.: Втор. 25, 5). Так как смерть была неотвратимое зло, а Законодатель во всем промышлял о жизни, то поставлено законом остающемуся в живых брату вступать в брак с женою умершего и по имени его называть родившегося младенца, чтобы род умершего не прекращался. Если кто умирает без надежды оставить после себя детей, – без этого величайшего утешения в смерти, – то скорбь о кончине его ничем не может быть утолена. Вот почему для тех, кого природа лишила детей, Законодатель придумал средство к утешению и повелел, чтобы младенец, рожденный после покойника, считался его собственным. Когда же после умершего оставались дети, указанный брак не был допускаем. Но почему же? – спросишь: если постороннему он был позволителен, то не гораздо ли больше брату? Нимало. Законодатель желал, чтобы родство распространялось и больше было поводов к установлению близких отношений между людьми. Почему и с женою умирающего бездетным не вступал в брак посторонний? Потому, что в таком случае младенец не считался бы принадлежащим покойнику А теперь, так как младенец рождался от брата, самый подлог делался неприметным. Притом посторонний вовсе не имел и нужды восстанавливать дом умершего; а брат своим родством приобретал на то право. Но поелику Ирод вступил в брак с женою брата, у которой была дочь, то Иоанн обличает его за это, и обличает со всею пристойностью, при дерзновении показывая и снисхождение. Но смотри, каким сатанинским делом было все это позорище. Во-первых, оно состоялось чрез пьянство и сластолюбие, откуда ничего не происходит доброго. Во-вторых, зрители были люди развратные; а дающий пиршество всех беззаконнее. В-третьих, забава была безумная. В-четвертых, девица, чрез которую брак делался противозаконным и которой надлежало скрываться от света по причине позора своей матери, пышно является в собрании и, отложив девический стыд, затмевает собою всех блудниц. И самое время не мало служит к осуждению этого беззакония. Тогда как Ироду надлежало благодарить Бога за то, что в этот день произвел его на свет, он отваживается в это время на такие беззакония. Когда надлежало освободить связанного, тогда он к узам присоединяет убий-

ство. Да обратят на это внимание те из девиц, а еще более – из замужних женщин, которые на чужих браках не отказываются вести себя неприлично, скакать, плясать и срамить свой пол. Да обратят также внимание те из мужчин, которые любят роскошные и сопровождаемые пьянством пиршества. Да убоятся они бездны, изрытой диаволом. И несчастным Иродом так сильно овладел тогда диавол, что он клянется отдать даже половину царства. Об этом так говорит Евангелист Марк: *клятса ей, яко егоже аще попросиши у мене, дам ти и до пол царствия моего* (Мк. 6, 23). Так высоко ценил Ирод свою царскую власть, так отдался в плен страсти, что уступает царство за пляску. И чему дивиться, если так случилось с Иродом, когда и ныне, при высоте любомудрия, много таких изнеженных юношей, которые за пляску отдают свои души, даже и не обязываясь к тому клятвою? Предавшись в плен удовольствиям, они, подобно бессловесным, ведутся, куда влечет их волк. Тому же самому подвергся тогда и безумец Ирод, безрассудно совершивший два постыднейшие дела: то, что дал волю женщине столь неистовой, упоенной страстью и ни в чем себе не отказывающей; и то, что связал себя клятвою. Но как ни незаконно поступил он, жена была всех незаконнее – и девицы, и царя. Она-то была изобретательницею всех зол, она устроила все дело, хотя ей больше всего надлежало благодарить пророка. И дочь из повиновения ей бесчинствовала, плясала, просила об убийстве, и Ирод ею же уловлен был в сети. Видишь ли, как справедливо сказал Христос: *Иже любит отца, или мать паче Мене, несть Мене достоин* (Мф. 10, 37)? Если бы дочь Иродиадина соблюла этот закон, то не преступила бы многих законов, не совершила бы этого гнусного убийства. В самом деле, что может быть хуже такого зверства – просить в знак благодарности убийства, просить убийства незаконного, просить убийства среди пиршества, просить убийства бесстыдно и при народе? Не наедине приходит она и предлагает просьбу. Нет, она говорит ее при собрании, сбросив с себя личину, совершенно откровенно, взяв диавола в помощники. И конечно, диавол сделал то, что она и угодила тогда пляскою и пленила Ирода. Подлинно, где пляска, там и диавол. Не для того Бог дал нам ноги, чтобы бесчинствовать, но для того, чтобы ходить чинно; не для того, чтобы прыгать, подобно верблюдам (и они, а не только женщины, отвратительны, когда пляшут), но для того, чтобы ликовать с Ангелами. Если тело делается безобразным при таких бесчинствах, то не гораздо ли больше – душа? Так пляшут бесы, так обольщают служители бесов!

4. Вникни же в самую просьбу: *даждь* ми zde на блюде главу Иоанна Крестителя. Видишь ли, как она потеряла весь стыд, как вся предалась диаволу? И о достоинстве помнит, и того, однако ж, не стыдится; но, будто говоря о каком-нибудь кушанье, просит принести на блюде эту священную и блаженную главу! Даже не указывает и причину (почему просит), – так как никакой не имела; но просто изъявляет желание, чтобы в уважение ей было сделано зло другому. Не сказала: приведи его сюда и умертви, потому что не вынесла бы дерзновения готовящегося к смерти Иоанна: она боялась услышать грозный голос умерщвляемого, – ведь Иоанн не умолчал бы и пред усечением. Потому и говорит: *даждь* ми zde на блюде. Хочу видеть этот язык молчащим. Она не только желала освободиться от обличений, но наступить на лежащего и насмеяться над ним. И Бог потерпел это, не послал молнии свыше и не попал бесстыдного лица; не повелел расступиться земле и поглотить злое это сонмище, чтобы и праведника увенчать больше, и тем, которые впредь будут терпеть неправду, доставить обильное утешение. Итак, пусть выслушают это те из нас, которые, живя добродетельно, терпят насилие от злых людей. И тогда Бог потерпел, чтобы живший в пустыне, ходивший в кожаном поясе, в волосяной одежде, пророк, – даже больше пророка, – тот, пред кем нет большего из рожденных женами, был умерщвлен, умерщвлен бесстыдной девою и развратною блудницею, умерщвлен за то, что защищал Божественные законы. Помышляя об этом, будем мужественно переносить все, что ни случится нам терпеть. Вот и тогда эта гнусная убийца и преступница, как только хотела отомстить огорчившему ее, так и могла сделать; излила весь свой гнев, – и Бог попускал то. Хотя Иоанн ничего не говорил ей самой, ни в чем

не обличал ее, а винил одного мужа, однако совесть была строгим обличителем. Мучимая и угрызаемая ею Иродиада неистово порывалась на большее зло, всех вместе влекла в позор: и себя, и дочь, и умершего мужа, и живого прелюбодея, – стараясь превзойти прежние свои преступления. Если для тебя прискорбно, говорила она, что Ирод прелюбодействует, то я сделаю его и убийцею: заставлю умертвить обвинителя.

Выслушайте это вы, которые чрез меру пристращаетесь к женщинам! Выслушайте вы, которые клянетесь, не зная в чем, – делаете других властелинами вашей гибели и сами себе роете яму! И Ирод погиб также. Конечно, он думал, что дочь Иродиады попросит себе чего-нибудь приличного пиршеству, и именно, как девица, в торжественный день среди общего веселия при собрании, станет просить какого-нибудь блестящего и изящного подарка, а не попросит головы. Но обманулся. И однако, все это не извиняет его. Пусть Иродиада имела сердце, свойственное только борцу со зверями; но ему не следовало даваться в обман и рабски служить тиранским повелениям. И во-первых, кто бы не ужаснулся, видя священную главу Крестителя, лежащую в крови среди пира? Но не ужаснулся беззаконный Ирод, не ужаснулась и женщина, преступнее Ирода. Таковы распутные женщины: они всех бывают бесстыднее и свирепее! Если мы, слыша о том, приходим в ужас, то какое зрелище должны были тогда вынести взоры? Что должны были чувствовать присутствовавшие на пире, когда среди общего веселия увидели кровь, каплющую с главы, только что усеченной? Но эта кровопийца, самих фурий лютейшая, нимало не смутилась при таком зрелище, а еще и услаждалась им. Если уже не могло подействовать ничто другое, то при одном взгляде надлежало ей прийти в оцепенение. Но и это не подействовало на гнусную убийцу, жаждущую крови пророческой. Таков блуд: не только делает наглецами, но и гнусными убийцами! Предавшаяся распутству близка к тому, чтобы покуситься на жизнь оскорбленного ею супруга, готова даже отважиться не на одно или два, но на тысячи убийств. Много есть примеров таких злодеяний. Конечно, и Иродиада так поступила тогда в надежде наконец предать забвению и свое преступление. Но вышло совершенно наоборот: после этого Иоанн начал вопиять еще громче.

5. Но человек в злобе смотрит только на настоящее и подобен одержимому горячкою, который безвременно просит холодного. Если бы Иродиада не умертвила обличителя, то не обнаружилось бы в такой мере преступление. Ученики Христовы ничего не говорили о том, что Ирод ввергнул Иоанна в темницу. Но когда убил его, тогда принуждены были объявить и причину. Они хотели прикрыть блудницу и не желали обнаруживать худых дел ближнего; но когда доведены были до необходимости изложить происшествие, тогда рассказывают все преступление. И чтобы не стал кто подозревать, что причиною умерщвления было нечто худое, как в истории Февды и Иуды (см.: Деян. 5, 36–37), оказались вынужденными объявить и повод к убийству. Итак, чем более хочешь утаить грех, по примеру Иродиады, тем более обнаруживаешь его. Грех покрывается не присовокуплением греха, но покаянием и исповедью. Смотри же, с каким беспристрастием Евангелист повествует о всем, и даже, что только мог, приводит в оправдание. Относительно Ирода говорит, что он совершил преступление *клятвы ради, и за возлежащих с ним*, и что *печален бысть*; а о девице замечает, что она подучена была матерью и что отнесла главу матери, как бы желая тем сказать, что дочь исполняла приказ материн. Так все праведники болезнуют не о терпящих, но о делающих зло, – потому что делающие зло в большей мере и терпят его. И теперь не Иоанну сделано зло; а подверглись ему те, которые довели его до смерти. Будем и мы подражать праведникам, и не только остережемся осмеивать грехи ближних, но постараемся по мере возможности даже прикрывать их. Научимся быть любомудрыми. Вот и Евангелист, говоря о распутной женщине и гнусной убийце, выразился, насколько лишь было возможно, безобидно. Не сказал он: *наваждена* кровожадною и преступною матерью, но просто: *материю*, – употребляя самое почтительное имя. А ты оскорбляешь и укоряешь ближнего и, когда бываешь в

досаде, не хочешь так помянуть о брате, как евангелист о блуднице, но со всею лютостью, в несносных укоризнах называешь его злодеем, негодяем, лукавцем, безумцем и другими еще более оскорбительными именами. Мы еще более ожесточаемся и, злословя, укоряя, оскорбляя брата, говорим о нем как о чужеземце. Но не так поступают святые. Они больше плачут о согрешающих, чем проклинают их. Будем и мы поступать так же; будем плакать об Иродиаде и о подражающих ей! И ныне ведь бывают подобные пиршества; и если не умерщвляется Иоанн, то умерщвляются члены Христовы, и еще с большею жестокостью. Пляшущие ныне не главу просят на блюде, но душу пирующих с ними. Порабощая их, вовлекая в незаконные пожелания и соблазняя блудницами, не главу усекают, но умерщвляют душу, потому что делают развратными, изнеженными блудниками. Не говори мне, что ты, когда, разгорячась вином и упившись, смотришь на пляску и слушаешь бесстыдные речи женщины, ничего к ней не чувствуешь и не влечешься к разврату, одолеваемый сладострастием. Напротив, ты терпишь ужасный вред, потому что члены Христовы делаешь членами блудницы. Если и нет пред тобой Иродиادیной дочери, то диавол, плясавший тогда в ней, и ныне управляет пляшущими, и ныне, похищая души пирующих, увлекает в плен. Если вы и без пьянства пробыть можете, то участвуете в другом грехе, жесточайшем. Таковые пиршества соединены со множеством грабительств. Не смотри, прошу тебя, на предложенные мяса и пироги, но рассуди, как все это собрано, и увидишь, что собрано обидами, лихоимством, насилием, грабительством. Но скажешь, что на ином пиршестве нет ничего такого. Пусть не будет, я и не желаю того. И все-таки роскошные ужины, если и не заслуживают таких упреков, не свободны от осуждения. Послушай, как, и помимо указанной причины, порицает их пророк, говоря следующее: горе вам, *пьющие процеженное вино, и первыми вонями мажущиеся!* (Ам. 6, 6) Видишь ли, как осуждает и самую роскошь? Не лихоимство порицает он здесь, а одно только сластолюбие.

6. Ты насыщаешься без меры, а Христу не достает и нужного. Для тебя ничего не значат пироги, а у Него нет и черствого хлеба. Ты пьешь фазское вино, а Ему, жаждущему, не подашь и чаши студеной воды. Ты на мягком и убранном ложе, а Он цепенеет от холода. Вот почему твои ужины, хотя и чисты от лихоимства, все-таки нечисты от преступления, так как ты все делаешь сверх нужды, а Христу не даешь и нужного, – и это несмотря на то, что роскошествуешь из Его же имущества. Если, сделавшись опекуном у сироты и взявши к себе его имущество, ты не поможешь ему в крайнем положении, то найдутся против тебя тысячи обвинителей, и будешь наказан по законам. А взявши имущество Христово и расточая так безрассудно, ужели думаешь не дать отчета? И это я говорю не о тех, которые приводят к себе за стол блудниц (о таких, как о псах, нет и слова), и не о тех, которые преданы лихоимству и поядают чужое (и с такими, как со свиньями и волками, у меня ничего нет общего), а говорю о тех, которые пользуются собственным имением и не уделяют из него другим, о тех, которые безрасчетно проживают отцовское наследие. И такой не свободен от порицания. И скажи мне, как избежишь ты порицания и осуждения, когда шут и комнатный пес у тебя пресыщаются, а Христос кажется тебе и их менее стоящим? Когда иной и за смехотворство берет много, а Христос за Царствие Небесное не получает и малой доли? Иной за то, что молвил острое слово, пошел от тебя с полными руками, а Христос, научивший нас тому, чего не зная, не различались бы мы от псов, не удостаивается такого дара. Не приходишь ли в ужас, слыша это? Так ужаснись самого дела. Прогони тунеядцев и сделай, чтобы Христос разделял с тобою трапезу. Если Он вкусит твоего хлеба и соли, то снисходителен будет к тебе на суде, потому что Он умеет помнить твой хлеб и соль. Если разбойники не забывают гостеприимства, то гораздо больше Владыка. Вспомни о той блуднице, которую Господь оправдал за трапезу, а Симона укоряет, говоря: *лобзания Ми не дал еси* (Лк. 7, 45). Если Господь питает тебя, когда ты и не исполняешь этого, то без сравнения вознаградит, когда исполнишь. Не смотри в нищем на то, что он неопрятен и гнусен видом, но представляй

себе, что чрез него Христос входит к тебе в дом; удержишься от жестокосердия и злоязычия, с каким всегда укоряешь приходящих, называя их притворщиками, ленивцами и другими еще обиднейшими именами. Рассуди, – когда произносишь такие слова, – какими делами занимаются твои тунеядцы? Какую пользу приносят они твоему дому? Верно, обед делают для тебя приятным? А чем это? Не тем ли, что ты бьешь их по щекам, а они говорят тебе всякий вздор? Но может ли быть что постыднее, как бить созданного по образу Божию, и в обиде ему находить для себя забаву, и тебе, человеку благородному и свободному, обращать дом свой в театр, наполнять беседу свою скоморохами, подражать тому, что бывает в народных игрищах? Там тоже смех и побои. Итак, скажи мне: то ли называешь увеселением, что достойно многих слез, многого плача и сетования? Тебе следовало бы обратить их к порядочной жизни, следовало бы внушить им обязанности их, а ты вовлекаешь их в напрасные клятвы и в бесчинные речи, и даже называешь это забавою! За что ты должен ждать себе геенны, то считаешь предлогом к веселию. Ведь как скоро у них недостает острых слов, тогда все они вознаграждают божбою и напрасными клятвами. Смеха ли это достойно? Не плача ли и слез? И кто назовет это смешным, будучи в здравом уме?

7. Но, говоря это, не запрещаю и таким людям давать пропитание: напитай, но по другому побуждению. Дай кусок, но из человеколюбия, а не по жестокосердию; с милостью, а не с обидою. Накорми потому, что он нищий; а не за то, что он говорит сатанинские речи и позорит свою жизнь. Накорми потому, что питаешь в нем Христа. Не смотри, что этот человек наружно смеется; но испытай совесть: тогда увидишь, что он тысячекратно клянёт себя самого, стонет и скорбит. А если не показывает этого, то для тебя единственно. Итак, пусть лучше окружают тебя люди нищие и благородно мыслящие; пусть они разделяют твою трапезу, а не клятвопреступники, не скоморохи. Если же хочешь потребовать у них и вознаграждения за пищу, прикажи им, когда увидят какой беспорядок, вразумлять тебя, подавать советы, помогать тебе в хлопотах о доме, в управлении слугами. Если имеешь детей, пусть и они будут отцами твоих детей, разделяют с тобою присмотр за ними; пусть приносят тебе прибыль, приятную Богу. Доставляй им случай к духовной купле. Если видишь нуждающихся в помощи, вели помочь, прикажи услужить; посредством их отыскивай странных, чрез них одевай нагих, чрез них посылай в темницу и разведывай чужие нужды. Вот какое вознаграждение пусть они дадут тебе за пищу, полезное и для тебя и для них, не заслуживающее никакой укоризны. Чрез это и дружба связывается крепче. Теперь призренные тобою хотя и думают, что ты любишь их, но вместе стыдятся, как живущие у тебя даром. Исправляя же такие поручения, станут усерднее служить тебе, и для тебя будет приятнее кормить их, потому что истратишься не даром. Они начнут обходиться с тобою смело и с надлежащею свободою, и дом твой вместо театра сделается церковью; диавол убежит, вселится же Христос и лик Ангелов. Где Христос, там и Ангелы; а где Христос и Ангелы, там Небо, там свет, светлейший этого солнечного света. Если хочешь приобрести от них иное утешение, то в досужное время вели им, взяв Писание, читать Божественный закон. Они охотнее будут тебе служить этим, нежели забавляя иначе, потому что это и тебя и их делает более почтенными, а другие забавы всех вместе позорят: тебя – как обидчика и упивающегося до забывчивости, а их – как бедняков и готовых на все из-за куска. Если кормишь, чтобы обидеть, то это жестокосерднее, чем если бы ты умертвил их. А если кормишь для одолжения и для их выгоды, то поступок твой полезнее, чем если бы ты избавил ведомых на смерть. В первом случае унижаешь их пред самими слугами, так что слуги больше, чем они, имеют смелости и чисты совестью. В другом же случае делаешь их равными Ангелам. Итак, освободи и их, и себя; истреби имя тунеядцев, переименуй их в собеседников и, перестав звать льстецами, приветствуй как друзей. Для того дружба и установлена Богом – не ко вреду, но ко благу и пользе любимых и любящих. Но бесчестная дружба хуже всякой вражды. От врагов, если мы захочем, можем получить и пользу; а от таких друзей ничего не бывает, кроме одного лишь

вреда. Не имей же друзьями учителей вреда, не имей таких друзей, которые больше любят (сытный) стол, нежели дружбу. Все такие друзья, как скоро прекратишь пиры, прекратят и дружбу. Кто соединен с тобою добродетелью, тот неотлучно при тебе пребывает, перенося всякий недостаток. А эти тунеядцы – такого свойства, что часто тебе мстят и навлекают на тебя худую славу. И я знаю многих людей благородных, которые чрез связи с ними заслужили о себе худое мнение. Одни оклеветаны в волшебстве, другие в прелюбодействе, а иные в деторащении. Так как люди эти не имеют никакого занятия, а проводят жизнь в праздности, то многие подозревают, что они оказывают позорные услуги такого же рода. Итак, избавляя себя от худой славы, а особенно от будущей геенны, и делая угодное Богу, бросим этот диавольский обычай, чтобы, когда едим и пьем, творить все во славу Божию (см.: 1 Кор. 10, 31), и сподобиться от Господа славы, которую да получим все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа XLIX

И слышав Иисус, отъиде оттуду в корабли в пусто место един: и слышавше народи, по Нем идоша пеши от (всех) градов (Мф. 14, 13)

Изъяснение 14, 13–32. Почему Христос после известия о смерти Иоанна удаляется в пустыню. – Привязанность народа ко Христу. – Несовершенство веры учеников. – Почему одни чудеса Христос совершал собственною властью, другие именем Отца. – Умножение хлебов свидетельствует, что Христос есть Творец всего видимого. – Способ совершения чуда и цель его. – Не должно искать людской славы. – Духовные блага должно предпочитать чувственным. – Милосердие превосходнее всех искусств. – Всякое искусство достойно своего имени, доколе служит к удовлетворению необходимого. – Против роскоши в обуви и одежде.

1. Заметь, что Господь всякий раз удалялся, когда Иоанн был предан, когда он умерщвлен и когда иудеи слышали, что Иисус приобретает многих учеников. Ему угодно было чаще поступать по-человечески, пока не пришло время вполне обнаружить Божество Свое. Потому и ученикам Он приказывал никому не говорить, что Он Христос; Он хотел, чтобы это сделалось известным по Воскресении Его. По этой причине и с иудеев, которые дотоле не веровали в Него, не строго взыскивал, а напротив, извинял их. Удаляется же не в город, но в пустыню, и притом на корабле, чтобы никто не следовал за Ним. Не оставь без замечания и того, что ученики Иоанновы теперь уже ближе стали к Иисусу. Они именно уведомили Его о случившемся (с Иоанном) и, оставив все, делаютя уже Его учениками. Так, кроме несчастья, немало исправило их и то, что Иисус внушил уже им о Себе Своим ответом. Но почему Господь не удалился до получения от них известия, хотя знал о случившемся и без уведомления? Для того, чтобы во всем показать действительность воплощения. Не видом только, но и самыми делами Он хотел уверить в истинности его, потому что знал злобную хитрость диавола, который готов все сделать, только бы истребить в людях мысль о Его воплощении. Вот по каким причинам удаляется Христос. Но привязанный к Нему народ не оставляет Его, а следует за Ним; и происшествие с Иоанном не устрашало Его. Такова привязанность! Такова любовь! Так она все побеждает и устраняет трудности. За это-то народ и получил вскоре награду. *И изшед Иисус*, продолжает Евангелист, *виде мног народ, и милосердова о них, и исцели недужныя их* (Мф. 14, 14). Хотя ревность их была велика, но благодеяния Христовы превышали цену всякого усердия. Потому Евангелист и причиною исцелений в данном случае поставляет особенную милость; Христос всех исцеляет и не спрашивает здесь о вере, потому что исцеленные показывают свою веру уже тем самым, что пришли к Иисусу, оставили города, тщательно искали Его и не оставляли, когда даже принуждал их к тому голод. Христос намеревается дать им пищу. Но Сам не начинает этого, а ожидает, пока обратятся к нему с просьбою, всюду, как я уже говорил, наблюдая правило: не прежде приступать к совершению чудес, как по просьбе. Но почему же никто из народа не подошел и не попросил Его об этом? Они безмерно Его уважали и желанием быть при Нем подавляли в себе чувство голода. Но и ученики Его не подошли и не сказали: накорми их, потому что еще были несовершенны. Но что они говорят? Позже же бывшу, говорит Евангелист, *приступиша ученицы Его, глаголюще: пусто есть место, и час уже мину; отпусти народы, да шедше купят брашна себе* (Мф. 14, 15). Если ученики и по совершении этого чуда забыли о нем, и после кошниц думали, что Христос говорит о хлебах, когда Он учение фарисейское назвал

квасом, то тем более, не видевши еще на опыте такого чуда, не могли ожидать чего-нибудь подобного (см.: Мф. 16, 6). И хотя Христос исцелил сперва многих недужных, однако ученики, и то видя, не ожидали чуда над хлебами. Столько еще были они несовершенны! Ты же заметь мудрость Учителя, как прямо Он ведет их к вере. Не сказал вдруг: Я напитаяю их; этому они не скоро бы поверили. *Иисус же*, говорит Евангелист, *реме им*, – что же именно? Не требуют отъити, дадите вы им ясти (Мф. 14, 16). Не сказал: Я дам; но – вы дадите, – так как они еще считали Его простым человеком. Даже и после этого не возвысились они в понятиях, напротив, отвечают как простому человеку, говоря: *не имамы, токмо пять хлеб и две рыбе* (Мф. 14, 17). Потому и Евангелист Марк говорит, что они не разумели сказанного: *бе бо сердце их окаменено* (Мк. 6, 52; см.: Мф. 8, 17). Итак, поелику они еще пресмыкались по земле, то Господь Сам начинает уже действовать и говорит: *принесите Ми их семо* (Мф. 14, 18). Хотя *пусто есть место*, но здесь Тот, Кто питает вселенную; хотя *час уже мину*, но с вами беседует Тот, Кто не подлежит времени. Иоанн упоминает и о том, что хлебы были ячменные, и не без цели говорит об этом, а с намерением научить, чтобы мы не тщеславились дорогими яствами. Такова была трапеза и у пророков. *Приемь* убо пять хлеб и обе рыбе, продолжает Евангелист, *и повелев народом возлещи на траве, воззрев на небо, благослови, и преломив даде учеником Своим, ученицы же народом. Иядоша еси, и насытишася; и взяша избытки укрух, дванадесять коша исполнь. Ядущих же бе мужей яко пять тысящ, разве жен и детей* (Мф. 14, 19–21).

2. Для чего Христос воззрел на небо и благословил? Ему надлежало уверить о Себе, что послан от Отца и что равен Ему. Доказательства же этих истин по видимому противоречили одно другому.

Равенство Свое с Отцом Он доказывал тем, что делал все со властью; а потому, что послан от Отца, не поверили бы, если бы не поступал во всем с великим смирением, не стал приписывать всего Отцу и во всяком деле призывать Его. Вот почему Господь, в подтверждение того и другого, не делает ни того, ни другого исключительно, но творит чудеса иногда со властью, а иногда по молитве. Потом, чтобы в этих действиях Его не представлялось опять противоречия, в делах менее важных взирает на небо, а в важнейших все творит со властью, из чего ты должен заключить, что и в менее важных делах Он поступает так не по нужде в содействии, но воздавая честь Рождшему Его. Так, когда отпускал грехи, отверз рай и ввел в него разбойника, когда полновластно отменял ветхий закон, воскрешал многих мертвых, укрощал море, обнаруживал тайны сердечные, отверзал очи, – каковые дела свойственны одному Богу, а не другому кому, – ни при одном из этих действий не видим Его молящимся. А когда намеревался умножить хлебы, что было гораздо маловажнее всех прежде исчисленных действий, тогда взирает на небо, как в подтверждение Своего посольства от Отца, по замеченному мною выше, так и в научение наше, не прежде приступать к трапезе, как воздав благодарение Подающему нам пищу. Но почему не творит хлебов вновь? Чтобы заградить уста Маркиону и Манихею, которые не признают Его Творцом, чтобы самыми делами научить, что все видимое произведено и сотворено Им, и чтобы доказать, что Он есть дающий плоды и изрекший в начале: *да произрастит земля былие травное; также: да изведут воды гады душ живых* (Быт. 1, 11, 20). И настоящее чудо не маловажнее творения былия или гадов. В самом деле, пресмыкающиеся, хотя и сотворены вновь, однако сотворены из воды. А из пяти хлебов и двух рыб сделать так много – не маловажнее, чем произвести из земли плод и из воды пресмыкающихся животных; это значило, что Иисус имеет власть над землею и над морем. Доселе творил Он чудеса над одними больными; а теперь оказывает всеобщее благоденствие, чтобы народ не оставался простым зрителем того, что происходило с другими, но сам получил дар. И что иудеям, во время странствования по пустыне, казалось чудным (так как они говорили: *еда и хлеб может даты, или уготовати трапезу* в пустыне? – (Пс. 77, 20), то самое Господь показал на деле. Для того и ведет их в пустыню, чтобы чудо

не подлежало решительно никакому сомнению и никто не подумал, что для питания принесено что-нибудь из ближнего селения. Для того Евангелист упоминает и о времени, а не только о месте. Отсюда научаемся и другому, именно: познаем умеренность учеников в удовлетворении необходимых потребностей и то, как мало заботились они о пище. Их было двенадцать человек; а они имели при себе только пять хлебов и две рыбы. Столь мало радели они о плотском, а занимались только духовным! Да и этих немногих хлебов не стали удерживать, а и их отдали, как скоро попросили у них. Отсюда должны мы научиться, что хотя имеем у себя и малость, и то обязаны отдавать нуждающимся. Когда им велено принести пять хлебов, они не говорят: что же будем есть сами? Чем утолим свой голод? – но тотчас повинуются. Кроме сказанного, по моему мнению, Христос и для того не творит вновь хлебов, чтобы привести учеников к вере: они были еще весьма слабы. Потому взирает и на небо. Они видели неоднократно примеры других чудес, а такого чуда еще не видали. Итак, взяв, преломил и раздавал чрез учеников, делая им чрез это честь. Впрочем, Он сделал это не столько для чести их, сколько для того, чтобы, когда совершится чудо, они не остались в неверии и не забыли о бывшем, когда собственные их руки будут свидетельствовать о том. Для той же цели и народу дает сперва испытать чувство голода; для той же цели выжидает, чтобы ученики пришли и просили, чрез них же рассаживает народ, чрез них же раздает хлеб, желая, чтобы каждый предрасположен был к чуду собственным сознанием и опытом. По той же причине берет и хлебы от учеников, чтобы много было свидетельств о случившемся и памятнее сделалось для них чудо. Если и при всем том забыли они, то что бы вышло, когда бы не приняты были такие меры? Господь повелевает возлечь на траве, научая тем народ простоте жизни; хотел не тело только напитать, но и душу научить.

3. Итак, Господь для того избрал такое место, дал не более как хлебы и рыбу, предложил всем одну общую пищу и никому не уделил больше другого, чтобы научить смиренномудрию, воздержанию, любви, – тому, чтобы мы все равно были расположены друг к другу и все считали общим. *И преломив, даде учеником, ученицы же народом.* Пять хлебов преломил и раздал, и эти пять хлебов в руках учеников не истощались. Но и тем чудо еще не ограничилось. Господь сделал, что оказался избыток, и избыток не в цельных хлебах, а в кусках, чтобы показать, что это точно остатки от тех хлебов, и чтобы не находившиеся при совершении чуда могли узнать, что оно было. Для того Христос попустил народу почувствовать и голод, чтобы не принял кто чуда за мечту; для того сделал остатков двенадцать кошниц, чтобы и Иуде было что нести. Господь и без хлебов мог утолить голод, но тогда ученики не познали бы Его могущества, потому что это было и при Илии. А за это чудо иудеи так удивились Ему, что хотели сделать даже царем, хотя при других чудесах никогда не покушались на то. Какое же слово изобразит то, как источались хлебы, как они растекались по пустыне? Как их достало для такого множества? Евших было пять тысяч, кроме жен и детей; и это служит большою похвалою для народа, что и жены и мужи следовали за Христом. Как могли быть остатки? Это тоже не маловажнее первого. Притом остатков вышло столько, что число корзин равнялось числу учеников, – ни больше, ни меньше. Господь отдал куски не народу, а ученикам, потому что народ не столько был совершен, как ученики.

По совершении же чуда, *абие понуди ученики влезти в корабль и предъити Ему на он пол, дондеже отпустит народы* (Мф. 14, 22). Если в Его присутствии могли думать, что произведено нечто мечтательное, а не действительное, то не могли уже так думать в Его отсутствие. Поэтому-то, предоставляя ученикам строго исследовать случившееся, велел им взять с собою памятники и доказательства бывших чудес и удалиться от Него. И в других случаях, совершивши что-нибудь великое, Христос отсылает от Себя народ и учеников, внушая нам чрез это никогда не гоняться за людскою славою и не привлекать к себе толпу. А словом: *понуди* евангелист выражает, что ученики неохотно разлучались с Ним. Христос отослал их под предлогом отпустить народ, а в самом деле – намереваясь взойти на гору.

Сделал же это опять для нашего научения, чтобы мы и не всегда старались быть с народом, и не всегда избегали его, а напротив, из того и другого извлекали пользу и попеременно были то в уединении, то в обществе, смотря по нужде. Научимся же и мы быть с Иисусом, но не для чувственных даров, чтобы не заслужить упрека подобно иудеям. Он говорит: *ищите Мене, не яко видесте знамение, но яко яли есте хлебы, и насытитесь* (Ин. 6, 26). Потому-то Он и не часто творит такое чудо, а только два раза, чтобы научить их не чреву служить, но непрестанно прилепляться к духовным благам. К ним-то и мы будем прилепляться, станем искать хлеба небесного и, приивши его, отложим всякое житейское попечение. Если иудеи, оставив дома, города, сродников и все, пребывали в пустыне и, несмотря на голод, не отходили от Иисуса, то тем более нам, которые приступаем к такой трапезе, должно показать большее любомудрие и возлюбить духовные блага, а потом уже искать чувственных. И иудеи не за то были порицаемы, что искали Его для хлебов, но за то, что главным образом и только из-за этого искали Его. Кто пренебрегает великими дарами, а желает малых и таких, которыми он должен пренебрегать по воле дающего, тот лишается и первых; наоборот, если любим первые, то он прилагает и последние, потому что они служат добавкою к первым. Так они малоценны и маловажны в сравнении с первыми, сколько бы ни казались сами по себе великими. Итак, не будем заботиться о благах чувственных, будем считать и приобретение, и потерю их для себя делом безразличным, подобно Иову, который, и обладая благами, не прилеплялся к ним, и лишась, не искал их. Потому они называются и благами (*χρόματα*), что мы должны употреблять (*χρησόμεθα*) их на нужды, а не потому, что должны зарывать их в землю. Как всякий художник знает свое только художество, так и богатый не умеет ни ковать, ни строить кораблей или домов, ни ткать, ни другого чего-либо подобного; а потому пусть учится употреблять свое богатство как должно, быть милосердным к неимущим, и тогда он будет знать искусство, лучше всех исчисленных.

4. И подлинно, это искусство выше всех других. Для него мастерская устроена на Небесах. Орудия его – не железо и медь, а благодать и добрая воля. Наставник в этом искусстве – Христос и Отец Его. Потому сказано: *будьте милосерди, якоже Отец ваш Небесный* (Лк. 6, 36). И что удивительно, это искусство, будучи настолько всех других лучше, не требует ни труда, ни времени для занятия им. Стоит только захотеть, и все сделано. Посмотрим же, каков и конец этого искусства. Итак, что бывает концом его? Небо и небесные блага, неизреченная слава, духовные чертоги, светлые светильники, обитание с Женихом и все то, чего никакое слово, никакой ум не могут представить, так что и в этом оно много отличается от других искусств. Большая часть искусств полезны нам только в настоящей жизни, а это полезно и в будущем веке. Если же оно столько превосходит искусства, необходимые для нас, как, например, врачебное искусство, зодчество и прочие, им подобные, то еще более превосходит те, которые, по тщательном исследовании, нельзя даже назвать и искусствами. Почему я все таковые излишние искусства и не почитаю искусствами. На что, например, нужны нам искусства стряпать и приправлять кушанья? Ни на что. Напротив, они даже бесполезны, крайне вредны, потому что повреждают душу и тело, легко приучая к сластолюбию, которое есть мать всех болезней и страданий. Кроме этих искусств, я не назвал бы также искусствами живопись и умение выводить узоры, потому что они вводят только в лишние издержки; а искусства необходимые, служащие к поддержанию нашей жизни, должны доставлять и готовить нам нужное. Бог на то и дал нам мудрость, чтобы изобретать способы, как поддерживать бытие свое; а изображать животных на стенах или на одеждах, скажи мне, полезно ли к чему-нибудь? Потому-то многое надобно бы выкинуть в ремесле сапожников и ткачей. Они многое ввели для щегольства; что было нужного, то испортили, и к искусству примешали ухищрение. То же случилось и с зодчествами. Доколе оно строит дома, а не театры, занимается необходимым, а не излишним, – я называю его искусством. Точно также и искусство ткать, доколе оно готовит нужное для одежды, а не подражает пау-

тинам, не тратит трудов на произведения смешные и пышные без меры, – называю искусством же. Не отниму этого названия и у сапожного ремесла, доколе оно занимается приготовлением обуви. Но когда оно мужчин преобразует в женщин и посредством обуви дает им вид изнеженных и слабых, тогда, – причисляю его к ремеслам вредным и излишним и не могу назвать уже искусством. Знаю, что, занимаясь такими предметами, для многих покажусь мелочным; но это не остановит меня.

Причина всех зол именно в том и заключается, что многие считают такие грехи мало-важными, а потому не обращают на них внимания. Иной скажет: какой грех может быть мало-важнее того, что человек носит красивые, светлые и обтягивающие ногу сапоги, если только можно назвать это грехом? Хотите ли, я изощрю на него язык свой и покажу всю его гнусность? Выслушаете ли меня без гнева? Впрочем, если и погневаетесь, мало о том забочусь. Вы ведь виновны в этом безрассудстве, – вы, которые не почитаете этого греха и за грех и тем заставляете нас вооружиться обличением против такой роскоши.

5. Так исследуем и рассмотрим, как велико это зло. Когда ты вышиваешь сапоги свои шелковыми нитями, которыми неприлично испещрять даже одежду, – каких укоризн, какого смеха достойно это? Если же ты пренебрегаешь нашим мнением, то выслушай сказанное Павлом, который со всею строгостью запрещает это, и тогда почувствуешь, как это смешно. Что же говорит Павел? *Не в плетеных, ни златом, или бисером, или ризами многоценными* (1 Тим. 2, 9). Стоишь ли ты какого извинения, когда Павел и жене не позволяет носить драгоценные одеяния, а ты допускаешь такую пышность в сапогах и выдумываешь тысячи нарядов, достойных осмеяний и порицания? Для этих нитей строят корабли, набирают гребцов, кормчего и корабельщика, распускают парусы, переплывают море; для них купец, оставив жену, детей и отечество, вверяет жизнь свою волнам, отправляется в страну варваров, подвергается бесчисленным опасностям, а ты, после всего этого, взяв эти нити, нашиваешь себе на сапоги, украшаешь кожу. Что может быть хуже такого бессмыслия?

Не таково было одеяние древних; напротив, оно прилично было мужам. Из этого заключаю, что со временем наши юноши без всякого стыда будут употреблять женскую обувь. И, что всего несноснее, отцы, смотря на это, не негодуют, а считают это ничего не значащим. Хотите ли, скажу нечто и того еще несноснее? То именно, что делается это тогда, как у нас много бедных. Хотите ли, представлю вам Христа, томимого голодом, нагого, преследуемого, связанного? Скольких молний достойны вы, которые не хотите обратить внимания на Христа, не имеющего нужной пищи, и между тем с такою заботливостью украшаете кожи! Христос, когда давал наставления ученикам Своим, не позволил им даже иметь сапог, а мы не только не умеем ходить босыми ногами, но и обуваться как должно. Что же может быть беспорядочнее, смешнее этого? Все это показывает человека изнеженного, грубого, жестокого и суетного. Достанет ли досуга заняться чем-либо нужным тому, кто тратит время на такие излишества? Достанет ли досуга такому юноше позаботиться о душе или даже подумать, что есть у него душа? Тот мелочен, кто принужден удивляться пышной обуви; тот жесток, кто для нее презирает нищих; тот чужд всякой добродетели, кто все свое старание употребляет на такие наряды. С любопытством рассматривая доброту нитей, живость красок, вытканные из них узоры, найдет ли он время воззреть на небо? Есть ли время подивиться красоте небес тому, кто пристрастился к красоте кож и поник в землю? Бог простер небо и возжег солнце для того, чтобы привлечь взор твой горе; а ты принуждаешь себя потупляться в землю, подобно свиньям, и повинешься диаволу. Подлинно, злой этот дух изобрел такие гнусные вещи, чтобы, отвлекши тебя от небесной красоты, привлечь ими к земле. И Богу, указывающему небо, предпочитается диавол, показывающий кожи, или даже и не кожи (потому что и они – произведение Божие), а напыщенность и ухищрение. Поникши к земле, идет юноша, которому надлежало бы мудрствовать о небесном; тщеславится своими сапогами более, чем какою-нибудь важною заслугою; едва ступает по торжищу, сам себе причи-

няя напрасные печали и огорчения, – боясь, как бы в ненастье не замарать сапоги грязью, а в летнее время не запылить. Что скажешь на это, человек? Такою роскошью ты всю душу свою поверг во прах и, беспечно смотря на то, что она пресмыкается по земле, так много заботишься о сапогах! Подумай, для чего они употребляются, и устыдись того мнения, какое об них имеешь. Сапоги сделаны для того, чтобы попирать ими грязь, навоз и всякую нечистоту на полу. Если это для тебя несосно, возьми повесь их на шею, или положи на голову.

6. Вы смеетесь, слушая это; а мне приходится плакать, видя безумие таких людей и их заботливость о сапогах. Они скорее согласятся замарать в грязи тело, нежели эти кожи. Такие люди сколько бывают мелочны, столько, с другой стороны, сребролюбивы. Кто привык до безумия заботиться о таких украшениях, тому надобно много тратить на одежду и на все прочее, а потому и большие иметь доходы. Если отец у него щедр, то такой человек более и более предается этому пороку, и дает усиливаться безрассудной прихоти; а если скуп, то принужден прибегать к другим бесчестным средствам, чтобы иметь деньги на такие издержки. Вот отчего многие из молодых людей продали красоту свою, сделались шутами у богатых и унизились до других рабских услуг, чтобы за это приобрести только возможность исполнять такие свои прихоти. Отсюда видно, что такой человек будет сребролюбив и суетен, нерадивее всякого в делах нужных и неминуемо впадет во многие проступки. Неоспоримо также и то, что он должен быть жестокосерд и тщеславен. Жестокосерд, когда, видя бедного, по страсти к нарядам, не удостаивает его и взора, и хотя сапоги украшает золотом, но на нищего, истаевающего от голода, не обращает и внимания. Тщеславен же, когда ничтожными вещами старается уловить внимание зрителей. Не столько ведь, думаю, военачальник гордится победами, сколько распутный юноша нарядностью сапог своих, длинными одеждами, прическою волос, хотя всем тем обязан искусству других. А если тщеславятся чужим, то как не тщеславиться своим? Сказать ли еще и того худшее, или для вас довольно и этого? Итак, окончим наше слово. Да и это говорил я для тех, которые упорны и не находят в таких нарядах ничего неприличного. Знаю, правда, что многие юноши не обратят и внимания на слова мои, потому что упились уже страстью. Однако ж из-за этого не должно молчать. Если у отцов есть ум и они еще в силе, то они могут и поневоле обратить их к должной благопристойности. Итак, не говори: и то не важно, и другое не беда. Это-то именно все и губит. Следует учить их и относительно таких предметов и в самых по видимому малостях делать степенными, великодушными, пренебрегающими наряды. Таким образом они успевают и в важнейшем. Что маловажнее изучения азбуки? Однако ж, начавшие с нее делаются риторами, софистами, философами. А не знающие азбуки и этих наук никогда не узнают. Все же это говорим не для одних только юношей, но и для жен и девиц. И они ведь подлежат тем же упрекам, и тем более, что девице особенно нужна скромность. Итак, все сказанное юношам приложите и к себе, чтобы нам опять не повторять того же. Но время уже заключить слово наше молитвою. Помолитесь же вместе со мною, чтобы юноши, особенно христианские, могли жить скромно и достигнуть приличной им старости; ведь тем, которые не так живут, не хорошо дожить и до старости. Но кто в молодости живет как старик, тому желаю дожить до глубоких седин, сделаться отцом добрых детей, возвеселить своих родителей, а прежде всего – Бога, его сотворившего; совершенно освободиться не только от недуга щеголять обувью и одеждами, но и от всех душевных болезней. Какова невозделанная земля, такова и юность, оставленная в небрежении: она произращает много терний. Итак, пустим огонь Духа, попадим злые вожеления, обработаем нивы, приготовим их к принятию семян; потщимся, чтобы наши юноши были целомудреннее иных стариков. То и достойно удивления, когда целомудрие блистает в юноше. Кто целомудрен в старости, тот заслуживает небольшую награду; его самый возраст делает уже целомудренным. Чудно то, чтобы среди волнения наслаждаться тишиною, в печи не стгорать, в юности не предаваться распутству. Помышляя об этом, поревнуем блаженному Иосифу, просиявшему всеми этими добродете-

лями, чтобы удостоиться тех же венцов, которых и да сподобимся все мы, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа L

И отпустив народы, взыде на гору един помолитися: позже же бывшу, един бе ту. Корабль же бе посреде моря, вляся волнами: бе бо противен ветер (Мф. 14, 23–24)

Изъяснение 14, 23–36. Для чего Христос попускает ученикам обуреваться волнами и страхом. – Бог посылает сильнейшее испытание, когда хочет избавить от опасностей. – Сила любви Петра ко Христу; его маловерие. – Действие чуда на учеников и народ. – Христос и ныне предлагает Себя всем в Евхаристии. – Евхаристия ничем не отличается от вечери, совершенной Самим Христом. – Евхаристия требует совершенной чистоты от приступающего к ней. – Милостыня угоднее Богу, чем богатые приношения в храм.

1. Для чего Господь восходит на гору? Чтобы научить нас, сколько удобны пустыня и уединение, когда нужно молиться Богу. Для того Он часто уходит в пустыни и неоднократно проводит там ночи в молитве, уча нас избирать такое время и место, которые бы нас располагали к спокойной молитве. Пустыня есть мать безмолвия, покой и пристань, укрывающая нас от всякой тревоги. Итак, Христос для молитвы взошел на гору; а ученики опять борются с волнами и претерпевают бурю, как и прежде. Но тогда во время бури Христос был с ними на корабле, а теперь они одни. Господь постепенно и мало-помалу ведет их к большому и приучает переносить все мужественно. Поэтому-то, когда они в первый раз подвергались опасности, был с ними, хотя и спал, чтобы тем самым успокоить их; теперь же, ведя их к большому терпению, поступает иначе: уходит от них, попускает буре застигнуть их среди моря, так что им не оставалось никакой надежды к спасению, и на всю ночь оставляет их бороться с волнами, – чем, думаю, хотел тронуть жестокое их сердце. Таковое действие должен был произвести страх, возбужденный как бурей, так и ночным временем. Сверх сердечного умиления, Господь располагает их к сильнейшему желанию быть с Ним и непрестанному памятованию о Нем. Вот почему Он не тотчас явился к ним, но, как говорит евангелист, *в четвертую стражу нощи, иде к ним Иисус, ходя по морю* (Мф. 14, 25), – чем научал их не искать скорого избавления от окружающих бедствий, но мужественно переносить все, что ни случится. Но когда они ожидали избавления, страх еще более увеличился. *Видевше Его ученицы по морю ходяща, говорит Евангелист, смутишася, глаголюще, яко призрак есть; и от страха возопиша* (Мф. 14, 6). Господь и всегда так поступает: когда хочет прекратить бедствия, насылает другие, тягчайшие и ужаснейшие. Так было и в настоящем случае: кроме бури, и явление Христово утравило их не менее бури. Христос не рассеял тьмы и не вдруг открыл Себя ученикам, чтобы продолжительностью страха укрепить их, как сказал я, и приучить к терпению. Так поступлено было и с Иовом. Когда Богу угодно было прекратить его страх и искушение, попустил, чтобы последнее страдание было тягчайшим. Я разумею здесь не смерть детей и слова жены, но укоризны рабов и друзей. Равным образом, когда Бог хотел Иакова избавить от бедствования на чужой стороне, попустил, чтоб открылись новые беспокойства и непрестанно увеличивались. Тесть настиг его на пути и угрожал смертью, а потом брат, хотевший перехватить на дороге, поверг его в крайнюю опасность. Так как человеку невозможно вынести искушений продолжительных и сильных, то Господь, желая, чтобы праведники приобрели больше, пред окончанием их подвигов увеличивает испытания. Так поступил Он и с Авраамом, назначив ему последним искушением заклание сына. И

несносное делается сносным, когда налагается на человека при дверях, незадолго до освобождения. Так поступил Христос и в настоящем случае: не прежде открыл Себя апостолам, чем они возопили. Чем более увеличивалось беспокойство, тем приятнее для них было пришествие Христово. *Потом, когда возопили, абие же*, говорит Евангелист, *реме им Иисус, глаголя: дерзайте, Аз есмь, не бойтесь* (Мф. 14, 27). Эти слова рассеяли страх и внушили смелость. Апостолы не узнавали Его по виду, как по причине чудесного хождения, так и по причине ночного времени; поэтому Он открывает Себя посредством голоса. Что же делает Петр, везде пламенный, всегда предупреждающий других учеников? *Господи*, говорит он, *аще Ты еси, повели ми приити к Тебе по водам* (Мф. 14, 28). Не сказал: помолись и призови на помощь Бога; но: повели. Видишь ли, сколько жара, сколько веры – хотя Петр от того и подвергается часто опасностям, что домогается чрезмерного? Так и здесь он просил слишком многого: впрочем, из одной любви, а не из хвастовства. Не сказал: вели мне идти по волнам; но что говорит? *Повели мне приити к Тебе*. Никто не любил столько Иисуса. Это доказал Петр и по Воскресении Христовом. И тогда он не стал ждать, чтобы идти вместе с другими, но побежал вперед. Впрочем, он обнаруживает в себе не одну любовь, но и веру. Петр был уверен, что Иисус может не только Сам ходить по морю, но вести и других, и желает скорее быть близ Него. *Он же рече: прииди: и излез из корабля Петр, хождаше по волнам*, – и шел к Иисусу. Видя же ветер крепок, убоясь, и наченутопати, возопи глаголя: *Господи, спаси мя!* И абие Иисус, простер руку ят его, и глагола ему: *маловере, почто усумнелся еси?* (Мф. 14, 29–31) Это происшествие чудеснее прежнего, потому и случилось после. Когда Христос показал, что Он Владыка моря, Он производит пред учениками другое удивительнейшее знамение. Прежде Он запретил только ветрам, а теперь и Сам ходит по водам, и другому дозволяет сделать то же. Но если бы повелел то вначале, Петр не принял бы с таким расположением, потому что не имел еще такой веры.

2. Итак, для чего Христос позволил Петру? Для того, что, если бы сказал ему: не можешь, – Петр, по своей горячности, и здесь стал бы противоречить. Поэтому Христос и убеждает его самым делом впредь быть осторожнее. Но Петра и это не удерживает. Итак, сошедши с корабля, обуреваются волнами, потому что убоился; вот что произвело волнение, а страх произошел от ветра. Иоанн говорит, что *хотяху прияти Его в корабль, и абие корабль бысть на земли, в нюже идяху* (Ин. 6, 21). Эти слова показывают то же самое, то есть: что Иисус взошел на корабль тогда уже, как ученики приблизились к берегу. Итак, Петр, сошедши с корабля, шел к Нему, радуясь не столько тому, что ходит по водам, сколько тому, что идет к Иисусу. Но победив трудное, он едва не потерпел вреда от легчайшего; я разумею стремительность ветра, а не моря. Такова природа человеческая: часто, успев в великом, затрудняется малостью!

Как Илия пострадал от Иезавели, Моисей от египтянина, Давид от Вирсавии, так и Петр. Сначала, объятый еще страхом, он осмелился идти по водам; а против усилия ветра и притом находясь уже близ Христа, устоять не мог. Так бесполезно быть близ Христа тому, кто не близок к Нему верою. Это обнаружило также разность между учеником и Учителем и утешило прочих. Если они негодовали на двух братьев, то тем более вознегодовали бы на Петра, потому что еще не удостоились принять Святого Духа. После принятия Духа они стали иными и во всем уже уступают первенство Петру; ему предоставляют право говорить в собраниях, хотя он менее других был искусен в слове. Но почему Господь не велел унять ветрам, а Сам простер руку и поддержал Петра? Потому что нужна была Петрова вера. Когда с нашей стороны есть недостаток, то и Божественное действие останавливается. Итак, желая показать, что не стремление ветра, но Петрово маловерие произвело такую перемену, Господь говорит: *маловере, почто усумнелся еси?* Следовательно, он легко устоял бы против ветра, если бы в нем не ослабела вера. Потому-то Господь, поддержав Петра, и не остановил дуновения ветра, желая показать, что ветер не вредит, когда крепка вера. Как птенца, кото-

рый прежде времени вылетел из гнезда и готов упасть наземь, мать сажает к себе на крылья и опять уносит в гнездо, – так сделал и Христос. *И влезшим им в корабль, тогда преста ветр* (см.: Мф. 14, 32). Раньше при подобном случае говорили: *кто есть человек Сей, яко и ветры и море послушают Его?* (Мф. 8, 27) А теперь говорят иначе. *Суции в корабли*, говорит Евангелист, *пришедшие поклонилися Ему, глаголюще: воистину Божий Сын еси!* (Мф. 14, 33). Видишь ли, как Господь мало-помалу вел всех выше и выше? Оттого, что Сам ходил по морю, велел другому сделать то же и спас его от опасности, вера в учениках весьма уже возросла. Тогда запретил Он морю, а теперь не запрещает; но иначе, в высшей мере, показывает Свое могущество. Потому и говорили: *воистину Божий Сын еси*. Что ж? Запретил ли Он говорить так? Совершенно напротив, даже подтвердил сказанное тем, что с большою властью и не по-прежнему стал исцелять приходящих к Нему. *И пришедше*, говорит Евангелист, *придоша в землю Геннисарефскую. И познаете Его мужие места того, послаша во всю страну ту, и принесоша к Нему вся болящая. И моляху Его, да токмо прикоснутся воскрилию ризы Его: и елицы прикоснушася, спасены быша* (Мф. 14, 34–36). Теперь приступили к Нему не с такими уже просьбами, как прежде: не зовут Его в дом, не домогаются, чтобы прикоснулся рукою или приказал словом; напротив, с возвышеннейшим любомудрием и с обильнейшею верою просят об исцелении. Кровоточивая жена всех научила любомудрию. Между тем евангелист, желая показать, что Иисус Христос давно уже не был в этой стране, говорит: *познавше мужие места того, послаша во всю страну ту, и принесоша к Нему вся болящая*. Однако время не только не истребило веры (в народе), но еще увеличило ее и сохранило во всей силе. Итак, прикоснемся и мы к краю одежды Христовой, вернее же сказать, – если хотим, мы можем иметь всего Христа. Нам предложено ныне и Тело Его, – не только одежда, но самое Тело, чтобы мы не только прикасались, но и ели и насытились. Приступим же с верою, приступим все немощные. Если прикасающиеся к краю одежды Его привлекали на себя чудодейственную силу, то не гораздо ли в большей мере привлекут ее приемлющие в себя всего Христа? Приступить же с верою – значит не только принять предложенное, но прикоснуться к нему с чистым сердцем, с таким расположением, как бы приступали к Самому Христу. Что в том, что ты не слышишь гласа Его? За то ты видишь Его, тебе предлагаемого; или, лучше сказать, и голос Его слышишь, потому что Он говорит чрез евангелистов.

3. Итак, веруйте, что и ныне совершается та же вечеря, на которой Сам Он возлежал. Одна от другой ничем не отличается. Нельзя сказать, что эту совершает человек, а ту совершал Христос; напротив, ту и другую совершал и совершает Сам Он. Когда видишь, что священник преподает тебе Дары, представляй, что не священник делает это, но Христос простирает к тебе руку. Как при крещении не священник крестит тебя, но Бог невидимою силою держит главу твою, и ни Ангел, ни Архангел, ни другой кто не смеет приступить и коснуться, так и в Причащении. Если один Бог возрождает, то Ему одному принадлежит дар. Не видишь ли, что и у нас желающие кого-либо усыновить не рабам вверяют это дело, а сами являются в суд? Так и Бог не Ангелам вверил дар, но Сам присутствует, повелевает и говорит: *не зовите Отца на земли* (см.: Мф. 23, 9). Говорит это не для того, чтобы ты не почитал родителей, а чтобы предпочитал им создавшего тебя и принявшего в число детей Своих. А Кто дал тебе большее, то есть предложил Самого Себя, Тот тем более не почтет недостойным Своего величия и преподать тебе Свое Тело. Итак, послушаем, иереи и миряне, чего мы удостоились, послушаем и ужаснемся! Христос дал нам в пищу Святую Плоть Свою, Самого Себя предложил в жертву: какое же будем иметь оправдание, когда, принимая такую пищу, так грешим? Вкушая Агнца, делаемся волками! Снедая овца, бываем хищны как львы! Таинство это требует, чтобы мы были совершенно чисты, не только от хищения, но и от малой вражды. Это Таинство есть Таинство мира; оно не позволяет гоняться за богатством. Если Господь не пощадил для нас Самого Себя, то чего будем достойны мы, когда, дорожа богатством, не

щадим души своей, за которую Он не пощадил Себя? Для иудеев учредил Бог праздники, чтобы они ежегодно вспоминали о Его благодеяниях; а тебе, так сказать, каждый день напоминает о них чрез это Таинство. Итак, не стыдись креста. В нем заключены наша слава, наши Таинства; этим даром мы украшаемся, им хвалимся. Если я скажу, что Бог простер небо и землю, расширил море, послал пророков и Ангелов, я не выражу в такой мере Его благодати. Верх благодеяний Его состоит в том, что Он не пощадил Сына Своего для спасения отчуждившихся от Него рабов. Итак, ни Иуда, ни Симон не должны приступать к этой Трапезе, потому что оба они погибли от сребролюбия. Будем же избегать этой пропасти и не почтем достаточным для спасения, если, ограбив вдов и сирот, принесем золотой и украшенный драгоценными камнями сосуд для святой Трапезы. Если ты хочешь почтить жертву, то принеси душу свою, за которую принесена жертва; душу свою сделай золотой. Если же она хуже свинца и глины, а ты приносишь золотой сосуд, какая из того польза? Итак, будем заботиться не о том одном, чтобы принести в дар золотые сосуды, но о том, чтобы принести от праведных трудов. Такие приношения, добытые тобою без любостыжания, дороже всяких золотых. Церковь – не на то, чтоб в ней плавить золото, ковать серебро; она есть торжественное собрание Ангелов. Поэтому мы требуем в дар ваши души, – ведь ради душ принимает Бог и прочие дары. Не серебряная была тогда трапеза, и не из золотого сосуда Христос давал пить Кровь Свою ученикам. Однако же там все было драгоценно, все возбуждало благоговение, потому что все исполнено было Духа. Хочешь почтить тело Христово? Не презирай, когда видишь Христа нагим. И что пользы, если здесь почтишь Его шелковыми покровами, а вне храма оставишь терпеть и холод, и наготу? Изрекший: *сие есть Тело Мое* (Мф. 26, 26) и утвердивший словом дело, сказал также: вы видели Меня алчущего, и не напитали (см.: Мф. 25, 42); и далее: *понеже не сотвористе единому сих меньших, ни Мне сотвористе* (Мф. 25, 45). Для этого таинственного тела нужны не покровы, а чистая душа; уды же Христовы, то есть, нищие, имеют великую нужду в нашем попечении. Научимся же быть любомудрыми и почитать Христа, как Сам Он того хочет. Почитаемому приятнее всего та честь, которой Он Сам желает, а не та, которую мы признаем лучшею. И Петр думал почтить Господа, не допуская Его умыть ноги; однако же это было не почтение, а нечто тому противное. Так и ты почитай Его тою честью, какую Сам Он заповедал, то есть истощай богатство свое на бедных. Богу нужны не золотые сосуды, а золотые души.

4. Говоря это, не запрещаю делать богатые вклады: требую только, чтобы вы, вместе с вкладами и даже прежде них, творили милостыню. Хотя Бог приемлет и вклады, но гораздо лучше милостыню.

Там один только приносящий получает пользу; а здесь и приемлющий. Там дар бывает иногда поводом к тщеславию; а здесь все делается по одному милосердию и человеколюбию. Что пользы, если Трапеза Христова полна золотых сосудов, а Сам Христос томится голодом? Сперва напитай Его алчущего, и тогда уже употреби остальное на украшение Трапезы Его. Ты делаешь золотую чашу и не даешь чаши студеной воды. Что в том пользы? Делаешь для Трапезы златотканые покровы, а Христу не даешь и нужного для прикрытия. Какой плод оттого? Скажи мне: если ты увидишь человека, не имеющего у себя необходимой пищи, и вместо того, чтоб утолить его голод, обложишь только стол серебром, поблагодарит ли он тебя за это или, скорее, огорчится? Еще: ты видишь человека, покрытого рубищем и окостеневшего от холода, и вместо того, чтобы дать ему одежду, ставишь золотые столбы, говоря, что делаешь это в честь его: не скажет ли он, что ты над ним насмехаешься, и не почтет ли это крайнюю обиду? То же представь и о Христе, когда Он, как бесприютный странник, ходит и просит крова, а ты вместо того, чтобы принять Его, украшаешь пол, стены, верхи столбов, привязываешь к лампадам серебряные цепи, а на Христа, связанного в темнице, и взглянуть не хочешь. Говоря это, не запрещаю и в том быть щедрым, но советую также не оставлять другого, или даже и предпочитать последнее. За неисполнение первого никто

никогда не был осужден, а за неисполнение последнего угрожает геенна и огонь неугасимый и мучение вместе с демонами. Итак, украшая дом Божий, не презирай скорбящего брата; этот храм превосходнее первого. Те утвари могут похитить и неверные цари, и тираны, и разбойники; а что сделаешь для брата, алчущего и странного и нагого, того и сам диявол не может похитить: оно сбережется в неприступном хранилище. Почему же Сам Христос говорит: *всегда нищия имате с собою, Мене же не всегда имате?* (см.: Мк. 14, 7) Потому-то особенно и нужно быть милосердными, что не всегда имеем Его алчущего, а только в настоящей жизни. Если же хочешь вполне постигнуть смысл этих слов, слушай: Христос говорит здесь не ученикам, как представляется с первого взгляда, а слабой жене. Так как она была еще несовершенно, а ученики приводили ее в сомнение, то Господь сказал это в ее ободрение. А чтобы показать, что действительно сказал это в ее утешение, присовокупил: *что труды даете жене?* (см.: Мк. 14, 6). Мы всегда имеем Его с собою, как Сам Он говорит: *се, аз с вами есмь во вся дни до скончания века* (Мф. 28, 20). Из всего этого видно, что Христос сказал те слова единственно для того, чтобы запрещение учеников не иссушило в жене прозябшей тогда веры. Поэтому не будем ссылаться теперь на то, что сказано было с особенным намерением; но, прочитав все узаконения о милостыне, данные и в Новом, и в Ветхом Завете, употребим все старание, чтобы приложить их на деле. Милостыня и грехи очищает, как сказано: *дадите милостыню, и се, вся чиста вам будут* (Лк. 11, 41). Она важнее жертв: *милостихоу, анежертвы* (Ос. 6, 6). Она отверзает Небеса: *молитвы твоя и милостыни твоя въздоша на память пред Бога* (Деян. 10, 4). Она нужнее девства. Так одни девы были изгнаны из брачного чертога; так другие введены были в него. Зная все это, будем сеять щедро, чтобы с большим изобилием пожать, и получить будущие блага, по благодати и человеколюбию Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава вовеки. Аминь.

Беседа LI

Тогда приступит а ко Иисусови Иже от Иерусалима книжницы и фарисее, глаголюще: почто ученицы Твои преступают предание старец? не умывают бо рук своих, егда хлеб ядят (Мф. 15, 1–2)

Изъяснение 15, 1-20. Иудейские священники виновны были во введении новых постановлений и в предпочтении их заповедям Божиим. – Почему ученики Христа ели неумытыми руками. – Фарисеи учили под видом благочестия презирать заповеди закона. – Христос отвергает постановления о пище и – прикровенно – все другие обрядовые предписания. – Христос не порицает закона. – Человека оскверняет нечистота сердца. – Должно приступать к молитве с чистыми устами и сердцем, свободным от гнева. – Не должно молиться против врагов. – Обижающий причиняет вред только самому себе.

1. Тогда – когда же это? После того, как Он сотворил бесчисленные знамения, после того, как исцелил недужных прикосновением к краю риз Его. Для того-то Евангелист и означает время, чтобы показать крайнюю, ничем не преодолимую злобу книжников и фарисеев. Но что значат слова: *Иже от Иерусалима книжницы и фарисее?* Книжники и фарисеи были рассеяны по всем коленам и разделены на двенадцать частей; но те из них, которые жили в главном городе, были гораздо злее прочих, так как большею пользовались честью и более надмевались. Смотри же, как они и самым вопросом своим уловляются. Они не говорят: почему ученики Твои преступают закон Моисеев, но: почему нарушают *предание старец?* Отсюда видно, что священники много вводили нового, хотя Моисей под страхом великого наказания и со многими угрозами запрещал им что-либо прилагать к закону или отнимать от него, говоря: *да не приложите к словеси, еже аз заповедаю вам днесь, ниже да отъимете от него* (Втор. 4, 2). И тем не менее они вводили новые постановления, каково было и то, что не должно есть неумытыми руками, что чаши и котлы надобно омыwać и самим омываться. Тогда как иудейскому народу надлежало уже оставить прежние постановления, они навязывали ему еще более, опасаясь лишиться власти и желая, чтобы их тем более страшились, что они и сами законодатели. От этого дело дошло до такого нечестия, что их заповеди сохраняли, а Божии нарушали; и столь велика была власть их, что это не почиталось уже и преступлением. Потому на них и лежала двойная вина: и за то, что вводили новые постановления, и за то, что, оставляя без внимания Божии заповеди, тем более вступались за свои. Умалчивая о других постановлениях, достойных только смеха, – как то: о омовении кувшинов и котлов, – они выставляют на вид то, что по видимому более заслуживало внимания, желая, как мне кажется, привести чрез это Господа в гнев. Потому упоминали и о старцах, чтобы, в случае неуважения к ним, иметь предлог к обвинению Господа. Но сперва следует рассмотреть, почему ученики ели неумытыми руками? Итак, почему же они так поступали? Это они делали не с намерением, но потому, что презирали уже излишнее и заботились об исполнении необходимого. Они не считали законом умываться, ни оставаться неумытыми, но поступали так или иначе, как случалось. И могли ли они заботиться об этом, когда не заботились даже о самой пище, необходимой для них? И тогда как им часто случайно приходилось есть неумытыми руками, – как, например, когда в пустыне принимали пищу или когда рвали колосья, – пренебрегающие всегда великим и заботящиеся много о излишнем поставляют им это в вину. Что же Христос? Он не стал ни порицать, ни защищать поведе-

ния учеников, но на обвинение фарисеев и Сам отвечал обвинением, унимая дерзость их и показывая, что согрешающий в великих делах не должен с такою заботливостью подмечать в других маловажные проступки. Вас бы надлежало подвергнуть обвинению, говорит Он, а вы сами обвиняете других. Заметь, что когда Он хочет какое-либо постановление отменить, то делает это в виде отповеди; так и теперь поступил. Он не тотчас обращается к учиненному проступку и не говорит, что он ничего не значит, – иначе Он увеличил бы их дерзость; но сперва сражает дерзость их, поставляя на вид преступление гораздо важнейшее и возлагая его на главу их. Он не говорит и того, что нарушающие постановление хорошо поступают, чтобы не подать им случая к обвинению Себя; но и не охуждает поступок учеников, чтобы не подтвердить постановления. Равно не обвиняет и старцев, как людей законопреступных и порочных (иначе фарисеи отвратились бы от Него, как от ругателя и оскорбителя); но, все это оставив, избирает другой путь и, порицая по видимому подошедших к Нему, касается между тем сделавших самые постановления. Он не упоминает вовсе о старцах, но в обличении, направленном против одних, низлагает и других, и показывает, что они вдвойне грешат, не покоряясь Богу и угождая людям. Он как бы так говорит: обыкновение повиноваться старцам, оно-то и погубило вас. Правда, Он не говорит этого, но то же самое дает разуметь в следующем ответе: *почто и вы преступаете заповедь Божию за предание ваше? Бог бо заповеда: чти отца и мать, и: Иже злословит отца или мать, смертью да умрет. Вы же глаголете: Иже ащеречет отцу или матери: дар, имже бы от мене пользовался еси; и да не почитит отца своего, или матери; и разористе заповедь Божию за предание ваше* (см.: Мф. 15, 3–6).

2. Господь не сказал: за предание старцев, но: *за предание ваше*; также не сказал: старцы же глаголют, но: *вы глаголете*, смягчая тем Свою речь. Книжникам и фарисеям хотелось показать, что ученики Его нарушают закон; Христос, напротив, показывает, что они сами делают это, а ученики не подлежат обвинению. Постановление человеческое не есть закон (потому Он и называет его преданием), а особенно постановление людей незаконных. Но так как предание, повелевавшее умыть руки, не было противно закону, то Христос приводит другое, противное закону, именно следующее: фарисеи учили юношей, под видом благочестия, презирать отцов. Каким образом? Если кто из родителей говорил сыну: дай мне эту овцу, которую ты имеешь, или тельца, или иное что, то им отвечали: то, чем ты желаешь от меня пользоваться, я отдаю в дар Богу, и ты не можешь получить этого. Отсюда происходило двойное зло: и Богу не приносили, и родителей, под предлогом приношения Богу, лишали дара; и оскорбляли родителей под предлогом обязанности к Богу, и Бога – под предлогом обязанности к родителям. Впрочем, Господь не прямо указывает на это, но сначала читает им закон, в котором показывает, что Бог строго требует почтения к родителям. *Чти*, говорит Он, *отца твоего и мать, да будещи долготелен на земли*. И еще: *Иже злословит отца или мать, смертью да умрет*. Но, умолчав о награде, которая принадлежит почитающим родителей, Христос упоминает только о том, чего надобно страшиться, то есть о наказании, которое угрожает непочитающим родителей, желая таковых устрашить, равно как и благонамеренных ободрить, указывая таким образом на настоящих виновников, достойных смерти. Если, говорит Он, непочтительные на словах наказываются, то тем более будете наказаны вы, непочтительные на деле, и не только сами так поступающие, но и других научающие тому же. Как же вы, которым и жить не подобало бы, обвиняете учеников? Что удивительного, если вы Меня, доселе неизвестного вам, так много оскорбляете, когда являетесь так дерзкими и пред Отцом? Так Христос везде говорит и показывает, что из неуважения к Отцу и происходит такое безумное высокомерие их. Некоторые изъясняют иначе это выражение: *дар, имже бы от мене пользовался еси*, именно: я не обязан почитать

тебя, и это мой дар тебе, если я стану тебя почитать¹. Но Христос не о таком оскорблении упоминал здесь. Евангелист Марк выражает это яснее, говоря: *корван, Иже аще пользовался еси от мене* (Мк. 7, 11), что не означает ни дара, ни одолжения, но собственно выражает приношение. Итак, показав, что пренебрегающие законом Божиим не должны обвинять тех, кто нарушает предание старцев, Он то же самое показывает и из слов пророка. По строгом обличении, Он простирает речь Свою далее, что и всегда делает, представляя в доказательство Писания, и тем показывая Свое согласие с Богом. Что же говорит пророк?

Людие сии устнами чтут Мя, сердце же их далече отстоит от Мене: всуе же чтут Мя, учаще учением, заповедем человеческим (см.: Ис. 29, 13). Видишь ли, как пророчество совершенно согласно со словами Иисуса Христа и как оно еще прежде возвещало злобу иудеев? Что Христос осудил ныне, о том еще прежде говорил Исая, то есть, что иудеи заповеди Божии презирают. *Всуе*, говорит, *чтут Мя*, а о своих постановлениях прилагают великое старание: *учаще учением, заповедем человеческим*. Потому справедливо ученики и не соблюдают этих постановлений. Итак, нанеся иудеям смертельный удар и усилив обличение и делом, и собственным суждением, и словами пророка, Господь перестает говорить с ними, так как они не могли уже исправиться, но обращает речь Свою к народу, чтобы преподать ему высокое, великое и исполненное многого любомудрия учение. Пользуясь этим случаем, Он присовокупляет большее и совсем уже отвергает постановления о пище. Но заметь, когда это? Когда прокаженного очистил, когда нарушил покой субботный, когда показал Себя царем земли и моря, когда установил закон, когда грехи отпустил, когда мертвых воскресил, когда представил многие доказательства Своей Божественности: тогда начинает рассуждать и о пище.

3. Все иудейство заключается в преданиях о подобных предметах. И если ты отвергнешь эти предания, то отвергнешь и все его. Таким образом, Христос показывает, что и обрезание должно уничтожить. Впрочем, Сам Он не внушает оставить этот обряд предпочтительно пред прочими, потому что заповедь об обрезании всех древнее прочих и более уважалась, но чрез учеников утверждает закон об его отмене. Обрезание так было важно, что и ученики, по прошествии уже многого времени желая отменить его, делают это после предварительного рассуждения. Но смотри, как Господь вводит закон: *призвав народы*, говорит Евангелист, *рече им: слышите и разумеите* (Мф. 15, 10)! Не просто объявляет им этот закон, но почтительностью и снисходительностью располагает народ к принятию слов Своих (что показал Евангелист в слове: *призвав*). Далее Он пользуется благоприятностью времени: начинает изрекать закон после того, как обличил фарисеев, одержал над ними победу и осудил их словами пророка, следовательно, когда народ удобнее мог принимать слова Его; и притом Он не просто призывает их, но и возбуждает их внимание. *Разумеите*, говорит Он, то есть размыслите, обратите внимание ваше. Закон, который Я теперь намерен дать вам, достоин этого. Если фарисеи несвоевременно нарушили закон для сохранения своих преданий, и вы их слушали, то гораздо более должны слушать Меня, в надлежащее время поучающего вас высшему любомудрию. Впрочем, Он не сказал, что разборчивость в пище ничего не значит и что Моисей предписал ее напрасно или из снисхождения; а говорит в виде увещания и совета, заимствуя доказательство из самого свойства вещи. *Не входящее во уста*, говорит Он, *сквернит человека, но исходящее из уст* (Мф. 15, 11). Основываясь на самой природе, Он и изрекает и утверждает закон. Слыша это, фарисеи ничего не сказали вопреки. Не сказали: что Ты говоришь? Тогда как Сам Бог дал столько повелений о соблюдении различия в пище, Ты ли даешь такой закон? Но так как Христос совсем заставил молчать их не только тем, что обличил, но и тем, что вывел наружу их коварство, обнаружив

¹ Смысл толкования таков: если я приношу тебе дар, то это зависит только от моей воли, это – дело моей милости, потому что этот самый дар я мог бы посвятить Богу.

тайные дела их и сокровенные помышления, то они молча удалились. Но смотри, как Господь нигде не решается восстать явно против пищи; потому и не сказал: пища, но: *не входящее сквернит человека*, – что можно было относить и к неумовению рук. Хотя Он говорил о пище, но можно было думать, что Он говорил и об умовении рук. Разборчивость в пище так строго была наблюдаема, что и после Воскресения Петр говорил: *никакоже Господи! яко николиже ядох скверно, или нечисто* (Деян. 10, 14). Хотя он говорил это и для других, и для того, чтобы иметь самому оправдание против обвинителей и вместе показать, что Он сколько ни препирался, но не имел успеха, тем не менее показывает, как много думали об этом предмете. Потому-то и Сам Христос первоначально не прямо сказал о пище, а употребил выражение: *входящее во уста*; и после, когда по видимому говорил об этом яснее, опять прикровенно заключил речь Свою, сказав: *а еже неумовенными рукамясти, не сквернит человека* (Мф. 15, 20), чтобы слышавшие думали, что Он с этого начал и об этом рассуждал доселе. Потому не сказал прямо: пища не сквернит человека; но говорил так, как бы рассуждал об умовении рук, чтобы фарисеи ничего не могли сказать вопреки. Услышав такие речи, *соблазнишася*, говорится, фарисеи, но не народ. *Приступльшие*, говорит Евангелист, *ученицы Егореша Ему: весили, яко фарисеи слышавшеслово соблазнишася?* (Мф. 15, 12) – хотя Господь и не к ним говорил. Что же Христос? Он не стал выводить их из соблазна, но укорил их, говоря: *всяк сад, егоже не насади Отец Мой Небесный, искоренится* (Мф. 15, 13). Он знал, когда должно оставлять без внимания соблазны и когда не должно. Так, в другом случае Он говорит: *да не соблазним их, верзи удицу в море* (см.: Мф. 17, 27); а здесь: *оставите их, вожди суть слепи слепцем: слепец же слепца аще водит, оба в яму впадут* (Мф. 15, 14). Ученики говорили это не столько потому, что заботились о фарисеях, сколько потому, что сами несколько смущались. Но так как сказать это от своего лица не смели, то желали узнать чрез повествование о других. А что они действительно и сами соблазнялись, это видно из того, что ревностный и всегда других предупреждающий Петр подходит и говорит Иисусу: *скажи нам притчу сию* (Мф. 15, 15); открывая свое душевное смущение, но не осмеливаясь явно сказать: я соблазняюсь, он просит изъяснения, дабы избавиться от этого смущения, за что и подвергся укоризне. Что же говорит Христос? *Всяк сад, егоже не насади Отец Мой Небесный, искоренится*. Зараженные учением манихеев говорят, что это сказано о законе; но им заграждает уста то, что сказано выше. Если Господь говорил это о законе, то как же Он выше защищает его и отстаивает, говоря: *почто преступаете заповедь Божию за предание ваше?* К чему приводит и слова пророка? Нет, это говорит Он о фарисеях и о их преданиях. Если Бог сказал: *чти отца и мать*, то как же сказанное Богом не есть насаждение Божие?

4. Равным образом и из последующего видно, что изъясняемые слова сказаны о фарисеях и о их преданиях, потому что Господь присовокупил: *вожди суть слепи слепцем*. Если бы эти слова говорил Он о законе, то сказал бы: слепой вождь слепых; но Он не говорит так, а говорит: *вожди суть слепи слепцем*, отклоняя этим порицание от закона и обращая на них самих.

Потом, отделяя от них народ, как уже близкий к тому, чтобы пасть в яму чрез их водительство, говорит: *слепец слепца аще водит, оба в яму впадут*. Большое зло и слепым быть; но при слепоте не иметь руководителя и занимать должность вождя – двойное и даже тройное преступление. Если при слепоте не иметь вождя, то гораздо пагубнее братья водить другого. Что же Петр? Он не говорит: почему и для чего Ты сказал это; но спрашивает, как бы сказанное было не ясно; не говорит: для чего Ты утверждаешь противное закону, потому что опасается, чтобы Христос не почел его соблазвившимся; но как бы говорит, что сказанное не ясно. А что он в самом деле спрашивал не по причине неясности, но потому что соблазнялся, это очевидно из того, что в словах Господа не было ничего неясного. Поэтому Христос и укоряет его, говоря: *единаче ли и вы без разума есте?* (Мф. 15, 16). Народ, может быть, еще не понимал слов Его, а ученики соблазнились ими. Вот почему сначала они желали узнать о

том, спрашивая как бы для фарисеев; когда же услышали произнесенную им тяжкую угрозу: *всяк сад, егоже не насади Отец Мой Небесный, искоренится, и: вожди суть слепи слепцем*, – замолчали. Но Петр, во всех случаях ревностный, и этим не удерживается в молчании, а говорит: *скажи нам притчу сию*. Что же отвечает Христос? Он отвечает с великою укоризною: *единаче ли и вы без разума есте: не у ли разумеваете?* Так говорил Он и укорял их, чтобы уничтожить предрассудок, и, не довольствуясь этим, присовокупил еще: *яко всяко, еже входит во уста, во чрево вмещается и афедроном исходит; исходящая же из уст от сердца исходят, и та сквернят человека. От сердца бо исходят помышления злая, убийства, прелюбодеяния, любоддеяния, татьбы, лжесвидетельства, хулы. Сия суть сквернящая человека; а еже неумовенными руками ясти, не сквернит человека* (Мф. 15, 17–20). Видишь ли, как сильно Он укоряет их? Потом подтверждает сказанное общим законом природы, для исправления их. Говоря: *во чрево вмещается и афедроном исходит*, Он дает ответ, приравниваясь к брезгливости иудеев. Он говорит, что пища не остается во чреве, но исходит, между тем как если бы она и оставалась, и тогда не оскверняла бы человека; но они еще не могли вместить этого. Потому и Законодатель позволяет оставаться без умовения в то время, пока пища находится внутри, но, когда выходит вон, не позволяет. Он повелевает омыться и быть чистым вечером, расчисляя время переваривания и извержения пищи. А нечистота сердца, говорит Он, внутри пребывает и оскверняет человека не только тогда, когда остается там, но и когда исходит оттоле. Сначала Он исчисляет злые помышления, свойственные иудеям, и уже не заимствует доказательства из природы вещей, но из того, что одни из них порождаются во утробе, а другие в сердце, одни остаются в человеке, а другие не остаются. То, что входит в человека отвне, опять и исходит из него; но что зарождается внутри его, то оскверняет его и по исшествии, и тогда еще более. Такое доказательство употребил Он потому, что ученики, как я уже сказал, еще не могли слушать этого с должною мудростью. Марк (см.: Мк. 7, 19) говорит, что Господь этими словами указывал на то, что пища очищается от нечистоты. Но Он не показал вида и не сказал, что есть такую-то пищу не сквернит человека, потому что книжники не стали бы и слушать, если бы Он стал явно говорить это. Потому Он и присовокупил: *а еже неумовенными руками ясти, не сквернит человека*. Итак, познаем, что оскверняет человека, познаем – и будем избегать того! Мы видим, что многие в церкви строго соблюдают обыкновение – приходиться в чистых одеждах и с обмытыми руками; а о том, чтобы с чистою душою предстать Богу, нимало не заботятся. Говоря это, я не запрещаю умывать руки или лицо, но желаю, чтобы умывали их так, как должно, – не водою только, но вместо воды убеляли добродетелями. Нечистоту уст составляют: злословие, хула, ругательство, гневные слова, срамословие, смех, насмешки. Поэтому если ты сознаешь, что ничего подобного не говорил и не осквернил себя такою нечистотою, то приходи смело. Если же ты тысячекратно допускал себя осквернять этим нечистотам, то что трудишься напрасно омыwać язык водою, осквернив его пагубною и вредоносною нечистотою?

5. Скажи мне: осмелился ли бы ты молиться, если бы замарал руки в навозе или в грязи? Никак. Между тем это не причинило бы тебе никакого вреда, а то осквернение пагубно. Итак, для чего ты в делах безразличных опаслив, а в том, что запрещено, нерадив? Что же, скажешь ты, или не должно молиться? Должно, только надобно быть чистым и не оскверненным. Но что, скажешь, если я прежде осквернил себя? Очистись. Каким же образом? Плачь, стеной, раздавай милостыню; извинись пред обиженным, и чрез то примиришься с ним; очисти язык, чтобы более не раздражать Бога. Если бы кто измаранными в грязи руками держал тебя за ноги, умоляя о прощении, ты не только не стал бы слушать его, но и оттолкнул бы ногою. Как же ты сам дерзаешь в такой нечистоте приступать к Богу? Язык молящихся есть рука, которою мы обнимаем колена Божии. Итак, не оскверняй его, чтобы и тебе не сказал Господь: *аще умножите моление, не услышу вас*. И еще говорится: *вруце языка живот и смерть*, и еще: *от словес своих оправдишися, и от словес своих осудишися*

(Ис. 1, 15; см.: Притч. 18, 21; Мф. 12, 37). Итак, сохраняй язык более зеницы ока! Язык есть царский конь. Если ты наложишь на него узду и научишь его ходить прямо, то царь спокойно будет сидеть на нем; если жепустишь его бежать и скакать без узды, то на нем будет ездить дьявол и бесы. Ты после сообщения с твоею женою, хотя это и не преступление, не смеешь молиться; а после ругательств и обид, которые ведут к геенне, прежде нежели очистишь себя совершенно, воздеваешь руки к Богу: как же ты не страшишься, скажи мне? Или ты не знаешь, что сказал Павел: *честна женитва и ложе нескверно* (см.: Евр. 13, 4)? Еслижеты, восстав от непорочного ложа, не смеешь приступить к молитве, то как, лежа на ложе дьявола, призываешь ужасное и страшное имя Божие? Поистине, осквернять себя обидами и ругательствами – значит лежать на ложе дьявола. Гнев, как злой прелюбодей, совокупляясь с нами с сильною похотью, переливает в нас губительные семена, и порождает дьявольскую вражду, и делает все противное браку. Брак производит то, что два бывают плоть одна, а гнев и соединенных разобщает, и самую душу разделяет и рассекает. Итак, чтобы тебе с дерзновением приступить к Богу, не допускай гнева, когда он хочет войти в твою душу и совокупиться с нею, но отгоняй, как бешеного пса. Такое и Павел дал повеление, когда сказал: *воздеюще преподобным руки без гнева и размышления* (1 Тим. 2, 8). Итак, не оскверняй языка! Иначе как он будет за тебя молиться, когда не будет иметь дерзновения? Укрась его кротостью и смирением, сделай его достойным призываемого тобою Бога, наполни благословением и многою милостынею, – можно ведь и словами творить милостыню. *Лучше*, сказано, *слово, нежели даяние* (Сир. 18, 16), и еще: *отвещай нищему мирная в кротости* (Сир. 4, 8). Все остальное время украшай возвещением Божественных законов: *вся повесть твоя да будет в законе Вышняго* (см.: Сир. 9, 20). Украсив себя таким образом, приступим к Царю, и падем на колена не только телом, но и мыслию. Помыслим, к кому мы приступаем и зачем, что желаем получить? Приступаем к Богу, Которого созерцая, Серафимы отвращают лицо, не имея сил сносить сияния, от лица Которого трепещет земля; приступаем к Богу, Который живет во свете неприступном; и приступаем для того, чтобы Он избавил нас от геенны, отпустил нам грехи наши, освободил нас от нестерпимых наказаний и даровал нам Небо и его блага.

6. Итак, припадем к Нему и телом и мыслию, чтобы Он Сам воздвиг нас лежащих; будем беседовать с Ним с кротостью и со всяким смирением. Но кто из людей, скажешь ты, так несчастен и жалок, что и во время молитвы не бывает кроток? Тот, кто, молясь, проклинает, исполнен гнева и вопиет против врагов своих. Если ты хочешь обвинять, то обвиняй себя самого. Если хочешь изощрить язык свой, изощрай его против грехов своих; говори не о том, какое зло причинил тебе другой, но какое ты сам себе нанес; оно-то и есть величайшее зло. Другой не может обидеть тебя, если ты сам себя не обижаешь. Итак, если ты хочешь восставать против обижающих тебя, то восстань прежде против самого себя, – в этом никто тебе не препятствует; а если ты восстанешь против другого, то будешь в большой обиде. Да и какую ты, говоря по правде, можешь представить обиду? Ту ли, что кто-нибудь оскорбил, обобрал тебя и подверг опасностям? Но это не значит быть обиженным; напротив, если мы будем внимательны, то такие обиды принесут нам даже величайшую пользу. Здесь обиженный есть тот, кто учинил такое зло, а не тот, кто потерпел его. И в этом-то заключается главная причина всех зол, что мы не знаем даже и того, кто когда получает и кто наносит обиду. Если бы мы хорошо знали это, то никогда не обижались бы и не жаловались бы в молитвах своих на другого, зная, что другой не может причинить нам зла. Не лишаться, а лишать кого имущества есть зло. И потому если ты похитил что-нибудь, то осуждай самого себя; если же у тебя похитили имущество, молись за похитителя, потому что он доставил тебе весьма великую пользу. Пусть его намерение было и не таково; но ты сам собою приобретешь величайшую пользу, если великодушно перенесешь обиду. Его карают и Божественные и человеческие законы, а тебя, обиженного, увенчивают и прославляют. Если бы стражду-

щий горячкою похитил у кого-нибудь сосуд с водою и утолил ею опасную жажду, мы назвали бы обиженным не того, у кого похищен сосуд, но того, кто похитил, потому что через это он усилил бы жар и ухудшил свою болезнь. Так думай и о любостяжателе и о сребролюбце: и он ведь в жару любостяжания, который сильней самой горячки, похищением еще более усиливает свой пламень. Также, если бы кто в бешенстве, похитивши у кого-нибудь меч, заколол им себя, кто тогда потерпел бы зло: тот ли, у кого похищен меч, или тот, кто похитил? Очевидно тот, кто похитил. Так должны мы судить и о похищении имущества. Поистине, богатство для сребролюбца то же, что и для безумного меч, и даже еще гораздо вреднее. Безумный, взявши меч и нанеши себе смертный удар, освобождается от безумия и не получает другого удара; а сребролюбец каждый день получает бесчисленные, жесточайшие раны. Он не освобождается от своего безумия, но еще более увеличивает его; и чем больше получает ран, тем более подает случай раскрываться другим, жесточайшим. Помышляя об этом, будем избегать такого меча, будем избегать безумия – и, хотя и поздно, научимся воздержанию. Поистине и эту добродетель не менее должно называть целомудрием, как и ту, которую все называют этим именем. Там бывает борьба с одною лютою плотью, а здесь нужно побеждать многие и различные похоти. Нет безумнее человека, раболепствующего богатству. Одолеваемый, он представляет себя повелителем; будучи рабом, почитает себя господином; связав себя узами, радуется; усиливая лютость зверя, веселится; находясь в плену, торжествует и скачет; и, видя пса, бесящегося и нападающего на его душу, вместо того, чтобы связать и изнурить его голодом, он доставляет ему обильнейшую пищу, чтобы он еще более нападал на него и был еще ужаснее. Итак, представляя все это, расторгнем узы, умертвим зверя, отринем болезнь, отринем это безумие, чтобы нам насладиться спокойствием и совершенным здоровьем и, достигнув с великою радостью тихого пристанища, получить вечные блага, которых и да сподобимся мы благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава ныне и во веки веков. Аминь.

Беседа LII

И изшед оттуду Иисус, отъиде во страны Тирския и Сидонския. И се, жена Хананейска от предел тех изшедши, возопи к Нему глаголющи: помилуй мя Господи, Сыне Давидов! Дщи моя зле беснуется (Мф. 15–21, 22)

Изъяснение 15, 21–31. Христос отверзает дверь язычникам. – Сила веры и смирения хананейки. – Почему Христос медлил исполнением ее просьбы. – Милостыня ценится не по количеству подаваемого, а по силе расположения. – Превосходство милостыни пред всеми другими искусствами. – Наклонность к милосердию положена в самой природе. – Милосердие – отличительный признак человека. – Хищник не может получить плода милостыни.

1. Евангелист Марк говорит, что Христос, *и вшед в дом, неможеутаитися* (см.: Мк. 7, 24). Но для чего Христос отправился в эти именно страны? Он, отменив для иудеев закон о разборчивости в пище, теперь, простираясь далее, отверзает дверь уже и язычникам. Так и Петр сперва получил повеление отступить от закона (о пище), а потом был послан к Корнилию. Если же кто спросит: как же Христос, говоря ученикам: *на путь язык не идите* (Мф. 10, 5), Сам вступает на этот путь? – то мы скажем на это: во-первых, Он не обязан был Сам исполнять того, что заповедал Своим ученикам; во-вторых, Он шел в эти страны не проповедовать: на это указывает и Марк, говоря, что Господь скрылся, но не мог утаиться. Как не следовало Христу идти к язычникам первым, так, напротив, не сообразно было с Его человеколюбием удалять их от Себя, когда они сами приходили. Если Ему не надлежало оставлять убежавших от Него, тем более не должно было убегать тех, которые сами Его искали. Смотри, например, как вполне достойна была жена благоденний! Она не смела прийти в Иерусалим, потому что опасалась и считала себя недостойною; если бы было не так, то она пришла бы и туда, как это видно из настоящего ее великого усердия и из того, что она вышла за пределы своей земли. Некоторые, толкуя эти слова иносказательно, говорят, что по отшествии Христа из Иудеи к Нему дерзнула приступить Церковь, также вышедшая за пределы свои, потому что Писание говорит: *забуди люди твоя и дом отца твоего* (Пс. 44, 11). Христос вышел из пределов Своей страны, а жена из пределов своей, и таким образом они могут встретиться. *Се, жена Хананейска*, говорит Евангелист, *изшедши от предел своих*. Так он называет жену для того, чтобы указать здесь чудо и ее еще более прославить. В самом деле, слыша название хананейки, представь себе тот беззаконный народ, который извратил в самых основаниях законы природы; а представив это, уразумей силу пришествия Христова. Те, которые были изгнаны для того, чтобы не развратили иудеев, теперь больше иудеев оказывают усердия. Они выходят из пределов страны своей и сами идут ко Христу, а иудеи и пришедшего к Ним Христа гонят от себя. Итак, пришед ко Иисусу, жена одно только говорит: *помилуй мя*, и своим воплем привлекает к себе народ. Подлинно трогательное было зрелище – видеть жену, вопиющую с таким состраданием, видеть мать, умоляющую о своей дочери, о дочери, так жестоко страждущей. Она не осмелилась привести беснующуюся к Учителю, но, оставив ее дома на одре, сама умоляет Его и объявляет только болезнь, ничего более не прибавляя. И не зовет Врача в дом свой, подобно тому князю, который говорил: *пришед возложи руку Твою* (см.: Мф. 9, 18), – или тому цареву мужу, который сказал: *сниди прежде даже не умрет*

отрочищ мой (см.: Ин. 4, 49); но, поведав о своем горе и тяжкой болезни дочери, обращается к милосердию Владыки и громким голосом вопиет, прося помилования не дочери своей, но себе самой: *помилуй мя!* Как бы так говорила она: дочь моя не чувствует болезни своей, а я терплю тысячи различных мучений; я больна, я чувствую болезнь, я беснуюсь и сознаю это. *Он же не отвеща ей словесе* (Мф. 15, 23). Что значит этот новый и необыкновенный поступок Иисуса? Иудеев и неблагодарных вводит, и злословящих призывает, и искушающих не оставляет, а ту, которая сама приходит к Нему, просит Его и молит, которая не знала ни закона, ни пророков и между тем показывает такое благочестие, Он не удостоивает даже и ответа. Кто бы не соблазнился о Иисусе, видя поступок так несогласный с молвою о Нем? Слышно было, что Он Сам обходил селения для того, чтобы исцелять больных; но вот Он отвергает и ту, которая сама пришла к Нему. Кого бы не преклонили такое страдание и такая покорность, с какою умоляла жена о своей злостраждущей дочери? Она не почитала себя достойною благодеяния и пришла не с тем, чтобы требовать должного; но просила оказать милость и изъявляла только свое несчастье, – и при всем этом не удостоена ответа. Может быть, многие из слышавших это соблазнились; но она не соблазнилась. И что я говорю – из слышавших? Я думаю, что и сами ученики тронулись несчастьем жены, смутились и опечалились. Однако, и смутившись, они не смели сказать Ему: *окажи ей милость*; но *приступльше ученицы Его, моляху Его, глаголюще: отпусти ю, яко вопиет в след нас* (Мф. 15, 23). Так и мы, когда желаем склонить к чему-либо другого, часто говорим не то, что бы хотели. Христос же отвечает: *несь послан, токмо ко овцам погибшим дому Израилева* (Мф. 15, 24).

2. Какже поступила жена? Умолкла ли она, услышав это? Отошла ли? Потеряла ли бодрость? Нет! Она еще более усилила свои моления. Не так поступаем мы. Если не получаем просимого, то перестаем и просить, тогда как надлежало бы просить еще усерднее. Кого бы не привели в недоумение слова Спасителя? Довольно было и одного молчания, чтобы привести хананеянку в отчаяние; тем более мог повергнуть в него ответ Христов. Видя вместе с собою в недоумении своих ходатаев и слыша, что просьба ее не может быть исполнена, можно было потерять всякую надежду. И однако жена не потеряла ее, но, видя бессилие своих ходатаев, вооружилась похвальною смелостью. Прежде она не смела и явиться пред лице Господа, – сказано: *вопиет в след нас*; а теперь, когда по причине безнадежности надлежало бы вовсе удалиться, она приступает ближе и кланяется, говоря: *Господи, помози ми* (Мф. 15, 25). О жена! Неужели ты имеешь более дерзновения, более мужества, нежели апостолы? Нет, говорит она, я не имею ни дерзновения, ни мужества; напротив, я стыжусь, но употребляю дерзость вместо мольбы. Может быть, Он почтит мое дерзновение. Но что это? Или ты не слыхала, что Он сказал: *несь послан, токмо ко овцам погибшим дому Израилева*? Слышала, говорит она; но Он – Господь. Потому-то она и не сказала: *попроси и помолися, но: помози ми*. Что же Христос? Он и тем не удовольствовался, но еще более умножает ее недоумение, говоря: *несть добро отъяти хлеба чадом, и повреци псом* (Мф. 15, 26). Удостоив ответа, Господь Своими словами еще более поразил ее, нежели молчанием. Он уже не ссылается на другого в Свое оправдание и не говорит: *несь послан*; но чем более усиливает она свою просьбу, тем и Он решительнее отказывает. Он уже не овцами называет иудеев, но чадами, а ее псом. Как же поступает жена? Она в самых Его словах находит себе защиту. Если я пес, говорит она, то значит не чужая. Справедливо сказал Христос: *Аз приидохна суд* (см.: Ин. 9, 39). Жена любомудрствует, показывает великое терпение и веру, несмотря на свое уничижение; а иудеи, получая исцеления и почести, воздают противным. Я знаю, говорит она, что чадам необходимо давать пищу; но и мне она не совсем возбранена, несмотря на то, что я подобна псу. Если мне вовсе нельзя пользоваться пищею, то нельзя участвовать и в крохах. Если же я могу иметь хотя малое участие в ней, то мне она не совсем возбранена, несмотря на то, что я подобна псу; или, лучше, потому особенно я и имею в ней участие, что

подобна псу. Христос знал, что она скажет это. Потому-то и медлил (оказать ей помощь); для того и отказывался даровать ей просимое, чтобы показать ее любомудрие. Если бы Он вовсе не хотел оказать ей помощи, то не оказал бы ее и после этого и не стал бы снова заграждать ей уста. Но как поступил Он с сотником, сказав: *Аз пришед исцелю его* (Мф. 8, 7), чтобы мы узнали о благочестии этого мужа и слышали от него слова: *несъм достоин, да под кров мой внидеши* как поступил Он с кровоточивою, сказав: *Аз чух силу изшедшую из Мене* (Лк. 8, 46), чтобы чрез то сделать известною веру ее; как поступил с самарянкою, чтобы показать, что она не отошла от Него и после обличения, – так поступает и теперь. Он не хотел скрыть столь великой добродетели жены и то, что говорил ей, говорил не для того, чтобы укорить ее, но чтобы призвать к Себе и открыть скрытое сокровище.

Но ты, вместе с верою, познай и смиренномудрие ее. Господь назвал иудеев чадами; а она не удовольствовалась этим, но назвала их и господами. Так далека она была от того, чтобы завидовать славе других! *И пси*, говорит она, *ядят от крупиц падающих от трапезы господей своих* (Мф. 15, 27). Видишь ли благоразумие жены? Она не стала противоречить, не завидовала похвалам других и не оскорбилась собственною обидою. Какая твердость духа! Христос говорит: *несъм добро*, – она отвечает: *ей, Господи!* Он называет иудеев чадами, – а она господами. Он называет ее псом, – а она приписывает себе и действие, свойственное псу. Видишь ли ее смирение? Теперь посмотри на высокомерие иудеев. *Семя Авраамле есмы*, говорят они, *и никому жеработаем николиже*; мы рождены от Бога (Ин. 8, 33; см.: Мф. 8, 41). Не так поступает жена. Она называет себя псом, а их господами; и за это-то сделалась чадом. Что же Христос? *О жено*, восклицает Он, *вел и я вера твоя!* (см.: Мф. 15, 28). Для того, и медлил Он доселе оказать помощь, чтобы сказать эти слова и увенчать жену *Буди тебе, якоже хоцещи*, – то есть вера твоя может сделать и больше этого, но *буди тебе, якоже хоцещи!* Это восклицание подобно повелению: да будет небо – и бысть. *И исцели дщи ея от того часа* (Мф. 15, 28). Видишь ли, как много она способствовала к исцелению своей дочери? Потому-то и Христос не сказал: да исцелее дочь твоя, но: *велия вера твоя, буди тебе, якоже хоцещи*, – чтобы ты знал, что сказанное ею были не пустые или льстивые слова, а выражали великую силу веры. Наилучшее доказательство и свидетельство последней заключается в самом событии, – именно: дочь ее тотчас же исцелилась.

3. Заметь, что она совершила то, в чем побеждены были и чего не могли сделать апостолы. Такова сила неотступной молитвы! Бог хочет, чтобы мы в нуждах своих сами более просили Его, нежели другие ходатайствовали за нас. Хотя апостолы и более имели дерзновения, но жена показала великое терпение. Исполнив прошение жены, Христос оправдал Себя в медленности пред учениками и показал, что Он справедливо не согласился на их просьбу. *И прешед оттуду Иисус, прииде на море Галилейское: и возшед на гору, sede ту. И приступиша к Нему народи мнози, имуще с собою хромыя, слепыя, бедныя, немыя и привергоша их к ногам Иисусовыма, и исцели их. Якоже народом дивитися, видящим немыя глаголюща, бедныя здравы, хромыя ходяща и слепыя видяща: и славляху Бога Израилева* (Мф. 15, 29–31). Господь иногда Сам ищет больных, а иногда выжидает, чтоб они сами приходили к Нему, и хромых возводит на гору. Теперь они уже не прикасаются и к одежде Его, но начинают рассуждать правильнее: повергаются к ногам Его и обнаруживают сугубую веру; несмотря на хромоту свою, всходят на гору и ничего другого не требуют, кроме того, чтобы повергнуться к ногам Его. Весьма удивительно и странно было видеть, что те, которых прежде носили, теперь ходят сами, слепые не имеют нужды в руководителях. Но и самое множество исцеляющихся и легкость исцеления приводили в удивление народ. Знаешь ли, почему жену исцелил Он после такого промедления, а этих тотчас? Не потому, что они были достойнее ее, но потому, что она более их имела веры. Для того Он и отлагает, и медлит исцелить ее, чтобы показать ее твердость, а этим тотчас подает дар для того, чтобы заградить уста неверных иудеев и лишить их всякого оправдания. Подлинно, кто более получает благоденний,

тот большему подвергается и наказанию, когда бывает неблагодарен, когда и самая честь не делает его лучше. И богатые потому наказываются сильнее бедных за свою жестокость, что они и в изобилии не были сострадательны.

Не говори мне, что они подавали милостыню. Если они подавали менее, нежели сколько могли давать, то и тогда не избегнут наказания. Милостыня ценится не по количеству подаваемого, но по обилию расположения. Если и мало подающие будут наказаны, то тем более те, кто стяжал много благ, кто созидает дома в три и четыре кровли, а алчущих презирает, кто о любостыжании заботится, а о милостыне нерадит. Но если уж зашла речь о милостыне, то продолжим теперь ту беседу, которую я за три дня пред тем, рассуждая о человеколюбии, оставил недоконченного. Вы помните, что тогда я, рассуждая о чрезмерной и суетной заботливости об обуви и о изнеженности юношей, перешел к обличению этих пороков от размышления о милостыне. Что же тогда было поводом к этому? Мы сказали, что милостыня есть искусство, которого училище находится на Небесах, а учитель не человек, но Бог. Потом, исследуя, что можно назвать искусством и чего нельзя, перешли к занятиям суетным и искусствам вредным, между которыми упомянули и об искусстве делать обувь. Вспомнили ли? Итак, займемся и теперь тем, о чем говорили тогда, и покажем, почему милостыня есть искусство, и притом лучшее всех искусств. Если дело искусства состоит в том, чтобы доставлять какую-либо пользу, а полезнее милостыни нет ничего, то очевидно, что она есть искусство, – и притом лучшее всех искусств. Она не обувь нам делает, не одежду доставляет, не дома бранные созидает, но жизнь вечную уготовляет, из рук смерти исхищает, и в той, и в другой жизни прославляет, и созидает нам жилище и вечные чертоги на Небесах. Она не дает погасать нашим светильникам, ни являться нам на брак в нечистых одеждах, но омывает их и делает чище снега: *аще бо будут греси ваши яко багряное, яко снегубелю* (Ис. 1, 18); она не попускает нам впасть туда, где находится (евангельский) богач, и слышать страшные глаголы, но ведет нас на лоно Авраама. Каждое из искусств житейских доставляет одну какую-нибудь пользу, – так земледелие питает, искусство ткать одевает; а вернее сказать, и такой пользы ни одно из них само по себе, без помощи другого, не может нам доставить.

4. Если хотите, то рассмотрим, во-первых, земледелие. Земледелец никак не мог бы заниматься своим искусством, если бы кузнец не доставлял ему заступа, сошника, серпа, топора и много других орудий, нужных для земледелия; если бы плотник не сделал для него плуга, не приготовил ярма и молотильной телеги, кожевник – ремней, и опять плотник не построил стойл для пашущих волов и жилищ для самих пахарей; если бы дровосек не рубил дров и, наконец, если бы не было людей, умеющих печь хлебы. Равным образом занимающиеся искусством тканья, при отправлении работ своих, призывают к себе на помощь многие искусства, и если не получают ее, то не могут производить работ своих. И вообще каждое искусство имеет нужду в другом. Одна только благотворительность ничего другого не требует, кроме одного расположения. Если ты скажешь: она требует имущества, домов, обуви, то прочти слова Христа, сказанные Им о вдовице, и отложи такого рода заботу. Хотя бы ты был весьма беден, беднее даже тех, которые у тебя просят, – все же, если ты ввергнешь две лепты, то ты все совершил; хотя бы ты дал кусок хлеба, не имея у себя ничего, кроме него, – ты все исполнил. Итак, посвятим себя этой науке и искусству и будем упражняться в нем. Знать его – лучше, нежели быть царем и украшаться диадемою. Преимущество его состоит не в том только, что оно не имеет нужды ни в какой посторонней помощи, но и в том, что оно совершает многие и самые различные дела. Оно созидает вечные жилища на Небесах, научает почитателей своих избегать вечной смерти; оно дарует тебе сокровища неистощимые, которые не могут потерпеть вреда ни от воров, ни от червей, ни от тления, ни от времени. Если бы кто-нибудь научил тебя сберегать только хлеб, то чего бы ты не дал, чтобы научиться сохранять его без вреда в продолжение нескольких лет? Но вот благотворительность научает тебя безвредно сберегать не только хлеб, но и все: и имущество,

и душу, и тело. Но что подробно перечислять все выгоды, доставляемые этим искусством? Оно научает тебя тому, как можешь ты уподобиться Богу, а это есть первое из всех благ. Теперь видишь ли, что милосердие совершает не одно только действие, но многие? Не требуя помощи от других искусств, оно созидает дома, приготовляет одежды, доставляет неизживаемые сокровища, делает победителями смерти, одолевает диявола, уподобляет Богу. Итак, что может быть полезнее этого искусства? Кроме того, другие искусства оканчиваются вместе с настоящей жизнью, не действуют во время болезни художников и имеют действия преходящие, требуют труда и многого времени и других бесчисленных принадлежностей. А милостыня по скончании мира еще яснее открывается, по смерти человека наиболее просиживает и обнаруживает свои действия и не требует ни времени, ни труда, ни чего-либо другого трудного. Она действует и во время болезни твоей, и в старости, сопутствует тебе в жизнь будущую и никогда тебя не оставляет. Она делает тебя сильнее мудрецов и ораторов; люди знаменитые по своей мудрости и ораторству имеют у себя многих завистников, а за тех, которые прославили себя милосердием, бесчисленное множество людей приносят молитвы. Те предстанут пред судом человеческим, защищая обиженных, а часто и обижающих; а милостыня предстанет пред судом Христа, и не только защищает, но и Самого Судию преклоняет защищать подсудимого и произнести милостивый приговор о нем. Хотя бы он был виновен в бесчисленных согрешениях, – она венчает его и провозглашает победителем; *дадите*, сказано, *милостыню и вся чиста будут* (см.: Лк. 11, 41). И что я говорю о будущей жизни? И в настоящей, – спросите кого угодно из людей, – чего они желают более: того ли, чтобы между ними было много мудрецов и ораторов или людей милосердых и человеколюбивых? И вы услышите, что они изберут последнее. И весьма справедливо. От уничтожения красноречия жизнь нисколько не потерпит вреда; она и до него долгое время существовала. Но если уничтожится милосердие, то все погибнет и истребится. Как на море нельзя плыть далее берегов, так и земная жизнь не может стоять без милосердия, снисхождения и человеколюбия.

5. Вот почему Бог не только разуму предоставил побуждать нас к милосердию, но во многих случаях самой природе нашей даровал власть преклонять нас к последнему. Так отцы и матери оказывают милосердие детям, а дети-родителям; и то бывает не только у людей, но и у всех бессловесных. Так брат оказывает милосердие брату, родственник – родственнику, ближний – ближнему, человек – человеку. Мы по самой природе имеем некоторую склонность к милосердию. Потому-то мы и скорбим об обиженных, болезнуем, смотря на убиваемых, плачем при взгляде на плачущих. Бог весьма желает, чтобы мы исполняли дела милосердия, потому и повелел природе сильнее побуждать нас к ним, показывая тем, что Ему весьма любезно милосердие. Итак, помышляя об этом, пойдём сами и поведём детей и ближних наших в училище милосердия. Человек всего более должен учиться милосердию, потому что оно-то и делает его человеком. *Велика вещь человек, и драгая муж, творяй милость* (Притч. 20, 6). Кто не имеет милосердия, тот перестает быть и человеком. Оно делает мудрыми. И чему дивишься ты, что милосердие служит отличительным признаком человечества? Оно есть признак Божества. *Будите милосерди*, говорится, *якоже Отец ваш* (см.: Лк. 6, 36). Итак, по всем этим причинам научимся быть милосердными, а особенно потому, что мы и сами имеем великую нужду в милосердии. И не будем почитать даже жизнью время, проведенное без милосердия. Я говорю о милосердии, чуждом всякого любостыжания. Если человек, довольствующийся своим состоянием и не дающий ничего другому, не есть милосерд, то может ли назваться милосердным тот, кто похищает чужое, хотя бы он делал бесчисленные подаяния? Если наслаждаться одному своими благами бесчеловечно, то еще более – отнимать их у других. Если люди, не причинившие никакой обиды другим, подвергаются наказанию только за то, что не разделяли с ними своего имущества, то еще более подвергнутся те, которые похищали чужое. Не оправдывай себя тем, что, причиняя вред одному, ты оказываешь милость другому. Так поступать несправедливо. Тебе должно

оказывать милость тому, кого ты обидел; а ты, нанося раны одним, врачуешь тех, которым не причинил никаких ран, тогда как должно бы врачевать их или, лучше, не должно бы совсем и наносить. Человеколюбив не тот, кто сам поражает и исцеляет пораженных им, но тот, кто врачует раны, нанесенные другими. Итак, врачуй те раны, которые ты сам понес, а не те, которые другими причинены; или, лучше, не поражай и не низлагай другого, – это значило бы издеваться над другими, – но восставляй пораженных.

Уврачевать милостыней в соответствующей мере то зло, которое нанесено любостыжанием, невозможно. Если ты отнял у кого обол, то тебе мало уже обола, чтобы посредством милостыни залечить рану, нанесенную любостыжанием, но потребен талант. Вот почему пойманный вор возвращает вчетверо больше похищенного им. Но хищник хуже вора. Если же вор должен возвращать вчетверо более украденного им, то хищник вдесятеро, или еще более; хорошо, если и при этом условии сможет он получить отпущение в своей неправде: плода же милостыни он и тогда не получит. Потому-то Закхей и сказал: *аще кого чим обидех, возвращу четверицею; и: пол имения моего дам нищим* (см.: Лк. 19, 8). Если же во время закона должно было вознаграждать вчетверо, то тем более в царстве благодати. Если вор обязан это сделать, то тем более хищник; этот последний, кроме убытка, причиняет еще обиду, так что хотя бы ты дал во сто крат больше, и тогда не вознаградишь всего. Видишь ли, что я не напрасно сказал, что если ты похитишь обол, а отдашь талант, то и тогда едва вознаградишь? Если же, и поступая таким образом, ты едва можешь вознаградить вред другого, то, когда ты поступишь наоборот, то есть, похитив все имущество у ближнего, раздашь только малую часть его, и притом не тем, у кого похитил, а другим, – какое ты будешь иметь тогда оправдание? Какое прощение? Какую надежду спасения? Хочешь ли знать, сколь великое зло делает тот, кто оказывает такое милосердие? Послушай, что говорит Писание: *яко убиваяй чадо пред отцем его, тако приносяй жертву от имени нищих* (см.: Сир. 34, 20). Итак, прежде нежели выйдем из храма этого, начертаем эту угрозу в уме нашем; напишем ее на стенах, на руках, в совести и везде, чтобы, по крайней мере, страх, усилившись в уме нашем, удерживал руки наши от ежедневных убийств. Хищение хуже убийства, поскольку оно медленно убивает бедного. Чтобы нам освободиться от этой болезни, будем размышлять о большем и сами с собою, и с другими. Таким образом мы и к милосердию будем более склонны, и получим славные награды, даруемые за него, и удостоимся вечных благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава со Отцем и Святым Духом ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа LIII

Иисус же призвав ученики Своя, рече (им): милосердную о народе (сем), яко уже три дни приседят Мне, и не имут чесо ясти: и отпустить их не ядших не хочу, да не како ослабуют на пути (Мф. 15, 32)

Изъяснение 15, 32–16, 12. Несомненность чудесного насыщения. – Несовершенство веры учеников. – Их любомудрие. – Почему Христос не дал знамения просившим иудеям. – Малые по видимости чудеса Христовы по своей силе превосходили великие. – Строгость бывает так же полезна, как и снисходительность. – Настоящая жизнь есть смена радостей и печалей. – Ничто не доставляет большей радости, как добродетель. – Память добрых дел служит великим утешением в час смерти.

1. И прежде Христос, намереваясь сотворить подобное чудо, сперва исцелил страждущих телесными болезнями; и теперь делает то же самое: приступает к чудодействию после исцеления слепых и хромых. Почему же тогда ученики сказали: *отпусти народы*, а теперь этого не сказали, хотя прошло уже три дня? Или сами стали уже лучшими, или видели, что народ не слишком чувствовал голод, славя Бога за оказанные ему благодеяния? Но смотри, как Христос и теперь не просто приступает к чудодействию, но вызывает на него учеников. Народ, пришедши для исцеления болезней, не осмеливался просить хлеба; но Христос, будучи человеколюбив и попечителей, дает и не требующим, и говорит ученикам: *милосердную о народе, и отпустить ихнеядших нехочу*. Но чтобы кто-нибудь не сказал: они пришли с запасом хлеба, – Христос говорит: *три дни уже приседят Мне*; следовательно, если бы пришли и с запасом, то запас истощился бы. Потому-то и чудо сотворил Он не в первый и не во второй день, но когда вышло у них все, – чтобы, наперед восчувствовав нужду, тем с большим восторгом приняли чудо. Для того и говорит: *да не ослабуют на пути*, показывая тем, что далеко было до селения и что у них ничего не осталось. Но если Ты не хочешь отпустить их голодными, почему не творишь знамения? Чтобы Своим вопросом и ответом учеников возбудить в них большее внимание и дать им случай показать веру свою, подойти к Нему и сказать: сотвори хлебы. Но и тут они не поняли цели вопроса. Вот почему после, как повествует Марк, Христос и говорит им: так ли окаменели сердца ваши? *Они имущие не видите, и уши имущие не слышите?* (см.: Мк. 8, 17, 18). Если бы этого не было, то для чего говорить ученикам и давать знать, что народ достоин благодеяния, и прибавлять, что Он милосердует о нем? Матфей говорит, что после Он еще укорял их, говоря: *маловери, не у ли разумеете, ниже помните пять хлебы пятиим тысящам, и колико кош възясте? Ни ли седмь хлебы четырем тысящам, и колико кошниц възясте?* (см.: Мф. 16, 8-10). Так согласны между собою Евангелисты. Итак, что ж ученики? Они еще пресмыкаются долу, и, хотя Христос всячески старался запечатлеть в их памяти это чудо, и вопросом, и ответом, и тем, что сделал их раздаятелями (хлеба), и что кораба остались, – но они все еще оставались несовершенными, почему и говорят Ему: *откуда нам в пустыни хлебы толицы?* (Мф. 15, 33). И раньше, и теперь они все поминают о пустыне; и хотя говорят это не рассудив надлежащим образом, но самое чудо и здесь не подвергают никакому сомнению. Но чтобы кто-нибудь не сказал, – как я уже и прежде заметил, – что Он хлебы получил из какого-нибудь ближайшего селения, то указывается на самое место, чтобы чудо было вне сомнения. Потому-то как первое, так и это чудо Он творит в пустыне, далеко отстоящей от селений. Но ученики, ничего этого не понимая, говорили: *откуда нам в пустыни толицы хлебы?* Они весьма неразумно

думали, что Он говорит им это в намерении поручить им самим напитать народ. И прежде Он для того говорил: *дадите им вы ясти* (Мф. 14, 16), чтобы дать им случай просить Его об этом. Теперь же и того не говорит: *дадите им ясти*; но что? *Милосердную, и отпустити их не ядших не хочу*. Этими словами Он еще ближе наводит их на мысль, еще сильнее побуждает и дает разуметь, чтобы они просили Его напитать народ. Эти слова показывали, что Он может не отпустить их голодными, и свидетельствовали о Его могуществе. Это именно и означало слово: *не хочу*. Но так как они, несмотря и на это, не поняли сказанного Христом и упомянули о народе, и о месте, и о пустыне (сказали именно: *откуда нам в пустыни хлебы толицы, яко да насытитися толик народ?* – Мф. 15, 33), то Он уже Сам прямо вразумляет их и говорит им: *колико хлебы имате? Они же реша: семь и мало рыбыц* (Мф. 15, 34). Не говорят уже: *но сии что суть на толико* (Ин. 6, 9), как прежде говорили. Так, хотя они и не всё вдруг понимали, но всё же мало-помалу приобретали более высокое познание.

И Сам Он, возбуждая этим их мысли, спрашивает также, как и прежде, чтобы самым образом вопроса напомнить им о прежде совершенном чуде. Ты же, приметив из этого их несовершенство, познай вместе и любомудрый их разум и подивись их любви к истине, как сами они в своих писаниях не скрывают собственных недостатков, и притом великих. В самом деле, не малая вина – так скоро забыть чудо, недавно бывшее; за это Господь их и укоряет.

2. Кроме того, познай их любомудрие и в другом отношении, именно: как мало заботились они о чреве, как привыкли немного думать о пище. Находясь в пустыне и пребывая в ней три дня, имели только семь хлебов. Во всем прочем Господь поступает подобно прежнему: рассаживает их на земле и делает так, что в руках учеников не убывают хлебы. *Повеле, сказано, народом возлеци на земли: и приемь семь хлебы и рыбы, хвалу воздав преломи и даде учеником, ученицы же народом* (Мф. 15, 35–36). Но что за этим следовало, не походило на прежнее. *Ядоша, сказано, еси и насытишиася, и взяша избыткиукрух, семь кошниц исполнь. Ядших же бяше четыре тысяци мужей, разве жен и детей* (Мф. 15, 37–38). Но почему тогда от пяти тысяч осталось двенадцать коробов, а здесь от четырех тысяч осталось семь корзин? Итак, для чего и почему остаток был меньше, хотя и евских было меньше? Можно сказать, что или корзины были больше коробов, или, если не то, надобно думать, что Господь опять, чтобы сходство чуда не довело их до забвения, таким различием пособляет их памяти, чтобы, помня сделанное иначе, помнили то и другое чудо. Поэтому-то в первом случае число коробов с остатками делает равным числу учеников, а теперь число корзин равным числу хлебов. И в этом Он обнаруживает неизреченную силу и свободу могущества, показывая, что и так и иначе может творить чудеса. Подлинно, делом не малого могущества было то, что Он соблюл число как тогда, так и теперь: тогда было пять тысяч, а теперь четыре тысячи, остатков же было ни больше, ни меньше, в первом случае – числа коробов, а во втором – корзин, хотя число евских было различно. И что далее следует, подобно прежнему. Как тогда, оставив народ, Христос вошел в корабль, так и теперь. И Иоанн тоже говорит (см.: Ин. 6, 17). Так как никакое чудо не располагало столько народ следовать за Ним, как чудо хлебов, – даже хотели не только за Ним следовать, но и сделать Его за это царем, – то Христос, избегая даже и вида властолюбия, удаляется после этого чудотворения; и не пеший уходит, но, чтобы не мог следовать народ, входит в корабль. *И отпустив, говорит Евангелист, народы, влезе в корабль, и прииде в пределы Магдалински* (Мф. 15, 39). *Иприступившие фарисее и саддукее, просиша Его знамение с небесе показати им. Он же рече: вечеру бывшу глаголете ведро, чермнуетбося небо; и утру: днесь зима, чермнуетбося дряслуя небо. Лице убо небесе умеете разсуждати, знамений же временем не можете. Род лукав и прелюбодейный знамения ищет, и знамение не дастся ему, токмо знамение Ионы пророка. И оставль их отыде* (см.: Мф. 16, 1–4). А Марк говорит, что, когда они пришли к Нему и спрашивали, *воздохнув духом Своим, глагола: что род сей знамения ищет?* (Мк. 8, 12). Хотя такой вопрос дол-

жен был возбудить гнев и негодование, однако человеколюбивый и милосердый Господь не гневается, но сожалеет и болезнует о них, как о неисцельно больных, которые после стольких доказательств Его могущества все еще искушали Его. Они спрашивали Его не для того, чтобы уверовать, но чтобы уловить. Если бы пришли с тем, чтобы уверовать, Он дал бы им знамение. Тот, Кто сказал жене: *нести добро* (Мф. 15, 26) и потом дал, тем более дал бы им. Но так как они просили знамения не для того, чтобы уверовать, то Спаситель называет их в другом месте и лицемерами, за то, что они одно говорили, а другое думали. Если бы они веровали, то не просили бы и знамения. А что они не веровали, это видно и из того, что, после укора и обличения, уже не настаивали на своей просьбе и не сказали: мы не знаем и хотим научиться. Какого же знамения с неба просили? Остановить солнце, или удержать луну, или низвести молнию, или произвести перемену в воздухе, или сделать что-нибудь подобное. Что же на это отвечает Христос? *Лице небесе умеете рассуждати, знамений же временем не можете*. Видите ли кротость и снисходительность? Он не просто отказал, как прежде, не сказал: *не дастся ему* (Мф. 12, 39), но указывает и причину, по которой не дает, хотя они и не для того спрашивали, чтобы научиться. Какая же причина? Как на небе, говорит Он, иной признак ненастья, иной – вёдра, и никто, видя признак ненастья, не будет ожидать хорошей погоды, а в хорошую погоду ненастья, так и обо Мне должно рассуждать. Иное время настоящего пришествия, и иное – будущего. Ныне нужны знамения на земле, а знамения на небе отложены до будущего времени. Ныне Я пришел как Врач, тогда явлюсь как Судия; ныне пришел взыскать заблудшее, тогда приду потребовать отчета. Потому ныне пришел скрытно, тогда приду со всею торжественностью: совью небо, сокрою солнце, лишу света луну; тогда и силы небесные подвигнутся, и явление Моего пришествия будет подобно молнии, которая вдруг всем является. Но не ныне время этих знамений: Я пришел умереть и претерпеть поноснейшие страдания. Не слышали ли, что пророк говорит: *не преречет, ни возопиет, ниже услышится вне глас Его* (см.: Ис. 42, 2)? И еще другой: *сидет яко дождь на руно* (Пс. 71, 6)?

3. Если укажете на знамения, бывшие при фараоне, то те знамения тогда были кстати, потому что нужно было избавиться от врага. А кто пришел к друзьям, тому нет нужды в таких знамениях. И что Мне производить великие знамения, когда малым нет веры? Малыми их я называю по видимости, потому что по (внутренней) силе последние гораздо более первых. В самом деле, что может сравниться с отпущением грехов, воскрешением мертвого, изгнанием бесов, исцелением тела словом, с восстановлением всего? Ты же заметь, как ожесточено сердце иудеев. Слыша, что не дастся им знамения, кроме знамения Ионы-пророка, они не спрашивают Его, хотя, зная пророка и все с ним случившееся и вновь слыша об этом от Христа, они должны были спросить и узнать, что значило сказанное? Но я сказал, что они просят знамения не с желанием научиться. Вот почему и Христос, оставив их, отошел. *И прешедше ученицы Его*, говорит Евангелист, *на он пол, забыша хлебы взяти. Иисус же рече им: внемлите и блюдитесь от кваса фарисейска и саддукейска* (Мф. 16, 5, 6). Почему не сказал: берегитесь учения? Очевидно, что хочет напомнить им о бывшем: знал, что они то забыли. Прямо обличать их не было видимого основания; но, от них же самих взяв повод укорить их, делает обличение не так для них чувствительным. Почему же не тогда укорил их, когда говорили: *откуда нам в пустыни хлебы толицы?* Казалось, что тогда кстати было сказать; но не сказал, чтобы не дать знать, что Он хочет сделать чудо. Притом не хотел и их обличать, и Сам хвалиться пред народом. Теперь же приличнее было обвинять их, так как и после двукратного чуда они не вразумились. Вот почему уже после второго чуда укоряет их и выводит наружу то, о чем они думали. О чем же они думали? *Яко хлебы*, говорит Евангелист, *не взяхом* (Мф. 16, 7). Они еще заботились об иудейских очищениях и наблюдали разборчивость в пище. За все это Христос и укоряет их с большею строгостью, говоря: *что мыслите в себе, маловери, яко хлебы не възяте? Не у ли разумеете, ниже помните? Еще ли*

окаменено сердце ваше? Очи имущие не видите, уши имущие не слышите? Не у ли помните пять хлебы пяти тысящам, и колико кош взяли? Ни ли семь хлебы четырем тысящам, и колико кошниц взяли? (см.: Мф. 16, 8-10).

Видишь ли сильное негодование? Нигде еще Он так не укорял их. Для чего же делает это? Чтобы опять отвергнуть предрассудок их касательно пищи. Почему-то тогда Он сказал только: *не у ли разумеете, ниже помните?* Здесь же с сильною укоризною говорит: *маловери!* И кротость не везде уместна. Как давал им полную свободу говорить, так и укоряет их; а то и другое делал для их спасения. Смотри же, как Он был строг и снисходителен. Он едва не извиняется пред ними, что их укорил с такою силою, когда говорит: *не у ли помышляете пять хлебы, и колико кош взяли, и семь хлебы, и колико кошниц взяли?*

Для того означает число как евших, так и остаток, чтобы, напомнив им о прошедшем, сделать более внимательными к будущему. Но чтобы тебе узнать, что произвела укоризна и как пробудила их усыпленный ум, послушай, что говорит Евангелист. Хотя Господь ничего более не сказал, а укоривши, присовокупил только: *како не разумеете, яко не о хлебахрех вам внимати, но от кваса фарисейска и саддукейска?* – но они, говорит далее Евангелист, *тогда разумеша, яко не рече хранитися от кваса хлебнаго, но от учения фарисейска и саддукейска* (Мф. 16, 11–12), чего Сам Он не объяснял. Смотри, сколько доброго произвела укоризна! Она заставила их отстать от иудейской разборчивости, и из беспечных сделала внимательными, и освободила их от честолюбия и маловерия, так что они перестали приходить в страх и трепет, когда случалось им иметь мало хлебов, и не заботились, чем утолить голод, но все это презирали. Так и мы не должны всегда поблажать подчиненным, равно не должны искать того, чтобы начальники наши нам поблажали. Для души человеческой необходимы оба эти врачевства (и строгость, и снисходительность). Вот почему и Бог в целой вселенной так распоряжается, что иногда употребляет строгость, а иногда – снисходительность, и не попускает быть ни благополучию без скорбей, ни бедствий без радостей. Как в природе бывает то ночь, то день, то лето, то зима, так и у нас – то печаль, то радость, то болезнь, то здоровье. Итак, не дивись, когда ты болен, – иначе должен будешь дивиться, когда ты и здоров; не смущайся, когда ты печален, – иначе должен будешь беспокоиться, когда и весел. Все совершается по естественному порядку.

4. И что дивишься, если с тобою это случилось? Кто не знает, что то же случилось и со святыми? А чтобы тебе понять это, изобразим ту жизнь, о которой ты думаешь, что она вся исполнена удовольствиями и свободна от забот. Хочешь ли, рассмотрим жизнь Авраама с самого ее начала? Что же он прежде всего услышал? *Изыди от земли твоя, и от рода твоего* (Быт. 12, 1). Видишь ли, что требование очень неприятно? Но смотри, сколько следует затем радостного! *И иди в землю, юже ти покажу, и сотворю тя в язык велий* (Быт. 12, 1–2). А что, когда пришел в землю, достиг пристани, кончились ли скорби? – Отнюдь нет: опять следуют новые скорби, тягостнее прежних-голод, странствование, похищение жены; а затем ожидали его другие радости – поражение фараона, отпуск с честью, со многими дарами, и возвращение в дом. И вся остальная жизнь представляет такую же цепь радостей и печалей. То же самое случилось и с апостолами. Потому Павел и говорит: *утешаяй нас о всякой скорби, яко возможи намутешити сущия во всякой скорби* (2 Кор. 1, 4). Но ты скажешь: как это идет ко мне, который всегда нахожусь в скорбях? Не будь нечувствителен и неблагоприятен; никому не возможно быть всегда в скорбях; этого не перенесет природа (человеческая). Но так как мы всегда желаем быть в радости, то и думаем, что всегда находимся в печали. Кроме того, так как радостное и приятное мы скоро забываем, а печальное всегда помним, то и говорим, что всегда находимся в печали. Человеку по природе его невозможно быть всегда в печали. Если угодно, рассмотрим жизнь, проводимую в неге, забавах и роскоши, – и жизнь в нужде, в бедствиях и горестях. Мы покажем вам, что как та имеет свои горести, так и эта имеет свои радости. Но будьте спокойны. Вообразите себе человека, заключен-

ного в оковы, и еще юного осиротевшего царя, который получил великое богатство; вообразите также работника, который трудится целый день, и человека, который все время проводит в неге. Хочешь ли, мы опишем прежде скуку преданного неге человека? Представь, как должны волноваться его мысли, когда ищет он славы не по силам своим, когда слуги его презирают, когда низшие оскорбляют, когда тысячи его винят и осуждают его расточительность; а того и пересказать нельзя, что еще обыкновенно случается с такими богачами, как-то: вражда, оскорбления, обвинения, убытки, злоумышления завистников, которые, когда не могут себе присвоить его богатства, увлекают молодого человека в разные дела, всячески расстраивают и причиняют ему тысячи беспокойств. Хочешь ли, опишу тебе приятности в жизни работника? Он свободен от всего исчисленного; если кто и обидит его, – не оскорбит, потому что никому себя не предпочитает; потери имения не страшится; ест с удовольствием, спит беззаботно. Не с таким удовольствием пьет иной и фазское вино, с каким он приходит к источнику и пьет ключевую воду. Но не такова жизнь богача. А если и этого тебе мало, то чтобы одержать над тобою еще большую победу, сравним царя с узником, и ты не раз увидишь, что узник наслаждается удовольствием, веселится и скачет, а царь, напротив, в диадеме и порфире скучает, имеет тысячи забот и обмирает от страха. Никому, никому нельзя жить без печали, равно как и без всякого удовольствия. Этого не вынесла бы и природа наша, как я сказал прежде. Если же один более радуется, а другой более скорбит, то происходит это от самого человека, который скорбит по малодушию, а не от природы вещей. Если же хотим всегда радоваться, то много имеем к тому случаев. Если утвердимся в добродетели, то ничто уже нас не будет печалить: добрые надежды внушает она тем, кто приобрел ее, делает их угодными Богу и почтенными пред людьми и дает им неизреченную отраду. Правда, многого труда стоит утвердиться в добродетели; но зато она много радуется совести и столько производит внутреннего удовольствия, что никаким словом и выразить нельзя. В самом деле, что тебе кажется приятным в настоящей жизни? Стол ли роскошный, здоровье ли телесное, слава ли и богатство? Но все эти удовольствия покажутся весьма горькими, если сравнить их с удовольствием внутренним. Поистине нет ничего приятнее неукоризненной совести и доброй надежды.

5. И если хотите увериться в этом, испытаем человека, близкого к смерти или престарелого и, припомнив ему о роскошных столах, которыми он услаждался, о славе и чести, равно и о добрых делах, какие он когда-либо делал и совершал, – спросим его: что больше его радует? И увидим, что, вспоминая первые, он стыдится и закрывает лицо, а вспоминая последние, восхищается и ликует. Так Езекия, когда изнемог, вспомнил не о славе, не о царстве, не о столах роскошных, но о правде. *Помяни Господи*, говорит он, *како ходих пред Тобою путем правым* (4 Цар. 20, 3). Посмотри, как и Павел восхищается добрыми делами и говорит: *подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох* (2 Тим. 4, 7). Скажешь: о чем ему было и говорить? О многом и большем этого: о почестях, ему возданных, об охранителях, которые имелись у него, и о многократных услугах. Не слышишь ли, что он говорит: *якоже Ангела Божия прилете мя, яко Христа Иисуса, что аще бы было мощно, очеса ваша извертевшие дали быстем* (Гал. 4, 14–15) и что *по души его своя выя положиша* (см.: Рим. 16, 4)? Однако он говорит не об этих почестях, но о трудах, об опасностях и соответствующих им венцах. И весьма справедливо. То остается здесь, а это за нами последует; за то дадим отчет, а за это получим награду. Или не знаете, как возмущают душу грехи в день кончины, как волнуют сердце? В эти-то минуты воспоминание о добрых делах, подобно вёдру во время бури, успокаивает смущенную душу. Если будем бодрствовать, то страх этот неразлучен будет с нами еще и в жизни; когда же остаемся бесчувственными, то он, без сомнения, предстанет тогда, когда будем разлучаться с этой жизнью. Так и узник тогда особенно скорбит, когда выводят его на суд; тогда особенно трепещет, когда приближается к судилищу, когда должен дать отчет. Вот почему много ходит и рассказов об ужасах при

последнем конце и страшных явлениях, которых самый вид нестерпим для умирающих, так что лежащие на одре с великою силою потрясают его и страшно взирают на предстоящих, тогда как душа силится удержаться в теле и не хочет разлучиться с ним, ужасаясь видения приближающихся Ангелов. Если мы, смотря на страшных людей, трепещем, то каково будет наше мучение, когда увидим приближающихся грозных Ангелов и неумолимые силы, когда они душу нашу повлекут и будут отторгать от тела, когда много будет она рыдать, но вотще и без пользы? И богач, упоминаемый в Евангелии, много плакал по смерти; но это не принесло ему никакой пользы. Все это напечатлевая в уме и всегда представляя, чтобы и нам не потерпеть того же, удержим в свежей памяти страх смерти, чтобы избежать наказания за наши грехи и получить вечные блага, которых и да сподобимся все мы, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу и Святому и Животворящему Духу слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа LIV

Пришед же Иисус во страны Кесарии Филипповы, вопрошаше ученики Своя, глаголя: кого Мя глаголют человецы быти, Сына Человеческого? (Мф. 16, 13)

Изъяснение 16, 13–23. Для чего Христос спрашивает учеников предварительно о мнении народа о Нем. – В каком смысле Петр исповедал Христа Сыном Божиим. – Единосущие Христа с Отцом. – Почему до страданий Спаситель запрещал разглашать, что Он есть Христос. – Тайна Креста и Воскресения неизвестна была и апостолам. – Не должно стыдиться Креста Христова. – С какими мыслями и расположениями должно совершать знамение Креста. – Сила Креста. – Христианин не должен иметь ничего общего с землею. – Легкоисполнимость заповедей.

1. Для чего Евангелист упомянул об основателе города? Для того, что была другая Кесария, именно Стратонова; а Иисус Христос спрашивал учеников не в Стратоновой, а в Филипповой, отведши далеко от иудеев, чтобы они, освободившись от всякого опасения, смело высказали все, что у них было на мыслях. Для чего же Он спросил сначала не об их мнении, а о мнении народа? Для того, чтобы они, сказавши народное мнение, потом, будучи спрошены: *вы же кого Мя глаголете быти?* – самым порядком вопросов были возведены к высшему разумению и не стали о Нем так же низко думать, как и народ. По той же причине спрашивает их не в начале проповеди, но, когда сотворил много чудес, беседовал с ними о многих и высоких истинах и многократно доказал Свою Божественность и единство с Отцом, тогда уже предлагает им этот вопрос. И не говорит: за кого Меня почитают книжники и фарисеи? – хотя они часто приходили к Нему и беседовали; но желает знать непритворное мнение народа: *кого Мя глаголют человецы быти?* Мнение народа было хотя гораздо ниже надлежащего, но без всякого лукавства; мнение же книжников и фарисеев внушено было сильною злобою. И, показывая, как сильно желает, чтобы исповедовали Его воплощение, говорит: *Сына Человеческого*, – разумея под этим и Божество, как нередко и в других местах Он делает. Так говорит: *никтоже взыде на небо, токмо Сын Человеческий, сый на небеси* (Ин. 3, 13); и в другом месте: *аще убо узрите Сына Человеческого восходяща, идеже бе прежде* (см.: Ин. 6, 62). Потом, когда ученики сказали Ему: *ови убо Иоанна Крестителя, инии же Илию, друзии же Иеремию, иные единого от пророк* (Мф. 16, 14) и объявили Ему ложное мнение народа, – тогда присовокупил: *вы же кого Мя глаголете быти?* (Мф. 16, 15). Этим вторым вопросом Он побуждает их думать о Нем выше и дает разуметь, что первое мнение весьма мало соответствует Его достоинству. Для того Он требует от них другого мнения и предлагает другой вопрос, чтобы они не думали о Нем одинаково с народом, который видел чудеса, превышающие силы человека, и почитал Его человеком, хотя таким, который воскрес из мертвых, как говорил и Ирод. Но Он, отклоняя от таких догадок, говорит: *вы же кого Мя глаголете быти*, – вы, которые всегда со Мною были, видели Мои чудодействия и сами творили чрез Меня многие чудеса? Что же на это отвечает Петр, уста апостолов, всегда пламенный, глава в лике апостольском? На вопрос, предложенный всем, отвечает от себя. Когда Христос спрашивал о мнении народа, тогда все отвечали на Его вопрос; когда же о их собственном, то Петр не терпит, предупреждает и говорит: *Ты еси Христос, Сын Бога Живаго!* (Мф. 16, 16). Что же сказал Христос? *Блажен еси Симоне, вар Иона, яко плоть и кровь не яви тебе* (Мф. 16, 17). Конечно, если бы Петр исповедал Его Сыном не в собствен-

ном смысле и не от Самого Отца рожденным, то это не было бы делом откровения; если бы он почел Его сыном, подобным многим, то его слова не заслуживали бы блаженства. И прежде еще бывшие на корабле, после бури, говорили: *воистину Божий Сын есть* (см.: Мф. 14, 33), однако не были названы блаженными, хотя и истину сказали. Они исповедали Его не таким Сыном, как Петр, но признавали воистину сыном подобным многим, даже превосходнейшим многих, только не из самой сущности Отца рожденным.

2. И Нафанаил также говорил: *Равви, Ты еси Сын Божий, Ты еси Царь Израилев* (Ин. 1, 49), однако ж не только не называется блаженным, но еще обличается Господом за то, что много еще не досказал истины. Потому Христос и прибавил: *зане рех ти, яко видехтя под смоковницею, веруеши? Большая сих узриши* (Ин. 1, 50). За что же Петр называется блаженным? За то, что он исповедал Его истинным Сыном. По этой-то причине Христос других не назвал блаженными, но, говоря с Петром, показал, Кто и открыл ему. Чтобы исповедание Петрово не показалось многим сказанным из дружбы и лести, и в знак особенного к Нему расположения, – потому что он весьма любил Христа, – и указывает Того, Кто внушил ему, чтобы ты разумел, что Петр только произносил, а научал его Отец, и чтобы ты верил, что слова эти не выражают человеческое мнение, но Божественное учение. Но почему Христос не открывает Себя Сам, – не говорит: Я – Христос, – но достигает этого вопросом Своим и заставляет произнести исповедание учеников? Потому что это и Ему тогда было приличнее и нужнее, и их более побуждало верить сказанному. Видишь ли, как Отец открывает Сына? Как Сын открывает Отца? *Ни Отца кто знает, сказано, токмо Сын, и емуже аще волит Сын открыти* (Мф. 11, 27; см.: Лк. 10, 22). Таким образом не чрез другого кого можно познать Сына, как только чрез Самого Отца; и не чрез другого кого можно познать Отца, как только чрез Сына, так что и из этого видно, что Они равночестны и единосущны. Что же говорит Христос? *Ты еси Симон, сын Ионин; ты наречешися Кифа* (Ин. 1, 42). Так как ты проповедал Моего Отца, то и Я именую родившего тебя, и как бы так говорит: как ты сын Ионин, так и Я Сын Моего Отца. Иначе излишне было бы говорить: *ты еси сын Ионин*. Но когда Петр назвал Его Сыном Божиим, тогда Христос, чтобы показать, что Он так же есть Сын Божий, как Петр сын Ионин, то есть одной сущности с Родившим, присовокупил: *и Аз тебе глаголю: ты еси Петр, и на сем камени – то есть на вероисповедании- созижду Церковь Мою* (Мф. 16, 18). Этими словами Господь показывает, что отселе многие будут веровать, ободряет дух Петра и делает его пастырем: *и врата адовы не одолеют ей*. Если же не преодолеют ее, то тем более Меня. Поэтому не смущайся, когда услышишь, что Я буду предан и распят. Далее обещает и другую почесть: *и Я дам ти ключи Царствия Небеснаго* (Мф. 16, 19). Что значит: *и Я дам ти?*

Как Отец дал тебе познание обо Мне, так и Я дам тебе; не сказал: умолю Отца, хотя и это было бы важным доказательством Его могущества и неизреченно великим даром; но: *Я дам тебе*. Что же даешь Ты, скажи мне? *Ключи Неба, чтобы еже аще свяжеши на земли, будет связано на небесех: и еже аще разрешиши на земли, будет разрешено на небесех* (Мф. 16, 19). Как же не может дать того, чтобы сесть одесную и ошуюю – Тот, Который говорит: Я дам тебе? Видишь ли, как Христос этими двумя обещаниями возводит Петра к высокому о Нем мнению, как открывает Себя и показывает истинным Сыном Божиим? Он обещает даровать ему то, что собственно принадлежит одному Богу, именно: разрешать грехи, соделывать Церковь непоколебимую среди всех волнений и простого рыбака явить крепчайшим всякого камня, когда восстанет на него вся вселенная. Подобным образом и Бог Отец сказал, беседуя с Иеремиею, что полагает его, как столп медный и как стену (см. Иер. 1, 18); но Иеремия поставлен был для одного народа, а Петр для целой вселенной. Хотелось бы мне спросить тех, которые унижают Сына: какие больше дары – те ли, которые Отец дал Петру, или те, которые дал Сын? Отец даровал Петру откровение о Сыне; Сын же откровенное познание об Отце и о Самом Себе посеял во всей вселенной и простому смертному вручил,

давши ему ключи, власть над всем небесным; и он распространил Церковь по всей вселенной и явил ее сильнейшею самого неба. *Небо и земля мимоидут, словеса же Моя немимоидут* (Мф. 24, 35). Как же меньше Тот, Кто дал такую власть и совершил такие дела? Говоря это, я не отделяю дел Отца от дел Сына: *вся Тем быша, и без Него ничтоже бысть* (Ин. 1, 3); но хочу обуздать бесстыдный язык дерзающих унижать Сына.

3. Из всего этого познай власть Христа. *Аз тебе глаголю: ты еси Петр; Я созижду Церковь; Я дам ти ключи неба. Тогда, сказав это, запрети им, да никому жерекут, яко Сей есть Христос* (см.: Мф. 16, 18–20). Для чего Он запретил? Для того, чтобы, по удалении соблазнительей, по совершении крестного подвига и по окончании всех Его страданий, когда уже некому было препятствовать и вредить вере в Него многих, тогда чисто и твердо напечатлелось в уме слушающих верное о Нем понятие. Могущество Его не так еще очевидно обнаруживалось. Поэтому Он хотел, чтобы апостолы тогда уже начали проповедовать о Нем, когда очевидная истина проповедуемого и сила событий будут подтверждать слова их. Действительно, иное было дело видеть, что Он то чудодействует в Палестине, то подвергается поношениям и гонениям (особенно, когда за чудесами должен был последовать крест), и иное дело видеть, что вся вселенная Ему поклоняется и верует в Него и что Он уже не терпит ни одного из тех страданий, которые претерпел. Поэтому-то Он и повелел никому не сказывать. Раз укоренившееся, а потом исторгнутое, трудно уже насадить и удержать во многих; напротив, что однажды принялось и остается на своем месте и ничем не бывает повреждаемо, то легко прозябает и возрастает. Если те, которые видели многие чудеса и слышали столько неизреченных тайн, соблазнились при одном слухе о страданиях, притом не только прочие апостолы, но и верховный из них, Петр, то представь, какому бы соблазну подвергся народ, если бы он знал, что Христос есть Сын Божий, и потом увидел, что Его распинают и оплевывают, между тем не разумел бы сокровенного в этих тайнах, не приняв еще Святого Духа? Если и ученикам Христос говорил: *много имам глаголати вам, но не можете носити ныне* (Ин. 16, 12), то тем более смутился бы прочий народ, если бы прежде надлежащего времени открыта ему была высочайшая из тайн. Вот почему Он и запретил сказывать! И действительно, как важно было познать полное учение не прежде, чем после этих событий, когда миновали соблазны, познай то из примера верховного апостола. Тот же самый Петр, который после стольких чудес оказался таким слабым, что даже отрекся Иисуса и убоился простой служанки, – когда совершились уже крестные страдания, когда он увидел ясные доказательства Воскресения и когда ничто уже его не соблазняло и не устрашало, тот же Петр с такою непоколебимостью защищал учение Духа, что, несмотря на все угрожавшие ему опасности и тысячи смертей, сильнее льва устремлялся на народ иудейский. Итак, справедливо запретил Он сказывать прежде креста народу, когда прежде креста опасался все открыть и тем, которые должны быть наставниками. *Много имам глаголати вам, говорит Христос, но не можете носити ныне.* И действительно, многого они еще не разумели в Его словах, чего прежде креста Он ясно не открыл им; после же Воскресения они поняли некоторые из Его слов. *Оттоле начат Иисус сказовати им, яко подобает Ему пострадати* (см.: Мф. 16, 21). *Оттоле:* с которого времени? С того, когда насадил в них учение о Своей Божественности, – когда положил начало обращения языков. Но и тогда они не поняли еще слов Его, – сказано: *бе сокровен глагол сей от них* (см.: Лк. 18, 34); они все еще оставались как бы в некоем мраке, не зная, что должно Ему воскреснуть. Вот почему Христос и останавливается на этом трудном для них предмете, распространяет Свое слово, чтобы отверзть их ум и дать разуметь, что значат слова Его. Но они *не разумеша, но бе глагол сей сокровен от них;* они даже боялись спрашивать Его, впрочем, не о том, точно ли умрет Он, но о том, как и каким образом и что значит эта тайна? Они не знали, что такое значит воскреснуть, и считали важнейшим никогда не умирать. Вот почему, при общем смущении и недоумении учеников, пылкий Петр опять один осмеливается продолжить об этом разговор, но и то не при

всех, а наедине, то есть устранившись от других учеников; и говорит: *милосерд Ты Господи: не имать быти Тебе сие!* (Мф. 16, 22) Что это значит? Тот, который удостоился откровения, назван блаженным, так скоро споткнулся и упал так, что побоялся страдания? Но что удивительного, если это случилось с человеком, который не получил о том откровение? Чтобы знать тебе, что он не сам от себя произнес слова (*Ты еси Христос Сын Божий*), – смотри, как он смущается и недоумевает о том, что ему еще не открыто, и, тысячу раз слыша, не понимает, что говорят ему. Он познал, что Иисус есть Сын Божий; а что такое тайна Креста и Воскресения, – то ему еще не было известно. Сказано: *и бе сокровен от них глагол сей*. Видишь ли, что Христос справедливо запретил сказывать о том другим? Если сказанное так смутило и тех, кому нужно было это знать, то чего не случилось бы с другими? Но Христос, желая показать, что Он нимало не против собственной воли идет на страдание, даже обличил Петра и назвал сатаню.

4. Да слышат это все те, которые стыдятся крестных страданий Христовых. Если и верховный апостол, и притом, когда не понимал еще всего ясно, назван сатаню за то, что устыдился Креста, то какое извинение найдут те, которые при всей очевидности отвергают это таинство? Если слышит такой упрек названный блаженным и исповедавший Божество Христово, то подумай, чему подвергнутся те, которые и ныне отвергают таинство Креста? Христос не сказал: сатана говорит твоими устами; но: *иди за Мною сатано!* (Мф. 16, 23), потому что противник именно желал того, чтобы Христос не страдал. Вот причина, почему Он с такою силою обличил Петра; Он видел, что и Петр, и другие всего более того боялись и не могли спокойно слышать. По той причине Он обнаруживает и тайные его мысли, говоря: *не мыслиши, яже суть Божия, но человеческая*. Что значит: *не мыслиши, яже суть Божия, но человеческая?* (Мф. 16, 23). Петр, заключая о деле по человеческому и плотскому рассуждению, думал, что страдание для Христа позорно и несвойственно. Итак, проникая в его мысли, Христос говорит: нимало не несвойственны Мне страдания, но ты так судишь по плотскому разуму; напротив, если бы ты в Божественном Духе, освободившись от плотских помыслов, высказал сказанное Мною, то понял бы, что это Мне весьма прилично. Ты думаешь, что страдать для Меня низко, а Я тебе говорю, что эта мысль – не страдать Мне – от дьявола. Так Он страхом противного рассеивает боязнь Петра. Как и Иоанна, когда тот почитал низким для Христа креститься от него, Он убедил крестить, сказав: *тако подобает нам* (Мф. 3, 15); как и самому Петру, когда не давал Ему умыть ног своих, сказал: *аще не умью ног твоих, не имаша части со Мною* (Ин. 13, 8), так и здесь Он вразумил Петра страхом противного и силою обличения, уничтожил страх, возбужденный мыслью о страдании. Итак, никто не стыдись достопоклоняемых знаков нашего спасения, которыми мы живем, и начала всех благ, которыми существуем. Но как венец будем носить крест Христов. Чрез него совершается все, что для нас нужно. Нужно ли родиться – предлагается нам крест; хотим ли напитаться таинственной пищею, нужно ли принять рукоположение или другое что сделать – везде предстоит нам этот знак победы. Потому-то мы со всяким тщанием начертываем его и на домах, и на стенах, и на дверях, и на челе, и на сердце. Крест есть знамение нашего спасения, общей свободы и милосердия нашего Владыки, Который *яко овца на заколение ведеса* (Ис. 53, 7). Потому когда знаменуешься крестом, то представляй все значение креста, погашай гнев и все прочие страсти. Когда знаменуешься крестом, пусть на челе твоём выражается живое упование, а душа твоя делается свободною. Без сомнения, вам известно, что доставляет нам свободу. Потому и Павел, склоняя нас к этому-я разумею свободу, нам приличную, – упомянув о кресте и крови Господней, убеждает такими словами: *ценою куплени есте, не будите раби человеком* (1 Кор. 7, 23). Помышляй, говорит, о дорогой цене, какая заплачена за тебя, и не будешь рабом ни одного человека; а под дорогою ценою он разумеет крест. Не просто перстом должно его изображать, но должны этому предшествовать сердечное расположение и полная вера. Если так изобразишь его на лице твоём, то ни

один из нечистых духов не сможет приблизиться к тебе, видя тот меч, которым он уязвлен, видя то оружие, от которого получил смертельную рану. Если и мы с трепетом взираем на те места, где казнят преступников, то представь, как ужасается диявол, видя оружие, которым Христос разрушил всю его силу и отсек главу змия. Итак, не стыдись столь великого блага, да не постыдит и тебя Христос, когда придет во славе Своей и когда это знамение явится пред Ним, сияя светлее самых лучей солнечных. Тогда крест этот самым явлением своим как бы скажет в оправдание Господа пред целою вселенною и во свидетельство, что с Его стороны все сделано, что только было нужно. Это знамение и в прежние, и в нынешние времена отверзало заключенные двери; оно отнимало силу у вредоносных веществ, делало недействительным яд; оно врачевало смертоносные угрызения зверей. Если оно отверзло врата адовы, отворило твердь небесную, вновь открыло вход в рай и сокрушило крепость диявола, то что удивительного, если оно побеждает силу ядовитых веществ, зверей и всего тому подобного?

5. Итак, напечатлей крест в уме твоём и обними спасительное знамение душ наших. Этот самый крест спас и преобразовал вселенную, изгнал заблуждение, ввел истину, землю обратил в Небо, людей соделал Ангелами. Когда при нас крест, тогда демоны уже не страшны и не опасны; смерть уже не смерть, а сон. Крестом все враждебное нам низложено и попрано. Итак, если кто скажет тебе: ты поклоняешься Распятому, отвечай ему радостным гласом и с веселым лицом: поклоняюсь и не перестану поклоняться. Если он засмеется, ты оплачь его безумие и благодари Господа, что Он оказал нам такие благодеяния, которых без откровения свыше и познать никто не может. Такой человек смеется ведь потому только, что *душевен человек не приемлет, яже Духа Божия* (1 Кор. 2, 14). То же бывает и с детьми, когда они видят что-нибудь великое и удивительное; если ты станешь объяснять ребенку тайну, он засмеется. И язычники подобны таким детям, а лучше сказать, и их безрассуднее, почему и более достойны сожаления, как поступающие по-детски не в детском, а в совершенном возрасте. Поэтому-то они не заслуживают никакого и извинения. Но мы громким, сильным и высоким голосом взываем и говорим, а когда предстанут все язычники, еще с большим дерзновением возопием, что крест есть наша похвала, начало всех благ, дерзновение и все наше украшение. О, если бы я мог сказать с Павлом: *имже мне мир распяся, и аз миру* (Гал. 6, 14)! Но не могу, будучи одержим различными страстями. Поэтому увещаю вас, а прежде вас себя самого – распяться миру и не иметь ничего общего с землею, но возлюбить горнее отечество, славу и блага небесные. Мы – воины Царя Небесного, мы облеклись в оружие духовное. Зачем же мы живем подобно корчемникам, бродягам и даже подобно червям? Где царь, там должен быть и воин. Мы воины не отдаленного какого-либо царя, но близкого к нам. Земной царь не допустит всех в свой дворец и к своей особе; но Царь Небесный хочет, чтобы все были близ царского Его Престола. Но как возможно, скажешь, чтобы мы, находясь здесь, предстояли Его Престолу? Также, как и Павел, будучи на земле, был там, где Серафимы и Херувимы, и даже ближе был ко Христу, нежели щитоносцы к царю: эти последние обращают свои взоры на многие предметы, Павла же ничто не занимало, ничто не развлекало, но вся мысль его была устремлена к Царю Христу. Если, следовательно, мы захотим, и нам это будет возможно. Если бы Господь отдален был местом, то ты имел бы причину сомневаться; если же Он везде присутствует, то и близок ко всякому, кто все внимание устремил к Нему. Вот почему и пророк сказал: *неубоюся зла, яко Ты со мною еси* (Пс. 22, 4). И Сам Бог говорит: *Бог приближаясь Аз есмь, а не Бог издалеча* (см.: Иер. 23, 23). Потому как грехи удаляют нас от Него, так добрые дела приближают к Нему: *еще глаголющути*, сказано, *речет: се, приидох* (Ис. 58, 9). Какой отец когда-либо бывал так внимателен к детям? Какая мать так бывает заботлива и всегда ждет, не позовут ли ее дети? Не найдешь ни одного такого отца, ни одной такой матери; только один Бог непрестанно ждет, не воззовет ли к Нему кто из слуг Его, и никогда не оставляет наших прошений, когда просим Его должным

образом. Потому-то Он и говорит: *еще глаголющу ти*, – ты еще не кончишь своих прошений, а Я уже выслушаю. Итак, будем призывать Его, как Он того хочет. Но как Он хочет? *Разрешай*, говорит, *всяк союз неправды, разрушай обдолжения насильных писаний, всякое писание несправедное раздери. Раздробляй алчущим хлеб твой, и нищия безкровныя введи в дом твой: аще видиши нага, одей, и от свойственных племени твоего не презри. Тогда разверзется рано свет твой, и исцеления твоя скоро возсияют; и предъидет пред тобою правда твоя, и слава Божия обымет тя. Тогда* призовешь Меня, и услышу *тя; еще глаголющу ти, реку: се, приидох!* (см.: Ис. 58, 6–9).

Но кто же в состоянии все это сделать, скажешь ты? А я спрошу тебя: кто не в состоянии? В самом деле, что здесь трудного? Что тягостного? Что неудобного? Напротив, это не только возможно, но и так легко, что многие даже сделали более: не только раздирали несправедное писание, но и отдавали все свое; не только укрывали и питали у себя бедных, но трудились до пота, чтобы их прокормить; благодетельствовали не только сродникам, но и врагам.

6. И в самом деле, что трудного в сказанном выше? Не говорят тебе: взойди на гору, переплыви море, возделай столько-то десятин земли, долго постись, надень вретигце; но (сказано): подай ближним, подай хлеба, разорви несправедно составленные писания. Что легче этого, скажи мне? Если же тебе и кажется это трудным, то посмотри на награды – и будет для тебя легко. Подобно тому как цари подвизающимся на ристалищах конских полагают венцы, награды и одежды, так и Христос среди поприща полагает награды, показывая их в каждом слове пророка, как бы в особой руке. Земные цари, – пусть они будут тысячу раз цари, все же люди: и богатство у них тратится, и щедрость истощается, а потому они и стараются малое показать великим, отчего каждую вещь вручают особому прислужнику и таким образом выставляют напоказ. Не так поступает наш Царь: так как Он весьма богат и ничего не делает напоказ, то Он выставляет дары, сложивши все вместе, и, если бы эти дары разложить порознь, они были бы неисчислимы и много требовалось бы рук держать их. Чтобы увериться в этом, рассмотри внимательно каждую из наград. *Тогда разверзется*, сказано, *рано свет твой*. Не думаешь ли, что тут один дар? Нет, не один; он заключает в себе много почестей, венцов и других наград. Если угодно, разложим и покажем по возможности все богатство; только не поскучайте. И во-первых, посмотрим, что значит: *разверзется*? Не сказано: явится, но: *разверзется*. Это показывает нам скорость и обилие, и то, как много желает Он нашего спасения, как усиливается и спешит породить эти блага, – показывает, что ничто не удержит этого неизреченного усилия; все это выражает обилие даров и бесчисленное богатство. Что значит: *рано*? Это значит, что награды даются не после искушений, или испытанных бедствий, но еще прежде. Как плоды, которые показались прежде времени, мы называем ранними, так и здесь, опять выражая скорость, Он также говорит, как и выше сказал: *и еще глаголющу ти, реку: се, приидох!* К о каком свете говорит Он? Что это за свет? Не этот чувственный, но другой, гораздо лучший, при котором мы видим Небо, Ангелов, Архангелов, Херувимов, Серафимов, Престолы, Господства, Начала, Власти, все воинство, чертоги и дворы царские. Если ты удостоишься этого света, то и это все увидишь; избавишься геенны, ядовитого червя, скрежета зубов, неразрешимых уз, стенания и скорби, непроницаемой тьмы, рассечения надвое, реки огненной, проклятия и места мучения, и пойдешь туда, где нет ни болезни, ни печали, где великая радость, и мир, и любовь, и веселье, и услаждение; где жизнь вечная, слава несказанная и красота неизреченная; где вечные обители, слава Царя неведомая и такие блага, *ихже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша* (1 Кор. 2, 9); где духовный чертог и небесные ложи; где девы с ясными светильниками и облеченные в брачные одежды; где бесчисленное богатство Господа и царские сокровищницы. Видишь ли, сколько наград, и как все они выражены одним словом, и как все совокуплены вместе? Точно также, если станем разбирать и прочие слова, откроем

бесчисленнейшие богатства – море неизмеримое! Итак, скажи, будем ли еще медлить и нерадеть о вспомоществовании бедным? Нет, умоляю вас; но, хотя бы нужно было всем пожертвовать, хотя бы нужно было броситься в огонь и идти против мечей и секир или другое что потерпеть, – все будем переносить охотно, чтобы получить одеяние Царства Небесного и неизреченную славу, каковой славы все мы и да сподобимся, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь.

Беседа LV

Тогда Иисус рече учеником Своим: аще кто хочет по Мне ити, да отвержется себе и возмет крест свой, и по Мне грядет (Мф. 16, 24)

Изъяснение 16, 24–27. По примеру Христа должно всегда быть готовым на смерть. – Почему Христос не принуждает, а приглашает к последованию за Собою. – Что значит отвергнуться самого себя. – До чего должно простираться самоотвержение. – Не всякое страдание является последованием Христу. – В чем истинное спасение и истинная погибель души. – Равночестие и единосущие Сына с Отцом. – Похвала жизни иноков. – Изъяснение употребляемой ими молитвы после принятия пищи. – Увещание подражать образу жизни иноков.

1. Тогда – когда же? После того, как Петр сказал: *милосерд Ты Господи, не имать быти Тебе сие*, и получил в ответ: *иди за Мною, сатано!* Господь не удовольствовался одним воспрещением, но, желая вполне показать неуместность слов Петра и пользу страданий, сказал: ты Мне говоришь: *милосерд Ты, не имать быти Тебе сие*; а Я тебе говорю, что не только вредно и пагубно для тебя препятствовать Мне и сокрушаться о Моем страдании, но и ты сам не можешь спастись, если не будешь всегда готов умереть. А чтобы ученики не думали, что страдать для Него бесчестно, то о пользе страдания вразумляет их не одними вышеприведенными словами, но и следующими. Так, у Иоанна говорит Он: *аще зерно пшенично, пад на земли, не умрет, то едино пребывает: аще же умрет, мног плод приносит* (Ин. 12, 24). Итак, здесь, вполне раскрывая пользу страдания, сказанное о необходимости умереть распространяет не на себя только, но и на них. Такова польза этого подвига, что и для вас не желать умереть – пагубно, а быть готовыми к тому – благо. Впрочем, вполне объясняет это Христос после, а теперь раскрывает только отчасти. И заметь, как Он, говоря это, не принуждает; не сказал, что вам волею или неволею должно пострадать, а что сказал? *Аще кто хочет по Мне ити*. Я не заставляю, не принуждаю; но предоставляю это собственной воле каждого. Потому и говорю: *аще кто хочет*. Я приглашаю на доброе дело, а не на злое и тягостное, не на казнь и мучение, к чему Мне нужно было бы принуждать. Дело само по себе таково, что может вас привлечь. Говоря таким образом, Христос только сильнее привлекал к последованию за Ним. Тот, кто принуждает, часто отвращает; а кто предоставляет слушателю свободу, скорее привлекает. Кроткое обращение действительнее принуждения. Потому и Христос сказал: *аще кто хочет*. Велики те блага, говорит Он, которые Я вам даю, – таковы, что к ним вы охотно будете стремиться. Кто дает золото и предлагает сокровище, тот не станет употреблять насилия. Если же при этих благах не нужно насилия, то тем менее оно нужно при благах небесных. Если свойство самого блага не побуждает тебя стремиться к нему, то ты недостоин и получить его; если же и получишь, то не будешь знать цены полученного. Потому-то и Христос не принуждает, но снисходительно увещевает нас. Так как ученики, смущаясь словами Иисуса по видимому наедине много роптали, то Он говорит: не должно роптать и смущаться. Если вы не верите, что то, о чем Я сказал, будет причиною бесчисленных благ и с вами сбудется, – Я не заставляю, не принуждаю; но кто желает последовать, того призываю. Не считайте последованием Мне то, что теперь делаете, ходя за Мною. Если хотите за Мною идти, то вам надобно будет перенести много трудов, много опасностей. Не думай, Петр, что, поелику ты исповедал Меня Сыном Божиим, за это одно и можешь ждать венцов; не считай этого достаточным для твоего спасения и не упо-

каивайся на этом, как будто бы все тобою сделано. Я, как Сын Божий, могу сделать, что ты не подвергнешься бедствиям, но не хочу того для тебя, чтобы было нечто и твое собственное и чтобы ты заслужил больше похвалы. Какой распорядитель игр на поприще, будучи другом борцу, захочет его увенчать только по милости, без всякой его заслуги и единственно потому, что любит его? Так и Христос тем, которых особенно любит, желает, чтобы они приобретали славу и сами по себе, а не при Его только помощи. Смотри же, как не трудна предлагаемая Им заповедь. Не их одних обрекает Он на бедствия, но дает общую заповедь для всех, говоря: *аще кто хочет*, жена ли, муж ли, начальник ли, подчиненный ли, – всякий должен следовать по этому пути. И хотя по видимому говорит об одном, а понимает три действия: отвержение самого себя, взятие креста своего и последование Ему. Два соединены между собою, а одно поставлено особо. Итак, посмотрим, во-первых, что значит отвергнуться самого себя. Наперед исследуем, что значит отвергнуться другого, тогда узнаем и то, что значит отвергнуться самого себя. Итак, что значит отвергнуться другого? Отрекающийся другого, например брата, или раба, или кого иного, хотя бы и видел, что его бьют, или вяжут, или ведут на казнь, или как иначе мучат, не заступается, не защищает, не соболезнует, не принимает в нем никакого участия, как бы он был совершенно ему чужой. Так точно и Христос желает, чтобы мы не жалели своего тела: бьют ли, гонят ли, жгут ли или другое что делают, – не жалей себя. Это-то самое и значит жалеть себя. И отцы тогда жалеют детей своих, когда, препоручая их учителям, приказывают не шадить их. Так и Христос. Он не сказал: пусть не жалеет самого себя, но, что гораздо сильнее: *да отвержется себе*, то есть пусть не имеет ничего общего с самим собою, а пусть обрекает себя на опасности, на подвиги, и их переносит, так, как бы то терпел другой кто-либо. Христос не сказал: да отречется (*ἀρνησῆσθω*), но: *да отвержется* (*ἀπαρνησῆσθω*), небольшим этим прибавлением придавая большую силу словам Своим, так как последнее гораздо выразительнее первого.

2. *И возмет крест свой*. Это следует из первого. Чтобы ты не подумал, что, отвергаясь самого себя, должен переносить словесные только оскорбления и укоризны, Он назначает предел, до которого должно простираться самоотвержение, именно – смерть, и смерть поносную. Поэтому не сказал Он: *да отвержется себе* даже до смерти, но: *возмет крест свой*, разумея поносную смерть и действие, не раз или два раза, но целую жизнь совершаемое. Беспреданно, говорит Он, имей пред глазами смерть и каждый день будь готов на заклятие. Многие, хотя пренебрегали богатство, удовольствия и славу, но не презирали смерть, а страшились опасностей; поэтому Я, говорит Он, хочу, чтобы Мой подвижник ратовал до крови и подвиги его продолжались до самого заклятия. Итак, если нужно будет претерпеть смерть, и смерть поносную, смерть под проклятием и по подозрению в худых делах, то все должно перенести с мужеством, и еще тому радоваться. *И по Мне грядет*. Так как иной, и страдая, не последует Ему, когда страдает не за Него (и разбойники, например, и расхитители гробниц, и чародеи терпят много тяжких мучений), то, чтобы ты не подумал, что довольно самых бедствий, отчего бы они ни происходили, Он присовокупляет, какая должна быть причина бедствий. Какая же? Что ни делаешь, ни терпишь, последуй Христу, все за Него претерпевай и соблюдай прочие добродетели. В словах: *по Мне грядет* заключается и то, чтобы ты оказывал не только мужество в бедствиях, но и целомудрие и кротость, – и всякую добродетель. То и значит последовать Ему, как должно, чтобы стараться о всякой другой добродетели и всё за Него терпеть. Есть люди, которые, следуя дияволу, терпят то же и предают за него свои души; но мы терпим за Христа или, лучше сказать, за самих себя. Они терпением вредят себе и здесь, и там; а мы приобретаем пользу и в этой, и будущей жизни. Итак, не крайнее ли это нерадение – не оказывать и такого мужества, какое оказывают погибающие, и это несмотря на то, что нам уготовано столько наград? Притом нам помогает Христос, а им никто.

Еще прежде, когда посылал учеников Своих, Господь заповедал им, говоря: *на путь язык не идите; посылаю вас яко овцы посреде волков; и: пред владыки же и цари ведени будете* (Мф. 10, 5, 16, 18). А теперь заповедывает гораздо сильнее и строже. Тогда говорил о смерти только, а теперь упомянул и о кресте, и кресте всегдашнем: *да возмет, говорит Он, крест свой*, – то есть да держит и носит его непрестанно. Так и всегда обыкновенно Христос поступал: не сначала, не при первых наставлениях, но постепенно и мало-помалу предлагал труднейшие заповеди, чтобы не встревожить слушателей. Далее, так как заповедь казалась тяжелою, смотри, как Он смягчает ее последующими словами, как предлагает награды, превышающие труды, и не награды только, но и наказания за грехи; о наказаниях распространяется даже более, нежели о наградах, потому что обыкновенно не столько даяния благ, сколько строгая угроза умудряет многих. Смотри же, как Он и здесь начинает и тем же самым оканчивает. *Иже бо аще хочет душу свою спасти, погубит ю; и Иже аще погубит душу свою Мене ради, обрящет ю. Кая бо польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщепит, или что даст человек измену за душу свою?* (Мф. 16, 25–26). Слова эти значат: не думайте, чтобы Я вас не щадил; напротив, очень щажу, когда заповедую вам это. Так и тот, кто щадит своего сына, губит его, а кто не щадит, тот сохраняет его. То же самое сказал и один мудрый: *аще биеши жезлом сына твоего, не умрет, душу же его избавит от смерти* (см.: Притч. 23, 13–14); и еще: *угождай сыну, обяжет струпы его* (Сир. 30, 7). То же бывает и с воинами: если военачальник, щадя воинов, позволяет им всегда сидеть дома, то погубит и тех, кто остается с ними вместе. Итак, чтобы не случилось того же и с вами, говорит Он, вам беспрестанно должно быть готовыми на смерть. Ведь и ныне уже возгорается ужасная брань. Потому не сиди дома, но пойди и сражайся; если и падешь на брани, в ту же минуту оживешь. Если и в видимых сражениях идущий на смерть славнее других, и считается непобедимым, и для врагов особенно страшен, хотя царь, за которого он поднимает оружие, и не силен воскресить его по смерти, то тем более в этих бранях, – когда столько надежд воскреснуть, – предающий душу свой на смерть обретет ее, во-первых, потому что не скоро побежден будет, во-вторых, потому что, если и падет, приобретет для нее лучшую жизнь.

3. Потом, так как, говоря: *Иже аще хочет спасти (душу), погубит ю; и Иже аще погубит, спасет*, в том и другом случае употребляет слова: *спасет* и *погубит*, – то, чтобы не подумал кто-нибудь, что погубить и спасти в обоих случаях значит одно и то же, но ясно видел, что между тем и другим спасением такое же различие, какое между погибелью и спасением, – Он объясняет это от противного: *кая бо польза человеку, говорит Он, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщепит?* Видишь ли, что спасти душу, не как следует, – значит губить ее, и хуже чем губить, – губить невозвратно, так что не остается уже средств искупить ее? Не говори мне, – как бы так сказал Он, – что избежавший величайших опасностей спас душу свою, но представь, что душе его покорена вся вселенная: что ему будет пользы от того, когда душа его гибнет? Скажи мне: если ты видишь, что рабы твои живут в полном довольстве, а сам ты в крайней беде, какая тебе польза от того, что ты господин? Никакой. Так же суди и о душе: когда плоть наслаждается и богатеет, душа ожидает будущей гибели. *Что даст человек измену за душу свою?* Опять подтверждает то же. Ты не можешь, говорит Он, вместо души дать другой души. Если ты потеряешь деньги, можешь дать другие; то же можно сказать о доме, о рабах и о всяком другом имуществе; а потерявши душу, не сможешь дать другой души. Хотя бы ты владел и целым миром, хотя бы был царем вселенной, – однако, и всю вселенную отдавши, и на всю вселенную не купишь ни одной души. Да и что удивительного, если так случается с душою? Так же, как всякий может видеть, бывает и с телом. Хотя бы ты надел на себя тысячи венцов, но если у тебя тело по природе больное и неизлечимо страдает, то не можешь пособить тому, хотя бы ты отдал целое царство и присовокупил тысячи тел, города, имущества. Так же суди и о душе, да о душе еще больше, и, оставив все прочее, приложи о ней все старание.

4. Заботясь о чужом, не забывай себя и своего, как ныне все делают, подражая рудокопам. Для них нет никакой пользы от такой работы и от самых драгоценностей; напротив: бывает еще большой вред, потому что они подвергаются опасностям напрасно и подвергаются для других, не получая для себя никакого плода от своих трудов и изнурений. Им-то ныне и подражают многие, собирая богатство для других. Да о нас больше, чем о них, жалеть надобно, потому что нас после таких трудов ожидает геенна. Рудокопа от его трудов освобождает смерть; а для нас смерть бывает началом бесчисленных зол. Ты говоришь, что тебе приятно трудиться, когда обогащаешься; но покажи, что душа твоя радуется: тогда поверю. Всего главнее в нас душа. Если же тело тучнеет, а душа истает, то в этом тебе нет ни малой пользы. Так, если раба веселится, а госпожа гибнет, то для госпожи нет пользы от благоденствия служанки; так и для большого тела нет пользы от нарядной одежды. *Что даст человек измену за душу свою?* – говорит тебе опять Христос, повелевая тебе всячески стараться о душе и о ней одной заботиться. Устрашив указанием на погибель души, Христос утешает и обетованием благ: *прийти бо имать*, говорит Он, *Сын Человеческий во славе Отца Своего, со святыми Ангелы Своими, и тогда воздаст комуждо по делом его* (см.: Мф. 16, 27). Видишь ли, что Отцу и Сыну принадлежит одна слава? Если же слава одна, то очевидно и сущность одна. Если, при единстве сущности, бывает разность в славе (*ина бо слава солнцу, и ина слава луне, и ина слава звездам; звезда бо от звезды разнствует во славе* (1 Кор. 15, 41), хотя они и одинаковой сущности), то как можно почитать не единосущными тех, которым принадлежит одна слава? И Он не сказал: во славе такой, которая свойственна Отцу, – чтобы ты опять не подумал, что здесь есть какая-нибудь разность, – но со всею точностью показывает, что слава одна и та же, говоря, что во славе Отца приидет. Итак, говорит, чего ты страшишься, Петр, слыша о смерти? Ты увидишь тогда Меня во славе Отца. А если Я во славе, то и вы. Ваша награда не в настоящей жизни; нет, вы наследуете другой, лучший жребий. Сказав о благах, Он, однако, не остановился на том, но присоединил и угрозы, упоминая о последнем Суде, о строгом истязании, о беспристрастном приговоре, о праведном решении. Впрочем, Он не хотел только опечалить их словом, но растворил его приятными надеждами. Не сказал: тогда накажет грешников, но: *воздаст комуждо по делом его*. Говоря это, разумел Он не наказание только грешников, но и награды и венцы праведников. Он сказал это для того, чтобы ободрить и людей добродетельных. А я всегда трепещу, слыша о Суде, так как я не из числа венчаемых. Думаю, что и другие также страшатся и ужасаются, так как кого не утешит, кого не заставит трепетать это слово, если слушающий придет только в сознание самого себя? Кого не заставит убедиться, что вретнице и самый строгий пост нужнее для нас, чем для народа ниневийского? Нам говорят не о разрушении града, не об общей погибели, но о муке вечной, об огне негасимом.

5. Вот почему я отдаю честь и удивляюсь инокам, которые удалились в пустыни, будучи побуждены как другими причинами, так и этим словом Христовым. Они после обеда или, лучше сказать, после ужина (у них обеда иногда и не бывает, так как настоящую жизнь считают они временем плача и поста), – после ужина, вознося благодарственные песни Богу, вспоминают об этом слове. Если хотите слышать и самую песнь их, чтобы и вам всегда произносить ее, то я повторю вам всю эту священную песнь. Вот собственные слова ее: «Благословен Бог, питающий меня от юности моей, подающий пищу всякой плоти! Исполни радостью и веселием сердца наши, чтобы мы, имея всякое довольство, всегда избыточествовали во всяком деле благом, во Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Тебе слава, честь и держава, со Святым Духом во веки. Аминь. Слава Тебе Господи, Слава Тебе Святой, Слава Тебе Царю, что Ты дал нам брашна в веселие! Исполни нас Духом Святым, да обрящемся пред Тобою благоугодными, да не будем постыжены, когда Ты воздашь всякому по делам его». Вся песнь эта достойна удивления, особенно же конец ее. Так как за столом от пищи человек несколько забывается и тяжелеет, то они, вспоминая о времени Суда, во время весе-

лия словом Христовым, как бы некоторою уздою, укрощают душу. Они знают, что случилось с Израилем от роскошной пищи: *яде, и насытится, и отвержеся возлюбленный* (см.: Втор. 32, 15). Так и Моисей сказал: *ядый и пия, и насытився, вспомни Господа Бога Твоего* (6, 12, 11), потому что после пресыщения израильтяне отваживались на великие беззакония. Итак, берегись, чтобы и с тобою не случилось чего-либо подобного. Хотя бы ты и не приносил в жертву камню или золоту овец и тельцов, но берегись, чтобы не принести своей души в жертву гневу, своего спасения – в жертву любодоению или другим подобным страстям. Потому-то и иноки, опасаясь таковых падений, после стола или, лучше сказать, после поста (так как они и за столом соблюдают пост) приводят себе на память Страшный Суд и Последний День. Если же те, которые уцеломудривают себя постом, преклонением долу, бдением, вретищем и бесчисленными подвигами, имеют еще нужду в таком воспоминании, то как можем безбедно прожить мы, когда наши столы приводят в волнение страсти, а мы и садимся за стол, и встаем из-за него без молитвы? Для отвращения таких бед объясним всю песнь, которую мы привели, чтобы, узнавши пользу ее, всегда петь ее при столе, – укрощать тем неистовство чрева и ввести у себя в домах обычаи и уставы земных Ангелов. Самим бы вам надлежало сходить к ним, чтобы получить такую пользу; а если не хотите, по крайней мере, из моих уст выслушайте это духовное сладкопение, и пусть каждый после стола произносит слова песни, начиная так: «Благословен Бог!» Так, в самом же начале они исполняют апостольскую заповедь, которою предписывается: *все, еже аще творим словом и делом, творим во имя Господа нашего Иисуса Христа, благодаряще Бога и Отца Тем* (см.: Кол. 3, 17). Итак, благодарить должно не за один настоящий день, но за целую жизнь, почему и сказано: «питающий меня от юности моей». И здесь-то заключается учение любомудрия. Если Бог питает, то самому не нужно заботиться. Если бы царь обещал тебе давать на ежедневное пропитание из своей казны, то ты остался бы спокойным; тем более должен быть ты свободен от всякой заботы, когда Сам Бог дает и все тебе от Него рекою течет. Для того-то они и произносят такие слова, чтобы убедить себя и поучаемых ими отрешиться от всякого житейского попечения. Далее, чтобы ты не подумал, что они воздают такую благодарность только за самих себя, присовокупляют: «подающий пищу всякой плоти», – благодаря тем за весь мир. Как отцы всей вселенной, они за всех благословляют Бога, возбуждая себя к искреннему братолюбию; они не могут ненавидеть тех, за которых благодарят Бога, питающего их. Видишь ли из сказанного теперь и прежде, как благодарение ведет к любви и удаляет житейские попечения? Если Господь питает всякую плоть, то тем более уповающих на Него. Если питает связанных житейскими заботами, то тем более тех, которые свободны от них, как то и Христос подтвердил, сказав: *скольких птиц лучше есте вы* (см.: Лк. 12, 7). Этими словами Он научал не надеяться на богатство и плодоношение семян.

Не это питает, а слово Божие. Таким образом иноки своею песнью посрамляют манихеян и валентиниан и всех их единомышленников. В самом деле, нельзя почитать злым того, кто свои блага предлагает всем, даже и тем, которые хулят его. Далее следует прошение: «исполни радостью и веселием сердца наша». Какою радостью: не житейскою ли? Нет. Если бы иноки желали такой радости, то не стали бы жить на высотах гор и в пустынях, не стали бы облекаться во вретигце. Напротив, они говорят о той радости, которая не имеет ничего общего с настоящею жизнью, – о радости ангельской, о радости горней. И не просто испрашивают они радости, но просят ее в великом избытке. Не говорят: дай; но: «исполни»; не говорят: исполни нас, но: «сердца наши». Такая-то радость и есть преимущественно радость сердца. *Плод духовный, говорится, любви, радость, мир* (Гал. 5, 22). Так как грех породил печаль, то они просят водворить в них вместе с радостью правоту; иначе и быть не может радости. «Чтобы мы, имея всякое довольство, всегда избыточествовали во всяком благом деле». Вот исполнение евангельского слова: *хлеб наш насущный даждь нам днесь* (см.: Лк. 11, 3). Смотри, как они ищут и самого довольства только для души: «чтобы мы избыточест-

ствовали во всяком деле благом». Не сказали, чтобы мы исполнили только должное, но: даже и более заповеданного. Это-то и значат слова: «чтобы мы избыточествовали». И хотя просят у Бога довольства только в необходимом для жизни, но сами готовы повиноваться не столько, сколько от них требуется, но с великим преизбытком во всем. Так всегда и во всем избыточествовать свойственно рабам благонамеренным, мужам любомудрым. Потом, опять напоминая себе о своей немощи и о том, что без вышней помощи ничего доброго не могут сделать, они к словам: «чтобы мы избыточествовали во благом деле», присоединяют еще: «во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Тебе слава, честь и держава во веки. Аминь». Таким образом они и начинают, и оканчивают песнь благодарением.

6. После этого они опять начинают как бы снова, но в самом деле продолжают то же. Подобным образом и Павел, начало Послания окончив славословием и сказав: *по воле Бога и Отца, Ему же слава во веки, аминь* (см.: Гал. 1, 4–5), вслед за тем начинает раскрывать содержание своего Послания. Равным образом и в другом месте, сказав: *почтоша и послужиша твари паче Творца, Иже есть благословен во веки. Аминь* (Рим. 1, 25), не окончил речи, а продолжает ее и далее. Итак, не будем винить и этих Ангелов за то, что они не соблюдают порядка, когда, заключивши речь славословием, опять продолжают священные песни. Они следуют примеру апостолов, когда начинают славословием и оканчивают тем же и, по таком окончании, начинают снова. Итак, говорят: «слава Тебе Господи, слава Тебе Святой, слава Тебе Царю, что Ты дал нам брашна в веселие!» Благодарить должно не за великие только благодеяния, но и за малые. Благодаря же и за малые, они обличают ересь манихеев и всех тех, кто говорит, что настоящая жизнь есть зло. Чтобы ты, судя по высокому их любомудрию и по тому, что небрегут о чреве, не заключил, что они гнушаются брашен подобно самоубийцам, они своею молитвою научают тебя, что воздерживаются от многого не по отвращению от созданий Божий, но по любви к подвижничеству. И смотри, как они, возблагодарив за ниспосланные уже блага, просят других, больших, и не останавливаются на житейских, но возносятся превыше небес, и говорят: «исполни нас Духом Святым!» Не исполнившись благодати Духа, ни в чем нельзя иметь надлежащего успеха, равно как нельзя совершить ничего доблестного и великого без помощи Христовой. И как они к словам: «чтобы избыточествовали во всяком деле благом» присоединяют: *во Христе Иисусе*, так и здесь говорят: «исполни нас Духом Святым, да окажемся благоугодными пред Тобою». Видишь ли, что они о житейском не молятся, а только благодарят, о духовном же и благодарят, и молятся? *Ищите*, сказал Христос, *Царствия Небесного, и сия вся приложатся вам* (Мф. 6, 33). Примечай и дальше их любомудрие. «Да окажемся», говорят они, «пред Тобою благоугодными, да не будем постыжены». Мы не боимся, говорятони, посрамления людского; что былюди ни говорили о нас в насмешку и поношение, мы не обращаем на то никакого внимания. Мы о том только заботимся, чтобы тогда не постыдиться. А когда говорят это, помышляют об огненной реке, о награде, о почестях. Не сказали: чтобы нам не потерпеть наказания; но: чтобы не постыдиться. Явиться оскорбителями Господа для нас страшнее геенны. Но так как многих беспечных это не устрашает, то они присоединяют: «когда воздашь комуждо по делом его». Видишь, сколько приносят нам пользы эти странники и пришельцы, пустынножители или, лучше, – небожители. Мы странники небесные, а жители земные; а они – наоборот. После такой песни, исполнившись умилением, с горячими и обильными слезами, они отходят ко сну и спят столько, сколько потребно для малого успокоения. И опять ночь превращают в день, проводя время в благодарениях и псалмопениях. И не одни только мужи, но и жены упражняются в таком любомудрии, побеждая немощь естества избытком усердия. Итак, мы, мужи, устыдимся крепости жен и перестанем заботиться о настоящем – о тени, о мечте, о дыме. Большая часть жизни нашей проходит в бесчувствии. В юности мы почти вовсе неразумны; когда наступает старость, то притупляется в нас всякое чувство. Остается небольшой промежуток, в который мы с полным чувством можем наслаждаться удоволь-

ствием; да и в это время мы не наслаждаемся вполне, по причине бесчисленных забот и трудов. Потому-то и убеждаю искать благ неизменных, нетленных и жизни, никогда не стареющей. Можно ведь, живя и в городе, подражать любомудрию пустынножителей; и женатый и семейный может и молиться, и поститься, и приходить в умиление. Так, первые христиане, наученные апостолами, жили в городах, а являли благочестие, свойственное пустынножителям; иные занимались и рукоделием, как-то: Прискилла и Акила. Да и все пророки имели и жен, и дома, как, например: Исайя, Иезекииль, великий Моисей; однако это не препятствовало им быть добродетельными. Им и мы подражая, будем всегда благодарить Бога и всегда воспевать Его; будем стараться о целомудрии и прочих добродетелях и введем любомудрие пустынников в городах, чтобы нам явиться и пред Богом благоугодными, и пред людьми – почтенными и чтобы нам удостоиться будущих благ, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, чрез Которого и с Которым Отцу слава, честь, держава, со Святым и Животворящим Духом ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Беседа LVI

Аминь, глаголю вам, (яко) суть нецыи от zde стоящи, Иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Сына Человеческого, грядуща во Царствии Своем (Мф. 16, 28)

Изъяснение 16, 28–17, 9. Почему Христос более говорит о наградах, чем угрожает наказаниями. – Почему являются при Преображении Моисей и Илия. – От учеников Христовых требуется большее совершенство, чем показали Моисей и Илия. – Любовь Петра ко Христу. – Равенство Сына с Отцом. – Почему Христос запрещал разглашать о Своем Преображении до страданий. – Слава будущего пришествия Христова. – Добродетель легка, порок тягостен. – Против ростовищичества.

1. Так как Христос много беседовал об опасностях, о смерти и страданиях Своих, об избииении учеников, и завещавал им тяжкие подвиги, которым они должны были подвергнуться в настоящей жизни, и притом весьма скоро, между тем как блага, – спасение, например, души для тех, кто губит ее, пришествие Христа во славе Отца Своего, воздаяние наград за подвиги, – оставались для них в надежде и ожидании, то теперь, желая просветить взор их и показать, сколько то возможно для них, в чем будет состоять та слава, с которою Он придет, открывает им эту славу еще в настоящей жизни, чтобы они, а особенно скорбевший Петр, не печалились о своей смерти, равно как и о смерти Господа своего. И заметь, как Он поступает. Сказав о геенне и Царствии (именно словами: *обретший душу свою погубит ю*, и если кто погубит *ее Мене ради, обрящет ю*, и: *воздаст комуждо по делом его* (Ин. 12, 25; Мф. 16, 25, 27) Он означил и то, и другое), сказав о том и другом, Он Царствие поставляет пред самыми глазами, а геенну удаляет от взора. Почему же так? Потому, что для людей более грубых нужно было говорить и о геенне; а так как ученики Его были опытни и сведущи, то Он убеждает их тем, что могло доставить им большое утешение. Притом же так говорить было и приличнее Иисусу Христу. Впрочем, Он не оставляет совершенно и геенны, но иногда и ее представляет пред глазами, когда, например, приводит образ Лазаря (см.: Лк. гл. 16), или заимодавца, или человека, требовавшего сто динариев (см.: Мф. гл. 18), облеченного в грязные одежды (см.: Мф. гл. 22), и многих других. *И по днеш шестихноят Петра, Иакова и Иоанна* (см.: Мф. 17, 1). Если другой Евангелист говорит: *спустя восемь дней* (см.: Лк. 9, 28), то здесь нет противоречия, напротив – согласие. Один разумел и тот день, в который говорил Иисус, и тот, в который возвел Он учеников Своих на гору; а другой считает только те дни, которые протекли между этими днями. Посмотри же, как беспристрастен Матфей: он не скрывает тех, которые были предпочтены ему. То же самое часто делает и Иоанн, с полною точностью описывая отменные похвалы, воздаваемые Петру. Так, всегда были чужды зависти и тщеславия все эти святые мужи. Итак, взявши верховных апостолов, *возведе их на гору високу едины, и преобразися пред ними: и просветися лице Его яко солнце, ризи же Его быши белы яко свет. Ис, еявистася им Моисей и Илия, с Ним глаголюща* (Мф. 17, 1–3). Почему Христос берет только этих учеников? Потому, что они превосходили прочих: Петр сильною любовью к Иисусу, Иоанн – особенною любовью к нему Иисуса, а Иаков – ответом, который он дал вместе с братом своим: *можем испить чашу* (см.: Мф. 20, 22), и не одним ответом, но и делами – как другими, так и теми, которыми он оправдал свои слова. И действительно, он был так неприязнен и ненавистен для иудеев, что и Ирод умерщвлением его думал сделать великий подарок иудеям. Для чего же Иисус не тотчас возводит их? Для того,

чтобы прочие ученики не пришли в смущение. Потому же Он не говорит даже и об именах тех, которые взойдут с Ним на гору. В противном случае прочие ученики сильно пожелали бы следовать за Ним, чтобы видеть образ будущей славы, и восскорбели бы, как будто презренные. Хотя Христос намеревался показать славу Свою и чувственным образом, однако ж и это было для них вожделенно. Но для чего же Он прежде сказал об этом? Для того, чтобы они, услышав об этом ранее, сделались способнее к созерцанию, и чтобы число дней, воспламенивши в них сильнейшее желание, заставило их приступить с мыслию бодрственною и озабоченною. Для чего же тут являются Моисей и Илия? На это можно много представить причин. И во-первых, так как одни из народа почитали Христа за Илию, другие за Иеремию, иные за какого-либо из древних пророков, то и являются главные пророки, чтобы видно было различие рабов от Господа, и то, что Петр справедливо похвален, за исповедание Христа Сыном Божиим. Можно указать, далее, и вторую причину. Иудеи часто обвиняли Христа в преступлении закона и в богохульстве, – будто бы Он похищал славу Отца, Ему не принадлежащую, и говорили: *несть Сей от Бога, яко субботу не хранит* (см.: Ин. 9, 16); и еще: *о добре деле камене не мещем на Тя, но о хуле, яко Ты человек сый, твориши Себе Бога* (Ин. 10, 33); поэтому, чтобы показать, что оба обвинения произошли от зависти, а Он свободен и от того и от другого, – то есть что Он ни закона не преступил, ни славы, не принадлежащей Ему, не присвоил, называя Себя равным Отцу, – Он представляет мужей, прославившихся и исполнением закона, и ревностью к славе Божией. Если Моисей дал закон, то иудеи могли заключить, что он не потерпел бы презрения этого закона, как они думали, и не стал бы служить нарушителю его, дая него неприязненному Также и Илия из ревности к славе Божией не предстал бы и не повиновался бы Христу, если бы Он был противником Божиим и назвал Себя Богом и равным Отцу, не будучи таковым на самом деле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.